

№ 2 (47)
2019

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А. В. Рябцев,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь

Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:

Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;

А. М. Баранов,
д-р юрид. наук, профессор;

А. С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор;

С. С. Безруков,
д-р юрид. наук, доцент;

В. А. Болдырев,
д-р юрид. наук, доцент;

С. И. Давыдов,
д-р юрид. наук, доцент;

В. В. Денисенко,
д-р юрид. наук, профессор;

А. Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;

Н. Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор;

В. П. Камышанский,
д-р юрид. наук, профессор;

С. М. Кузнецова,
канд. юрид. наук, доцент;

Ю. И. Кулешов,
д-р юрид. наук, профессор;

В. Н. Лисица,
д-р юрид. наук, доцент;

Н. Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Кузнецова С.М. О необходимости законодательного закрепления самостоятельного процессуального статуса адвоката / 5

Мамошин М.А., Мамошин А.А. О процессуальном положении отдельных участников уголовного процесса, деятельность которых связана с осуществлением уголовного преследования / 10

Васильков К.А. Превенция в уголовно-процессуальном законодательстве: практико-правовые пробелы и пути их устранения / 17

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Борков В.Н. Классификация должностных преступлений по сфере посягательства и по характеру использования должностного положения / 22

Андрианов В.К. Диалектические закономерности и тенденции развития уголовного права / 29

Иванов А.Г. Соотношение субъективного и виновного вменения в уголовном праве России / 38

Кашапов Р.М., Прутовых В.В. К вопросу о толковании судебно-медицинских терминов, касающихся квалификации уголовно-правовых деяний / 44

Артюшина О.В., Гумаров И.А. «Общеправовое» мошенничество и высокие технологии: проблемы раскрытия и дифференциации уголовной ответственности / 50

Лаптев Д.Б. Некоторые проблемы регламентации нормы об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией / 55

Сазанков Н.Ю. Международно-правовая основа реализации антикоррупционной политики уголовно-правовыми средствами / 61

Кобец П.Н., Никитенко И.В. Противодействие незаконному обороту наркотиков в государствах Латинской Америки / 68

Путинцева А.В. Кибербуллинг: актуальные проблемы и пути их решения / 76

И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
В. Н. Шамаков,
канд. юрид. наук, доцент;
Н. Г. Шурухнов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**
Ю. В. Ходырева

Корректор
Н. Б. Хохлова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-37942 от 5 ноября 2009 г.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 26.06.2019.
Дата выхода в свет 28.06.2019.
Бум. офис. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 16,28.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 1–100 экз.)
Заказ № 9.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46–52–17
Тел./факс: (4212) 46–52–06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2019

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность

Егоров Н.Н. Криминалистические методы и средства поиска и обнаружения доказательств / **81**

Мерецкий Н.Е., Шурухнов Н.Г., Пудовиков А.С. Установление способов насилия в семье, скрытых инсценировками / **89**

Чернышёв С.А., Михайлов В.Ю. Проблемы производства фоноскопических и лингвистических экспертиз в условиях увеличения числа функциональных задач / **95**

Карданов Р.Р. О повышении эффективности использования технико-криминалистических средств и методов при осмотре «криминальных схронов» в Северо-Кавказском федеральном округе / **100**

Сыпачев А.Ю. Отдельные аспекты раскрытия мошенничеств в сфере информационно-телекоммуникационных сетей / **105**

Попова Е.И., Асалханов Т.Ю. Основы тактической операции «заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве» по уголовным делам об убийствах / **111**

Велиев Я.П. Способы совершения мошенничеств при купле-продаже автотранспорта и первоначальные действия сотрудников ОВД по раскрытию данных преступлений / **117**

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право

Кудряшова В.В. О реализации гражданами права доступа к объектам культурного наследия / **125**

Щербаков М.Г. Режим товаров двойного назначения в аспекте конвергенции частного и публичного права / **134**

Информация для авторов / 139

№ 2 (47)
2019

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
A. V. Ryabtsev,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:
E. Yu. Antonova,
Doctor of Law, Associate Professor;
A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;
A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;
S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. A. Boldyrev,
Doctor of Law, Associate Professor;
S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. V. Denisenko,
Doctor of Law, Professor;
L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;
V. P. Kamyshanskii,
Doctor of Law, Professor;
S. M. Kuznetsova,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
Yu. I. Kuleshov,
Doctor of Law, Professor;
V. N. Lisitsa,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure

Kuznetsova S.M. On the necessity to legislate the independent procedural status of a lawyer / 5

Mamoshin M.A., Mamoshin A.A. On the procedural position of the individual participants in the criminal process, the activities related to the conduct of prosecutions / 10

Vasilkov K.A. Prevention in criminal procedure legislation: practice and legal gaps and the ways of their elimination / 17

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Borkov V.N. Classification of official crimes in the field of consumption and by the nature of the use of the official provision / 22

Andrianov V.K. Dialectical regularities and tendencies of development criminal law / 29

Ivanov A.G. The ratio of subjective and guilty imputation in the criminal law of Russia / 38

Kashapov R.M., Prutovikh V.V. To the question of the interpretation of forensic medical terms concerning the qualification of criminal legal actions / 44

Artyushina O.V., Gumarov I.A. «General» fraud and high technologies: problems of disclosure and differentiation of criminal responsibility / 50

Laptev D.B. Some problems of a regulation of norm on a delay of serving sentence by the patient with drug addiction / 55

Sazankov N.Yu. International legal basis for the implementation of anti-corruption policy by criminal law means / 61

Kobets P.N., Nikitenko I.V. Combating illegal drug trafficking in Latin America / 68

Putintseva A.V. Cyberbullying: actual problems and ways of their solution / 76

I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;

N. A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor;

V. N. Shmakov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
Yu. V. Khodyreva

Proofreader
N. B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties: 12.00.03 – Civil law; business law; family law; private international law, 12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal-executive law, 12.00.09 – Criminal procedure, 12.00.12 – Criminalistics; forensic expertise activity; operatively-search activity.

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-37942 of November, 5, 2009.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 26.06.2019.
Issue: 28.06.2019.
Format 60×84 1/8. Size 16,28 printer sheets. Circulation 300 copies. (1–100 copies).
Order № 9. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

Criminalistics. Forensic expertise activity. Operative search activity

Egorov N.N. Criminalistic methods and means of search and detection of evidence / **81**

Meretskiy N.E., Shurukhnov N.G., Pudovikov A.S. Identifying main forms of domestic violence covered up by pretence / **89**

Chernyshev S.A., Mikhailov V.Yu. Problems of phonoscopic and linguistic expertise production in conditions of increasing number of functional tasks / **95**

Kardanov R.R. About increase of efficiency of use of technical and criminalistics means and methods during the inspection of the «criminal hideouts» in North Caucasus federal district / **100**

Sypachev A.Yu. Selected aspects of the disclosure of fraudities in the sphere of information and telecommunication networks / **105**

Popova E.I., Asalkhanov T.Yu. Fundamentals of a tactical operation «the conclusion with the suspect (accused) pre-trial agreement on cooperation» in criminal homicide cases / **111**

Veliev Ya.P. Ways to commit fraud in the sale and purchase of vehicles and the initial actions of police officers to solve these crimes / **117**

Civil law. Business law. Family law. Private international law

Kudryashova V.K. On exercise of the civil right of access to cultural heritage sites / **125**

Shcherbakov M.G. Regime of dual-use goods in terms of the convergence of private and public law / **134**

Information for authors / 139

УДК 343.131

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА АДВОКАТА

Светлана Михайловна Кузнецова, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: s.m.kuznecova@mail.ru

В статье анализируются проблемы, возникающие в связи с отсутствием законодательного закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ в качестве самостоятельного участника адвоката. Неопределенность процессуального статуса указанного участника не позволяет ему надлежащим образом выполнить принятые на себя обязательства. В целях устранения указанного правового пробела предлагается внесение изменений в отдельные нормы УПК РФ.

Ключевые слова: адвокат; защитник; права; обязанности; процессуальный статус; участник уголовного судопроизводства.

ON THE NECESSITY TO LEGISLATE THE INDEPENDENT PROCEDURAL STATUS OF A LAWYER

Svetlana Mikhaylovna Kuznetsova, head of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article deals with the problems arising from the lack of the legal recognition of a lawyer as an independent participant of the criminal process in the criminal-procedural code. The uncertainty of the procedural status of the specified member of the criminal process does not allow him to fulfill his duties properly. In order to eliminate this legal gap, the amendments to certain norms of the criminal-procedural code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: lawyer; defender; rights; duties; procedural status; participant of the criminal process.

Развитие уголовно-процессуальных отношений влечет за собой необходимость законодательного закрепления новых участников уголовного судопроизводства, имеющих свой, отличный от других процессуальный статус.

Так, Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ [2] в качестве самостоятельного участника закреплено лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Представляется, что нормативно-правовое регулирование статуса адвоката, участвующего в производстве по уголовному делу, также требует детального научного изучения и анализа.

Процессуальная форма участия адвоката в уголовном судопроизводстве не ограничивается лишь полномочиями защитника, она имеет свою специфику, отличную от прав и обязанностей указанного участника. Соответственно различны права, обязанности и набор правовых средств, используемых адвокатом и защитником для достижения поставленных целей.

Согласно ст. 49 УПК РФ, защитником является лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь. По общему правилу, в качестве защитника в уголовном деле участвует адвокат, который с момента предъявления удостоверения и ордера приобретает в уголовном судопроизводстве статус защитника, то есть имеет права, обязанности и ответственность, присущие данному участнику.

Определение момента вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку вызывает неоднозначное понимание в ситуациях, когда адвокату для участия в уголовном деле требуется согласие подозреваемого или обвиняемого, а последние содержатся под стражей.

Так, отдельные адвокаты уверены, что для вступления в уголовное дело, если подозреваемый (обвиняемый) содержится под стражей, не обязательно в первую очередь закреплять свой статус защитника у следователя. Вначале адвокат должен предъявить удостоверение и ордер сотрудникам следственного изолятора, те в свою очередь обязаны обеспечить его беспрепятственный допуск на территорию изолятора и свидание с подзащитным, после чего уведомить об этом должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело*.

Однако судебная практика опровергает правильность такой позиции, разъясняя, что ордер и удостоверение адвоката для органов, осуществляющих содержание лиц под стражей, не подтверждают факт допуска адвоката в качестве защитника по уголовному делу.

Только должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, решает вопрос о допуске защитника, учитывая при этом установленные законом ограничения, например, одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого (ч. 6 ст. 49 УПК РФ), а также иные правовые основания, в силу которых участие в производстве по уголовному делу конкретного защитника не допускается (ст. 62 УПК РФ)**.

Таким образом, следуя буквальному толкованию норм уголовно-процессуального законодательства, можно прийти к выводу, что защитник в уголовном деле есть там и тогда, когда существует необходимость в защите от уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Вместе с тем анализ полномочий адвоката позволяет утверждать, что круг его процессуальных прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве гораздо шире. Так, в силу прямого указания закона право на квалифицированную юридическую помощь также имеют и лица без самостоятельного процессуального статуса.

Согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщений о преступлениях, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные законом, в том числе право пользоваться услугами адвоката. Указание законодателя на то, что на этапе проверки сообщения о преступлении участвует именно адвокат, а не защитник, представляется абсолютно верным, поскольку статус подозреваемого и других участников процессуально еще не закреплен.

Депутатами Государственной Думы разработан проект федерального закона № 631546-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в ко-

* Минюст не может решить проблему с недопуском адвокатов к подзащитным в СИЗО. URL: <https://pda.pravo.ru/news/view/143566/>.

** Апелляционное определение Московского городского суда № 33а-1387 от 14 марта 2018 г. Доступ из СПС «Гарант».

тором предлагается ввести обязательное участие адвоката при получении явки с повинной и оформлении соответствующего протокола, в том числе и до возбуждения уголовного дела [4].

Предоставление на стадии возбуждения уголовного дела для оказания квалифицированной юридической помощи адвоката является целесообразным, так как расширение способов проверки сообщения о преступлении и включение в их число большего количества следственных и иных процессуальных действий влечет за собой угрозу незаконного или необоснованного нарушения прав участников данной стадии.

Продолжая анализ полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве, необходимо обратить внимание на его права, связанные с участием в следственных действиях, которые проводятся не в отношении подозреваемого или обвиняемого, где адвокат выступает в качестве защитника, а в отношении иных участников.

Так, согласно ч. 11 ст. 182 УПК РФ, при производстве обыска кроме лица, в помещении которого он производится, также вправе присутствовать и адвокат. Пункт 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ позволяет свидетелю пользоваться услугами адвоката при допросе и очной ставке.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве отдельной нормы, регламентирующей права и обязанности адвоката, приглашенного для участия в следственных действиях, проводимых с участием лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, порождает проблемы в правоприменительной практике.

Так, отвод адвоката, который оказывает юридическую помощь свидетелю, уголовно-процессуальным законом не предусмотрен, однако в ходе расследования уголовных дел необходимость в этом может возникнуть. Например, в случаях, когда свидетелем обвинения для оказания юридической помощи в ходе допроса был приглашен адвокат, который ранее уже принимал участие в этом же деле в качестве защитника обвиняемого.

Право на получение квалифицированной юридической помощи не означает, что свидетель может выбирать любого адвоката по своему усмотрению без учета обстоятельств, исключающих участие последнего в уголовном деле.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1] закрепляет, что адвокат участвует в уголовном судопроизводстве как представитель доверителя и в этом качестве преследует интересы представляемого им лица, а не свои личные.

Конституционный Суд Российской Федерации в связи с этим дает разъяснение, что одно и то же лицо при производстве по одному уголовному делу не может совмещать различные процессуальные функции. Если адвокат ранее участвовал в деле в ином процессуальном качестве или оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам обратившегося к нему за юридической помощью другого участника производства по тому же делу, это делает невозможным его участие в оказании юридической помощи в рамках данного дела.

Запрет адвокату принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица, охватывает собой противоречия интересов любых доверителей, которым адвокат оказывает помощь в этом деле, включая свидетелей.

Следовательно, требования п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, закрепляющей обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, в равной мере распространяются и на адвоката, приглашенного для оказания юридической помощи при даче им показаний в ходе допроса или очной ставки. Если этот адвокат оказывает или оказывал юридическую помощь в качестве представителя или защитника одной из сторон, интересы которой противоречат интересам данного свидетеля, адвокат подлежит отводу [3].

А.А. Давлетов, изучая роль адвоката в уголовном судопроизводстве, приходит к выводу, что адвокат, оказывающий квалифицированную юридическую помощь свидетелю и иным лицам, не относящимся к сторонам обвинения и защиты, осуществляет отдельное от функции защиты направление деятельности – консультирование, и предлагает именовать его консультантом [5, с. 28].

Нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулируя деятельность участников уголовного судопроизводства, должны быть сформулированы настолько четко, понятно и логично, чтобы не было сомнений в их понимании. Необходимость в дополнительном разъяснении полномочий адвоката Конституционным Судом Российской Федерации свидетельствует о том, что затронутые нами проблемы действительно существуют.

Продолжая характеристику процессуальной компетенции адвоката, необходимо остановиться на его полномочиях, связанных с представительством интересов потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя (ст. 45 УПК РФ).

Как известно, уголовно-процессуальная деятельность представителя производна от прав и обязанностей представляемого участника.

Производством по уголовному делу затрагиваются интересы не только подозреваемого или обвиняемого, которым предоставляется адвокат-защитник, но также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя. Лицам, вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства и не обладающим юридическими знаниями, довольно сложно разобраться в сложившейся по уголовному делу ситуации, поэтому так же, как подозреваемый или обвиняемый, они должны иметь возможность отстаивать свои интересы посредством обращения к адвокату. Именно в этом, по справедливому замечанию А.А. Давлетова, выражается необходимость представительства интересов потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя в уголовном судопроизводстве [5, с. 27].

Указанные участники, как мы видим из содержания ст. 45 УПК РФ, не являются подозреваемыми или обвиняемыми, следовательно, и полномочия адвоката по их представительству не будут тождественны полномочиям адвоката, выступающего в качестве защитника.

Высказанные соображения дают основания к тому, чтобы полномочия по представительству прав и законных интересов потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя в уголовном судопроизводстве считать отдельным направлением деятельности адвоката, отличным от функции защиты от уголовного преследования.

Говоря о роли, которую адвокат выполняет в ходе уголовного судопроизводства, нельзя не остановиться на содержании норм уголовно-процессуального законодательства, предусматривающих дополнительные гарантии охраны его общеправового статуса. Связано это прежде всего с характером выполняемых адвокатом профессиональных функций и необходимостью обеспечения беспрепятственного исполнения им своих обязанностей.

Особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении адвоката; запрет на допрос об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью; порядок распределения поручений на защиту по назначению органов предварительного расследования и суда; отнесение к недопустимым доказательствам предметов, документов или сведений, входящих в производство адвоката по делам его доверителей, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий; необходимость судебного решения и участие члена совета адвокатской палаты при производстве обыска, осмотра и выемки в помещениях адвоката; уведомление адвокатской палаты субъекта Российской Федерации о задержании подозреваемого, являющегося адвокатом, – все эти и многие другие нормы УПК РФ направлены на защиту его неприкосновенности и независимости адвоката при осуществлении им своих полномочий, на соблюдение адвокатской тайны.

Таким образом, системный анализ роли адвоката в уголовном судопроизводстве позволяет выделить несколько групп его полномочий: защита от уголовного преследования

подозреваемого (обвиняемого), подсудимого; участие в качестве представителя в уголовном деле; оказание квалифицированной юридической помощи участникам проверки сообщения о преступлении, а также свидетелю и потерпевшему при производстве следственных действий. Наличие комплекса прав и обязанностей, связанных с обеспечением общеправового статуса адвоката, когда в отношении его осуществляется уголовное преследование.

Различия в объектах, средствах и способах реализации адвокатом и защитником процессуальных полномочий, необходимость в их синхронизации влекут настоятельную потребность в закреплении адвоката в качестве отдельного, самостоятельного участника уголовного судопроизводства с комплексным закреплением прав, обязанностей и процессуальных гарантий, обеспечивающих его процессуальный статус.

Указанное разграничение будет иметь не только теоретическое значение, но и практическую целесообразность, связанную с обеспечением прав как участников, чьи интересы представляет в уголовном деле адвокат, так и соблюдением прав самого адвоката.

Литература

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6831.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Егоровой Валентины Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 г. № 2518-О. Доступ из СПС «Гарант».
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федерального закона № 631546-7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Давлетов А.А. Процессуальные статусы адвоката в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2016. № 5.

УДК 343.13

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОТОРЫХ СВЯЗАНА С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Максим Анатольевич Мамошин, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук;

Анатолий Александрович Мамошин, доцент кафедры Дальневосточного государственного университета путей сообщения, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: mister.maxim83@yandex.ru

kaf_ugpd@festu.khv.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью отдельных участников уголовного процесса, осуществляющих уголовное преследование. Авторы обращают внимание на проблемы уголовно-процессуального регулирования полномочий прокурора, следователя, дознавателя, начальника органа дознания и выполняемых ими функций, а также вносят собственные предложения, направленные на их решение.

Ключевые слова: прокурор; следователь; дознаватель; участники уголовного процесса; полномочия.

ON THE PROCEDURAL POSITION OF THE INDIVIDUAL PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCESS, THE ACTIVITIES RELATED TO THE CONDUCT OF PROSECUTIONS

Maxim Anatolyvich Mamoshin, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law;

Anatoly Aleksandrovich Mamoshin, department associate professor of the Far Eastern State Transport University, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article deals with the issues related to the activities of individual participants in the criminal process, carrying out criminal prosecution. The author draws attention to the problems of criminal procedural regulation of the powers of the prosecutor, investigator, interrogating officer and their functions, and makes its own proposals aimed at their solution.

Keywords: prosecutor; investigator; interrogating officer; participants in criminal process; authority.

Уголовное преследование как процессуальная деятельность осуществляется стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. К ключевым участникам данной деятельности относятся прокурор, руководитель следственного органа, следователь, начальник органа и подразделения дознания, дознаватель, на которых государством возложено решение ряда специфических задач, в первую очередь – борьба с преступностью.

Согласно ч.1 ст. 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Уже на протяжении многих лет российская прокуратура находится в числе наиболее важных полемических объектов. Дискуссии ведутся по различным направлениям, касающимся как места и роли прокуратуры в системе органов государственной власти, так и ее функций.

В уголовном процессе прокурор реализует функцию уголовного преследования и прокурорский надзор за органами предварительного расследования. В судебном разбирательстве прокурор поддерживает государственное обвинение.

Внесенные Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменения существенно ослабили прокурорскую власть в части осуществления руководства за органами предварительного следствия. В настоящее время создается патовая ситуация, связанная с тем, что прокурору не хватает достаточных полномочий по осуществлению уголовного преследования. Так, он лишен права самостоятельно возбуждать уголовное дело, давать следователю письменные указания о производстве следственных и иных процессуальных действий, о направлении расследования. Лишилась прокуратура и своего следственного аппарата. Вместе с тем она по-прежнему остается обвинительным органом. Особенно ярко обвинительная деятельность прокурора проявляется на завершающем этапе расследования, когда им утверждается обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление. Но, как представляется, этого явно недостаточно для полноценной реализации прокуратурой функции уголовного преследования. При этом настораживает тенденция, направленная на перманентное лишение прокурора традиционных полномочий, связанных с возможностью прямого, оперативного вмешательства в обвинительную деятельность органов предварительного расследования (в первую очередь следственных органов). Дискутировать по поводу того, что прокуратура должна осуществлять сугубо надзорную функцию, не имеет смысла. В таком понимании российская прокуратура теряет свой потенциал. Полагаем, что прокурорский надзор, так же, как и уголовное преследование, – это звенья одной цепи, они не могут быть разорваны и противопоставляться друг другу.

Считаем необходимым, и здесь мы не оригинальны, в целях совершенствования прокурорской функции уголовного преследования в досудебном судопроизводстве и обеспечения защиты прав и свобод личности возратить прокурору полномочия по самостоятельному возбуждению уголовного дела с дальнейшей его передачей в органы предварительного расследования.

Следующим участником уголовного процесса, без которого невозможно представить стадию предварительного расследования, является следователь. В соответствии с п. 41 ст. 5 УПК РФ следователь – это должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Без следователя не может быть запущен механизм расследования преступлений, не может быть движения уголовного дела и установления объективной истины. Одним из обсуждаемых до сего дня вопросов является проблема обеспечения следователя процессуальной самостоятельностью при производстве по уголовным делам. Насколько широко действующий УПК РФ предоставляет следователю процессуальную свободу и достаточно ли ее для решения поставленных перед следователем задач?

В юридической литературе под процессуальной самостоятельностью следователя понимается право следователя оценивать доказательства и принимать решение по основным вопросам предварительного следствия, опираясь на внутреннее убеждение [1, с. 143].

Существуют и другие точки зрения, но, на наш взгляд, вышеприведенное определение является наиболее оптимальным.

Процессуальные полномочия всех следователей при производстве предварительного следствия, вне зависимости от их ведомственной принадлежности (ОВД, ФСБ, СК РФ), одинаковы. Отличие по компетенции проявляется исключительно в институте подследственности, поскольку каждый следственный орган соответствующего федерального органа исполнитель-

ной власти расследует определенные составы преступлений или дела в отношении конкретных граждан (должностных лиц), предусмотренные ст. 151 УПК РФ. Однако нельзя не признать тот факт, что между данными ведомствами (в том числе и в части предварительного следствия) отсутствовал и отсутствует до сих пор единый подход к реализации государственных мер по борьбе с преступными проявлениями, налицо - ведомственная конкуренция, в которой главным показателем являются количественные, статистические данные. Обеспечение же подлинной процессуальной самостоятельности и независимости следователей отходит на второй план. Существенно отличается ресурсное обеспечение, под которым понимается кадровое, материально-техническое, финансовое наполнение системы реальными силами и средствами, их медицинское, социально-бытовое и хозяйственное обслуживание. Различны принципы разделения труда. Например, в следственном аппарате ОВД ежегодно фиксируется самая большая нагрузка по количеству находящихся в производстве на одного следователя уголовных дел. Все обозначенные факторы, безусловно, влияют на независимость следователей и качество предварительного следствия.

В УПК РФ внесено достаточно много новелл, направленных в основном на укрепление защиты прав и свобод человека и построение гуманного уголовного судопроизводства. По мнению отдельных сторонников демократических преобразований Российского государства, советское уголовно-процессуальное законодательство не обеспечивало в полной мере права его участников, а сам процесс являлся сугубо карательным. Смена политического режима и поиск новых доктринальных концепций в построении эффективного и справедливого уголовного судопроизводства привели к трансформации статуса следователя и сужению его процессуальной самостоятельности. Так, по УПК РСФСР 1960 г. следователь все решения о направлении следствия и производстве следственных действий принимал самостоятельно, за некоторым исключением (например, избрание меры пресечения в виде залога, заключение под стражу и др.), требующим получения санкции прокурора, неся полную ответственность за их законное и своевременное проведение (ч. 1 ст. 127 УПК РСФСР). А что мы наблюдаем теперь? В действующем УПК РФ отсутствует норма, наделяющая следователя обязанностью нести полную ответственность за законное и своевременное производство предварительного следствия. Более того, следователю, ведущему расследование уголовного дела, приходится многие решения согласовывать с судом путем возбуждения соответствующего ходатайства. На эту процедуру следователь тратит время, которого и так не хватает. Он подготавливает документы в целях обоснования перед судом своего решения, заручается согласием руководителя следственного органа и ожидает проведения судебного заседания.

Сегодня каждый шаг российского следователя, ведущего расследование уголовного дела, надежно контролируется вышестоящими должностными лицами и государственными органами. По мнению некоторых авторов, российский следователь стал должностным лицом, которому предоставлены лишь отдельные полномочия по самостоятельному производству определенных следственных и иных процессуальных действий [2, с. 176].

Для следователя важной задачей становится обретение взаимопонимания со своим непосредственным начальником – руководителем следственного органа, который наделен комплексом полномочий различной правовой природы. Он руководит государственным органом и, следовательно, в соответствии с занимаемой должностью выполняет множественные административные, организационно-распорядительные и методические функции, в том числе решает кадровые, дисциплинарные и другие вопросы. Также он является субъектом уголовного судопроизводства и в связи с этим имеет широкие процессуальные полномочия, установленные УПК РФ. Такие полномочия в первую очередь направлены на обеспечение максимальной эффективности работы подчиненных ему следователей и осуществление ведомственного контроля за их деятельностью [5, с. 138].

Полагаем, что решения следователя не нуждаются в тотальном согласовании, санкционировании либо утверждении теми или иными должностными лицами, за редкими исключениями, предусмотренными ст. 22, 23, 25 Конституции РФ. Надзор и контроль со стороны прокурора и руководителей следственных органов должен осуществляться не путем опеки, администрирования, а посредством общего руководства, предметного процессуального контроля и надзора в строгом соответствии с его публичными началами [3, с. 407].

Действующий УПК РФ произвел серьезную перезагрузку процессуального статуса следователя, во-первых, сузив его процессуальную самостоятельность, а во-вторых, указав его в группе участников стороны обвинения. Представляется, что такое решение законодателя нельзя признать удачным. В задачи следователя должно входить полное, всестороннее исследование всех обстоятельств уголовного дела. Он исследователь, а не обвинитель. Но, по воле законодателя, для российского следователя установлена лишь одна цель – изобличить обвиняемого и окончить предварительное расследование путем направления материалов уголовного дела в суд. На практике приветствуется именно такой алгоритм действий и решений. Следователь не может быть заинтересован в прекращении уголовного дела, т.к. это нередко расценивается со стороны контрольно-надзирающих органов как «брак» в работе.

Мы считаем, что следователь должен, как и суд, выступать в роли беспристрастного, независимого участника уголовного судопроизводства, а его процессуальные полномочия необходимо прописать в отдельной главе УПК РФ под названием «Следователь».

Еще одним участником, деятельность которого связана с раскрытием и расследованием преступлений, является дознаватель. В соответствии с п.7 ст. 5 УПК РФ дознавателем является должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК.

Однако приведенное определение недостаточно конкретно, что ведет к некоторым неясностям. Так, возникает вопрос: кто такой правомочный дознаватель и кто такой уполномоченный дознаватель?

Разбираясь с терминами «правомочный» и «уполномоченный», следует обратиться к этимологии этих слов. Под словом «правомочный» понимается обладающий законным правом, полномочием, а уполномоченный – это официальное (доверенное) лицо, действующее на основании каких-нибудь полномочий. Уполномочить - значит дать кому-нибудь полномочия на что-нибудь [4, с. 405, 585-586].

Полагаем, что правомочным дознавателем будет являться в случае его назначения на должность приказом начальника органа дознания (штатный дознаватель).

Сотрудник становится уполномоченным дознавателем после вынесения начальником органа дознания письменного распоряжения, в котором должно быть указано, какое должностное лицо органа дознания, по какому уголовному делу, на какой срок наделяется уголовно-процессуальными полномочиями по производству расследования в форме дознания. Таким образом, в качестве уполномоченного дознавателя может выступать любое должностное лицо органа дознания – сотрудник уголовного розыска или участковый уполномоченный. Возложенные на них обязанности в качестве уполномоченного дознавателя, как правило, непродолжительны и, в отличие от штатного дознавателя, не являются основным видом их деятельности.

Рассматривая процессуальное положение дознавателя, нельзя не остановиться на проблемах, связанных с процессуальной самостоятельностью данного участника. Без сомнения, дознаватель уступает по объему процессуальной самостоятельности следователю, с которым они, по сути, решают единые задачи в стадии предварительного расследования. Такое положение вещей вытекает из понимания дознания как более упрощенной формы расследования по отношению к предварительному следствию. Соответственно дознавателю, в отличие от следователя, не нужно обладать столь широким спектром полномочий для расследования

преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Вместе с тем за последние годы наметилась тенденция к максимальному сближению двух форм расследования, что воплощается во множестве поправок, вносимых законодателем в УПК РФ. В связи с этим можно констатировать, что процессуальная самостоятельность дознавателя была существенно расширена. Так, в соответствии с Федеральным законом от 14 декабря 2015 г. № 380-ФЗ, внесшим поправки в ч. 4 ст. 226 УПК РФ, дознаватель имеет право с согласия начальника органа дознания обжаловать постановление прокурора о возвращении уголовного дела дознавателю для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта вышестоящему прокурору в течение 48 часов с момента поступления к дознавателю уголовного дела. Вышестоящий прокурор в течение 3 суток с момента поступления соответствующих материалов выносит одно из следующих постановлений: 1) об отказе в удовлетворении ходатайства дознавателя; 2) об отмене постановления нижестоящего прокурора. В данной ситуации вышестоящий прокурор утверждает обвинительный акт и направляет уголовное дело в суд.

Еще раньше у дознавателя, по аналогии со следователем, появились полномочия давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении (п. 1.1 ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

Еще одним из участников уголовного процесса, олицетворяющих орган дознания, является начальник органа дознания. В соответствии с п. 17 ст. 5 УПК РФ под начальником органа дознания понимается должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель.

Очень долгое время на страницах юридической печати не утихали призывы включить в УПК РФ самостоятельную статью с регламентацией процессуальных полномочий начальника органа дознания. И не напрасно. Такая статья была введена Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. Казалось бы, теперь можно прекратить дискуссии, но появление в УПК РФ ст. 40.2 «Начальник органа дознания» дало новую пищу для размышлений и критических высказываний, теперь уже направленных на ее содержательную сторону. К сожалению, многие нормы действующего уголовно-процессуального законодательства вызывают неудовлетворенность их редакцией, что создает немало трудностей в правоприменительной деятельности. Итак, рассмотрим некоторые проблемы, связанные со ст. 40.2 УПК РФ, посвященной процессуальным полномочиям начальника органа дознания.

Согласно ч. 1 ст. 40.2, начальник органа дознания уполномочен:

1) поручать проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном УПК РФ, а также производство дознания и неотложных следственных действий по уголовному делу, лично рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в их проверке.

Однако законодатель умалчивает о возможности начальника органа дознания самому возбуждать уголовное дело, а такая возможность не исключена, ведь одним из логических итогов личного рассмотрения сообщения о преступлении является возбуждение уголовного дела. Считаем, что данное уточнение, сделанное законодателем, не было бы излишним;

2) продлевать в порядке, установленном УПК РФ, срок проверки сообщения о преступлении.

Продление срока проверки сообщения о преступлении начальником органа дознания возможно только до 10 суток и только по ходатайству дознавателя. В случае производства документальных проверок, ревизий, а также судебной экспертизы, срок проверки сообщения о преступлении может быть продлен до 30 суток только с согласия прокурора. Полагаем, что имеющее место в законе размежевание полномочий между двумя властными субъектами, при

принятии единого по сути решения, абсолютно нецелесообразно и даже вредно с практической точки зрения. Представляется, что продлевать срок проверки сообщения о преступлении во всех случаях должен прокурор, а начальника органа дознания необходимо лишить такого права;

3) проверять материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве органа дознания, дознавателя.

Аналогичными полномочиями обладает и начальник подразделения дознания, который по должностному статусу находится на ступень ниже начальника органа дознания. Полагаем, что начальник подразделения дознания, контролируя действия и решения находящиеся у него в подчинении штатных дознавателей, имеет больше шансов обнаружить недостатки в их работе, чем начальник органа дознания, деятельность которого в основном протекает в русле административного руководства, а не расследования преступлений.

Еще ряд процессуальных полномочий начальника органа дознания, также закрепленных в ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ, могли бы вполне успешно реализовываться непосредственно самим начальником подразделения дознания либо, в отдельных случаях, прокурором. К ним относятся: дача дознавателю письменных указаний о направлении расследования и производстве процессуальных действий; принятие решения о производстве дознания группой дознавателей и об изменении ее состава; вынесение постановления о восстановлении дознавателем утраченного уголовного дела либо его материалов; возвращение уголовного дела дознавателю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного дознания, производстве дознания в общем порядке, о пересоставлении обвинительного акта или обвинительного постановления; утверждение обвинительного акта или обвинительного постановления по уголовному делу; осуществление иных полномочий, предоставленных начальнику органа дознания УПК РФ (данная формулировка вообще носит пространый и ни к чему не обязывающий характер).

Также вызывает определенные вопросы содержание ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ, в которой законодатель указывает, что начальник органа дознания по отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, обладает полномочиями начальника подразделения дознания, предусмотренными ст. 40.1 УПК РФ. Тогда непонятно, какую в таком случае «нишу» в системе уголовно-процессуальных правоотношений занимает начальник органа дознания по отношению к правомочным, т.е. штатным дознавателям? Подобные неясности еще раз убеждают нас в том, что процессуальное руководство начальника органа дознания за находящимися в непосредственном подчинении у начальника подразделения дознания штатными дознавателями видится излишним.

Таким образом, законодатель, закрепив в УПК РФ самостоятельную ст. 40.2, посвященную начальнику органа дознания, не только не решил всех проблем, связанных с его процессуальным положением, но и породил их еще больше. По нашему мнению, большинство установленных в ней полномочий должны касаться только уполномоченных дознавателей, деятельность которых по производству дознания является не основной, а носит временный либо разовый характер. Что же касается штатных (правомочных) дознавателей, то процессуальное руководство и ведомственный контроль за их деятельностью на сегодняшний день вполне успешно мог бы осуществлять начальник подразделения дознания под четким надзором прокурора.

Подводя итог изложенному, следует признать необходимость более глубокой законодательной проработки вопросов, касающихся процессуального положения участников, деятельность которых связана с осуществлением уголовного преследования. Такая регламентация особенно важна в условиях напряженной криминальной ситуации в стране, которая может нормализоваться только в том случае, если каждый правоохранительный орган, каждое его должностное лицо будет четко знать свою функцию и иметь в своем арсенале достаточно средств для оказания противодействия преступным элементам.

Литература

1. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск: Омский гос. ун-т, 2006.
2. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008.
3. Михайлов В.А. Проблема процессуальной самостоятельности следователя // Курс уголовного судопроизводства: учебник: в 3 т. / под ред. В.А. Михайлова. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. М., 2006. Гл. 15.4.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд. М., 2008.
5. Россинский С.Б. Уголовный процесс России: учебник. М., 2009.

УДК 343.1

ПРЕВЕНЦИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРАКТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Константин Александрович Васильков, следователь Следственного управления УМВД России по г. Барнаулу

E-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

Автор проводит ретроспективный анализ превентивной составляющей деятельности субъектов расследования преступлений. На основе данных такого анализа, а также эмпирических данных опроса практических работников, анализа уголовных дел, материалов предварительной проверки, норм современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации выявляются пробелы в уголовном судопроизводстве в вышеуказанном контексте. Вместе с тем предлагаются пути устранения и разрешения основных проблем, связанных с предупредительно-профилактическим воздействием на население в рамках уголовного процесса. Практическая реализация предложенных алгоритмов и законодательное закрепление норм права позволит значительно повысить эффективность превенции при уголовном судопроизводстве в Российской Федерации.

Ключевые слова: превенция; предупредительно-профилактическое воздействие; уголовное судопроизводство; судебное предупреждение.

PREVENTION IN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION: PRACTICE AND LEGAL GAPS AND THE WAYS OF THEIR ELIMINATION

Konstantin Aleksandrovich Vasilkov, investigator of the Investigative department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Barnaul

The author conducts a retrospective analysis of the preventive component of the subjects of crime investigation. This analysis is based on the corresponding data of such analysis and some empirical materials: a survey of practitioners, the analysis of criminal cases, preliminary examination materials, norms of the modern Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Gaps in criminal proceedings are identified in the above context. At the same time, the ways of their elimination and resolution of the main problems related to prophylactic preventive effects on the population in the framework of the criminal process are proposed. The practical implementation of the proposed algorithms and the legislative consolidation of the rules of law will significantly increase the effectiveness of prevention in criminal proceedings in the Russian Federation.

Keywords: prevention; prophylactic and preventive effects; criminal proceedings; judicial warning.

Превентивное направление деятельности следователя (дознавателя) или иного лица, производящего расследование уголовного дела и (или) проверку сообщения о преступлении, играет важную роль в механизме привлечения лица к ответственности. В частности, И. И. Иванов указывает, что само по себе привлечение лица к уголовной ответственности уже служит своеобразной превентивной мерой для населения [3].

По мнению некоторых ученых, которые одновременно и соглашаются с данным утверждением, и критикуют его, такой тезис «в определенном смысле справедлив, поскольку установление, задержание, привлечение к уголовной ответственности, осуждение и наказание лица, совершившего преступление, обладает воспитательным воздействием в отношении как само-

го обвиняемого и осужденного, так и иных лиц, склонных к противоправной деятельности. Тем самым демонстрируется принцип неотвратимости уголовной ответственности, что может побудить лиц, осуществляющих приготовление к преступлению, добровольно отказаться от дальнейших противоправных действий. В то же время далеко не каждый субъект преступления склонен к исправлению и перевоспитанию только лишь в связи с его изобличением и дальнейшим осуждением, о чем наглядно свидетельствует явление рецидива» [1, с. 170].

С научной точки зрения превентивная составляющая уголовного процесса (в частности уголовно-процессуальной деятельности субъектов, производящих расследование и рассмотрение уголовных дел) является актуальной и важной, в связи с этим необходимо проанализировать данное направление и наметить пути его развития.

1. Общеизвестно, что в современном уголовном судопроизводстве основной постулат – это защита и обеспечение прав и законных интересов его участников. Многие ученые также подчеркивают это в ходе научных дискуссий [2, с. 47–49; 4, с. 20–24; 5, с. 210–218]. Несомненно, это правильный и необходимый вектор развития уголовного процесса, учитывая динамику актуализации правозащитной деятельности в Российской Федерации, в особенности в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Однако на этом фоне часто упускаются из виду иные цели уголовного судопроизводства.

В этом ключе согласимся с мнением А.В. Варданяна, который пишет, что «назначение уголовного судопроизводства в качестве приоритетной декларирует правозащитную деятельность (в широком смысле), но не предусматривает проявления превентивных публичных функций по обеспечению законности, безопасности, правопорядка, предупреждению и пресечению преступлений, безотносительно реальных участников уголовного судопроизводства» [1, с. 171].

Одновременно объективно видно, что административное, уголовное, оперативно-розыскное законодательство одной из своих задач ставит предупреждение преступлений, однако уголовно-процессуальный закон такого не предусматривает. При этом все вышеуказанные отрасли права регулируют одну (в широком смысле) область общественных отношений – пресечение преступлений, привлечение лица к ответственности за содеянное и обеспечивают реализацию принципа неотвратимости наказания. Другими словами, учитывая практико-прикладное взаимодействие названных отраслей права, не ясно, почему предупредительное направление уголовно-процессуальной деятельности не выделено в качестве принципа или задачи уголовного процесса.

Напомним, что в УПК РСФСР задачи были выделены в отдельную статью в рамках общих положений: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, **предупреждению и искоренению преступлений**, охране интересов общества, прав и свобод граждан, **воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития**» (выделено нами – К.В.).

С учетом вышеизложенного полагаем, что современный УПК РФ необходимо дополнить ст. 19.1 «Предупреждение и профилактика преступлений в уголовном судопроизводстве», в которой, в частности, изложить, что «*уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка в обществе, предупреждению и профилактике преступлений, воспитанию неуклонного соблюдения Конституции РФ и федеральных законов, а также уважения прав и свобод граждан*».

Полагаем, что закрепление данной нормы права будет способствовать более качественному внедрению основных постулатов предупреждения и профилактики преступлений в деятельность субъектов уголовного процесса. Однако отметим, что закреплением только лишь одной нормы-принципа не обойтись. Далее по тексту мы предложим иные изменения в УПК РФ, которые будут обеспечивать исполнение данной нормы.

2. В УПК РФ предупредительной деятельности посвящена лишь одна норма (ч. 2 ст. 158 УПК РФ), которая предусматривает внесение руководителем следственного органа, следователем (дознавателем) представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления. При этом даже она в практической деятельности правоприменителей не реализуется, несмотря на то, что подобные представления вносятся по каждому расследованному уголовному делу.

Нами были опрошены следователи СУ УМВД России по г. Барнаулу в количестве 30 человек, и 100 % опрошенных отметили, что направляли представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, в рамках срока расследования уголовного дела, до направления уголовного дела прокурору на утверждение обвинительного заключения.

Также были опрошены следователи СО ОМВД России по Первомайскому району Алтайского края, СО ОП по Ленинскому району г. Барнаула, СО ОП по Индустриальному району г. Барнаула и СО ОП по Железнодорожному району г. Барнаула в количестве 45 человек. Сто процентов опрошенных отметили, что направляли представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, по каждому приостановленному уголовному делу по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, также в рамках производства предварительного следствия.

Однако в ходе анализа 100 уголовных дел, расследованных в названных следственных подразделениях, установлено, что: а) ответы на представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, были приобщены лишь к 54 % приостановленных уголовных дел, по остальным уголовным делам ответы так и не поступили, несмотря на то, что дела уже находились в архиве территориального органа внутренних дел; б) 27 % преступлений схожей квалификации (как правило, имущественной) совершаются в аналогичных местах (фабрики, НСОТ, СНТ) и в 18 % теми же людьми (в условиях, если преступник не отбывает наказание).

Из анализа ответов на представления в рамках тех, которые были приобщены к уголовным делам, установлено, что в 10 % случаев они содержали информацию об устранении причин, указанных в представлении; в 90 % случаев было указано на невозможность их устранения ввиду или недостаточного финансирования, если организация бюджетная (МУП, СНТ, НСОТ и др.), или, если организация частная, ввиду того, что факты, отраженные в представлении, не нашли своего подтверждения. Это свидетельствует о том, что норма ч. 2 ст. 158 УПК РФ имеет формальный характер и не реализуется на практике.

Попытаемся разобраться в ситуации глубже. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность по ст. 17.7 (Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении).

Результаты вышеуказанного опроса также показали, что 12 % (9 человек) следователей направляли поручения в целях проверки принятых мер на соответствие действительности. В случае выявления несоответствия следователь писал рапорт об обнаружении признаков административного правонарушения по ст. 17.7 КоАП РФ и участковым уполномоченным полиции возбуждалось административное производство по вышеуказанной статье, однако через некоторое время оно прекращалось за отсутствием состава правонарушения, поскольку

ку состав вышеуказанной статьи предусматривает наличие прямого умысла, которого должностные лица не усматривали, исходя из ответов на представления.

Отметим также категорию преступлений дорожно-транспортной направленности (ст. 264 УК РФ). Из анализа 30 материалов предварительной проверки и 30 уголовных дел по данной статье видно, что основные причины ДТП – это низкое качество дорожного полотна (особенно на автодорогах федерального уровня), отсутствие уличного освещения, неудовлетворительная дорожно-транспортная дисциплина участников движения.

Однако данные вопросы остаются без разрешения, несмотря на то, что они находят отражение в ежегодных отчетах начальника Главного управления МВД России по Алтайскому краю и что по данной категории уголовных дел также направляются представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, либо в органы ГИБДД, либо в администрации соответствующего муниципального образования.

Таким образом, норма о предупреждении преступлений в том виде, в котором она существует сейчас в УПК РФ, почти не действует на практике и нуждается в комплексном реформировании.

3. Участие в предупредительной деятельности только лишь субъектов предварительного расследования – не единственный путь разрешения проблемы. Часть 4 ст. 29 УПК РФ (Полномочия суда) предусматривает, что «если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым». Предлагаем заменить слово «вправе» словом «обязан». Таким образом можно будет добиться 100%-го устранения нарушений закона при производстве предварительного расследования, допущенных должностными лицами, а также повысить эффективность предупредительной деятельности суда при рассмотрении уголовных дел.

4. В УПК РСФСР 1960 г. была закреплена норма, которая, по нашему мнению, способствовала эффективному предупредительному воздействию на население. В частности, ст. 128 (Привлечение общественности к участию в раскрытии преступлений) гласила: «Производя расследование, следователь должен широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений и для розыска лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений».

Учитывая, что средства массовой информации в современном мире и обществе играют неоспоримо главенствующую роль при воздействии на сознание и общественное мышление, необходимо добавить в уже предложенную нами ст. 19.1 УПК РФ (Предупреждение и профилактика преступлений в уголовном судопроизводстве) ч. 2 следующего содержания: «*Производя расследование, следователь должен широко использовать помощь общественности, в том числе средств массовой информации, для раскрытия и расследования преступлений, для розыска лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений, за исключением случаев, когда это связано с государственной тайной или иными охраняемыми интересами государства*».

Для реализации данной нормы, в частности, целесообразно направлять запросы в специализированные отделы ОВД, специфика деятельности которых связана со взаимодействием со СМИ (например, при расследовании уголовных дел, предусмотренных ст. 264 УК РФ, – в отдел организационно-аналитической работы и пропаганды ГИБДД), с указанием на необходимость размещения информации о конкретном происшествии в СМИ (социальные сети, мест-

ные информационные телеканалы, радиостанции и др.) для поиска очевидцев и свидетелей. При этом конкретизировать данную норму необходимо в приказе МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений».

Обобщая вышеизложенное, отметим, что, закрепив предложенные нами варианты реформирования уголовно-процессуального закона Российской Федерации, мы добьемся правовой и практической реализации предупредительно-профилактической деятельности субъектов расследования преступлений.

Литература

1. Варданын А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430.
2. Григорьева Н. В. Судебный контроль как средство обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4.
3. Иванов И. И. Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
4. Макеев А. В., Макеева Н. В. Защита прав и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в решениях Европейского суда по правам человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1.
5. Мельников В. Ю. Обеспечение прав и законных интересов граждан в ходе уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3 (20).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.35

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СФЕРЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА И ПО ХАРАКТЕРУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Виктор Николаевич Борков, начальник кафедры Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент
E-mail: borkovv@mail.ru

В уголовно-правовой науке отсутствует единый подход к классификации норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления. Классификация глубже раскрывает содержание запретов, позволяет оценить адекватность каждого из них в отдельности и всю их совокупность нуждающимся в охране общественным отношениям. Автор предлагает рассматривать систему норм о должностных преступлениях в масштабах Особенной части УК РФ в целом, где гл. 30 УК РФ предусматривает ответственность за посягательства на все сферы функционирования государства, а статьи о преступлениях против реализации отдельных государственных функций размещаются в главах, охраняющих соответствующие виды общественных отношений.

Ключевые слова: должностные преступления; злоупотребление должностными полномочиями; превышение должностных полномочий; служебный подлог; коррупционные преступления.

CLASSIFICATION OF OFFICIAL CRIMES IN THE FIELD OF CONSUMPTION AND BY THE NATURE OF THE USE OF THE OFFICIAL PROVISION

Viktor Nikolaevich Borkov, head of the Department of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

In the criminal law science there is no unified approach to the classification of norms providing for responsibility for official misconduct. The classification reveals more deeply the content of the prohibitions, makes it possible to assess the adequacy of each of them individually and the entire set of public relations in need of protection. The author proposes to consider a system of rules on malfeasance on the scale of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation as a whole, where Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for responsibility for encroachment on all areas of the state's functioning, and articles on crimes against the implementation of certain state functions are placed in chapters protected sculpt appropriate types of public relations.

Keywords: malfeasance; abuse of authority; abuse of power; official forgery; corruption offenses.

Эффективность уголовно-правовой охраны функционирования государства обеспечивается адекватной угрозам системой норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления. Место каждой статьи в структуре Особенной части УК РФ влияет на содержание соответствующего запрета, отражает оценку законодателем направленности преступления и его опасности. Вместе с тем в России отсутствует стройная система уголовно-правовой охраны деятельности государства. Должностные преступления сложно классифицировать, непросто объяснить место в уголовном законе, которое определил законодатель отдельным нормам, предусматривающим ответственность за их совершение. Классификация любой группы уголовно-правовых норм имеет познавательное значение, глубже раскрывает содержание запретов, позволяет оценить адекватность каждой такой нормы в отдельности и их совокупности нуждающимся в охране общественным отношениям, показывает существующие здесь проблемы.

Часто при классификации преступлений, предусмотренных одной главой УК РФ, учитывают заложенную в ее названии структуру видового объекта. Такой подход применим, например, к посягательствам против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, здоровья населения и общественной нравственности. Преступления против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления классифицировать исходя из так называемого подвидового объекта, определив, какие из них посягают на власть, а какие на интересы службы, практически невозможно. В какую из групп, например, следовало бы включить незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) или халатность (ст. 293 УК РФ)? Данные преступления могут посягать как на государственную власть, если будут совершены лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации, так и на интересы государственной или муниципальной службы, в случае совершения должностными лицами, являющимися служащими государственных или муниципальных органов.

Традиционным является деление исследуемой группы норм на общие и специальные. Общими признаются нормы, предусматривающие ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и халатность (ст. 293 УК РФ), все другие относят к специальным. Например, специальными видами злоупотребления должностных полномочий следует признать нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ) и нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285.4 УК РФ), а также ряд преступлений против правосудия: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) и др. Специальным видом превышения должностных полномочий является принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), а специальным видом халатности – нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы) вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, повлекшее тяжкие последствия (ч. 3 ст. 340 УК РФ). Примечательна структура запрета на воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ), который в части неправомерного отказа в регистрации юридического лица или в выдаче лицензии является специальным видом должностного злоупотребления, а в части ограничения самостоятельности либо иного незаконного вмешательства – это превышение виновного своих должностных полномочий.

Между тем ряд посягательств гл. 30 УК РФ не являются специальными видами ни одного из трех названных выше общих видов должностных преступлений. Сложно назвать общие нормы по отношению к неисполнению сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286.1 УК РФ), отказу в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287 УК РФ), незаконному участию в предпри-

нимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), взяточничеству (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ), служебному подлогу (ст. 292 УК РФ), незаконной выдаче паспорта гражданина Российской Федерации (ст. 292.1 УК РФ).

Возможен еще один подход к классификации преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Учитывая, что в гл. 30 УК РФ отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность за специальные виды превышения должностных полномочий и халатности, а также наличие в ней составов, для которых в уголовном законе вообще не предусмотрено общих норм, предлагается считать все нормы исследуемой главы общими. Общими они являются в том смысле, что их объектом являются общественные отношения, развивающиеся во всех сферах функционирования государства. Как правило, нормы, предусматривающие ответственность за преступления должностных лиц в конкретной сфере публичных отношений, размещаются в других главах. Например, ст. 128 УК РФ «Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях» позиционируется как посягательство на свободу, честь и достоинство личности (гл. 17 УК РФ), ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности» находится в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», а ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта» – в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Но здесь речь идет не о классификации посягательств гл. 30 УК РФ, а о формировании представления о построенной в масштабах всего УК РФ системе охраны от должностных преступлений. Однако законодатель нарушил это правило, предусмотрев в гл. 30 УК РФ ответственность за преступления, посягающие на вполне определенные сферы функционирования государства. Так, незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации (ст. 292.1 УК РФ), является преступлением против порядка управления. В качестве объекта злоупотребления должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285.4 УК РФ) выступает внешняя и внутренняя безопасность государства.

В контексте исследуемой проблемы можно заключить, что самостоятельную группу посягательств на нормальное функционирование государства образуют коррупционные преступления, по крайней мере, те из них, которые являются коррупционными без дополнительных условий. Следует исходить из того, что коррупционное преступление – это общественно опасное деяние участника коррупционных отношений, складывающихся между должностными и иными лицами в целях извлечения незаконной имущественной и иной выгоды в результате использования должностными лицами своих полномочий или положения вопреки интересам личности, общества и государства. К признакам коррупционного преступления наряду с обязательным участием в нем специального субъекта – должностного лица, использующего свои должностные полномочия или положение, и корыстной направленностью следует отнести необходимое соучастие [2, с. 193]. «Субъектами коррупции, – пишет Т. Я. Хабриева, – являются и лица, предпринимающие попытки к коррумпированию должностных лиц» [6, с. 16]. Типичным видом коррупционного преступления является взяточничество (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ). Мы согласны с представлением Б. В. Волженкина о взяточничестве как о необходимом соучастии, где взяткодатель «...умышленно, совместно с должностным лицом участвует в посягательстве на нормальную деятельность публичного аппарата» [3, с. 193]. Показателен подход законодателя к установлению ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) как за единое преступление, совершаемое совместно взяткополучателем и взяткодателем.

По определению, соучастием является преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности». Совершить данное посягатель-

ство без вовлечения других лиц практически невозможно. Незаконность осуществления чиновником предпринимательской деятельности, как правило, осознают руководители и сотрудники организации, а также партнеры. Они понимают причины наличия выгодных подрядов, контрактов, завышенных цен на услуги коммерческой структуры, фактически возглавляемой чиновником. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, является только должностное лицо, предоставляющее льготы и преимущества «своей» организации, покровительствующее ей в иной форме. Поэтому вопрос о криминализации действий соучастников незаконной предпринимательской деятельности должностного лица, которые часто выступают выгодоприобретателями, является достаточно актуальным.

Ответственность двух сторон коррупционных отношений в сфере выполнения государственного оборонного заказа установлена в ст. 201.1 и 285.4 УК РФ. Специальные нормы призваны усилить ответственность за злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, совершаемые как должностными лицами организаций, выступающих в качестве государственного заказчика, так и руководителями организаций-исполнителей. Верхний предел наказания в виде лишения свободы, указанный в частях первых ст. 201.1 и 285.4 УК РФ, в два раза превышает размер санкции ч. 1 ст. 285 УК РФ. Вместе с тем законодатель неточно определил место нормы, предусматривающей ответственность за злоупотребление, совершаемое руководителем организации-исполнителя государственного заказа (ст. 201.1 УК РФ), в структуре Особенной части УК РФ как посягательства на интересы службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ). Данное преступление посягает не на интересы коммерческой организации, а на безопасность государства, так как причиняет «существенный вред охраняемым законом интересам общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа» (ч. 1 ст. 201.1 УК РФ).

Злоупотребление при выполнении государственного оборонного заказа совершается, как правило, в соучастии. Злоупотребление руководителя организации-исполнителя становится возможным только при попустительстве или содействии представителя государственного заказчика. Об этом свидетельствуют типичные способы совершения преступлений, предусмотренных ст. 201.1 и 285.4 УК РФ. Возможные злоупотребления указаны в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», который предписывает контролирующему органу возбуждать и рассматривать дела о нарушении законодательства в сфере государственного оборонного заказа (ст. 15.11). Характеристику таких нарушений содержит ч. 3 ст. 8 названного закона, которая запрещает действия (бездействие) головного исполнителя, исполнителя, влекущие за собой необоснованное завышение цены на продукцию по государственному оборонному заказу, неисполнение или ненадлежащее исполнение государственного контракта, в том числе действия (бездействие), направленные: 1) на включение в себестоимость производства продукции затрат, не связанных с ее производством; 2) на установление экономически, технологически и иным образом необоснованной цены на продукцию, поставляемую заказчику или головному исполнителю, исполнителю, превышающей цену, сложившуюся на соответствующем товарном рынке; 3) на использование полученных по государственному контракту, контракту средств на цели, не связанные с выполнением государственного оборонного заказа.

В свою очередь, злоупотребления полномочиями, совершаемые должностными лицами государственного заказчика, обусловлены их основными правами (ст. 6.2) и обязанностями (ст. 7). Например, субъект может злоупотребить полномочиями по разработке предложений по объему поставок продукции по государственному оборонному заказу и его основным показателям; по размещению заказа и формированию его цены; по заключению контракта и осуществлению контроля за целевым использованием бюджетных ассигнований; по контролю за качеством товаров и работ. Таким образом, возможные злоупотребления должностных лиц государственного заказчика и исполнителей оборонного заказа тесно взаимосвязаны, пред-

полагают согласованные действия (бездействие) сторон и фактически представляют собой коррупционные отношения. Учитывая имущественный характер отношений, развивающихся в сфере выполнения государственного оборонного заказа, можно предположить, что преступления, предусмотренные ст. 201.1 и 285.4 УК РФ, всегда совершаются из корыстной заинтересованности. Таким образом, комментируемые нормы предусматривают ответственность за коррупционные преступления, совершаемые в конкретной сфере – обеспечения обороноспособности и безопасности, поэтому их следовало бы разместить в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Основное социальное предназначение государства выражается в осуществлении государственных функций, которое нуждается в материальном обеспечении. Поэтому уголовно-правовой охраны требует не только выполнение государственного оборонного контракта, но и любое другое расходование государственных средств. В главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» законодатель установил ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ) и за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5 УК РФ). В подавляющем большинстве случаев субъектами преступлений, предусмотренных в гл. 22 УК РФ, выступают предприниматели, а также лица, незаконно занимающиеся предпринимательской деятельностью, а сами посягательства состоят в нарушении интересов контрагентов и невыполнении имущественных обязанностей перед государством. Законодательство Российской Федерации о контрактной системе регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд. Преступления, предусмотренные ст. 200.4 и 200.5 УК РФ, представляют собой посягательства сотрудников государственных организаций и лиц, их подкупающих, на контрактные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государства, поэтому ответственность за их совершение следовало бы предусмотреть в гл. 30 УК РФ. При этом субъектами комментируемых посягательств являются сотрудники контрактных служб, не являющиеся должностными лицами. Отметим, что и ранее в гл. 7 УК РСФСР «Должностные преступления», и сегодня в гл. 30 УК РФ ответственность предусматривается не только для должностных лиц, но и для служащих, которые хотя и не осуществляют распорядительные полномочия, но незаконным выполнением своих технических или профессиональных обязанностей могут причинить существенный вред функционированию государства.

Проблемой системы уголовно-правовой охраны расходования общенародных средств является фактическое отсутствие ответственности для лиц, выступающих контрагентами государства в контрактных отношениях. В статье 201.1 УК РФ указывается, что предусмотренное в ней деяние, причинившее существенный вред интересам государства при выполнении оборонного заказа, должно противоречить «законным интересам организации», которую они представляют. У негосударственной коммерческой организации один интерес – это извлечение прибыли, поэтому заведомо ущербная для бюджета сделка такому интересу противоречить не может. Социально обусловлено дополнение уголовного закона общей нормой, предусматривающей ответственность обеих сторон коррупционной сделки. Пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [1] предписывает действия должностного лица, заключившего договор, на основании которого перечислило вверенные ему средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость указанных в договоре товаров, работ или услуг, квалифицировать как растрату вверенного имущества. Подобный подход является социально обусловленным, но, как справедливо утверждает Н. А. Лопашенко, «для таких заключений современная редакция ст. 160 УК РФ оснований не дает» [4, с. 500]. Денежные средства не вверены, а находятся в ведении у должностного лица, которое принимает решение об их перечислении. Кроме того, остается нерешенным вопрос о юридической оценке пове-

дения контрагентов, на счета которых перечисляются похищенные средства. Они осознают, что вступают с должностным лицом в заведомо ущербную для государства коррупционную сделку. В случае если заинтересованное лицо не организовывало должностного преступления и не подстрекало к его совершению, найти правовые основания уголовной ответственности практически невозможно. Отсутствие ясности при определении роли потребителей коррупционных услуг ослабляет потенциал уголовного закона в предупреждении коррупции.

Например, Уголовный кодекс Кыргызской Республики содержит ст. 322 «Заключение заведомо невыгодного контракта», которая предусматривает наказание за «заключение должностным лицом заведомо невыгодного для государства контракта (договора), а равно осуществление таким должностным лицом государственной закупки, причинившие крупный ущерб». Ответственность второй стороны договорных отношений предусмотрена в ст. 224 УК КР, карающей за «умышленное или неосторожное нарушение порядка проведения публичных торгов, аукциона или тендера, а равно заключение заведомо невыгодного контракта, причинившие собственнику имущества, организатору торгов или аукциона, покупателю или иному хозяйствующему субъекту ущерб в крупном размере». Если ответственность за заведомо невыгодный государственный контракт (ст. 322 УК КР) предусмотрена в главе «Коррупционные и иные преступления против государственной и муниципальной службы», то преступление, предусмотренное ст. 224 УК КР, является посягательством «против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

Считаем, что в уголовном законе Кыргызской Республики можно было бы выстроить и более логичную структуру охраны договорных отношений с участием государства. Как было показано выше, заведомо ущербный для государства характер коррупционной сделки осознают обе ее стороны. Сам кыргызский законодатель в ст. 219 УК КР «Коррупция» определяет ее как «...умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставление ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающее угрозу интересам общества или государства». После признания коррупционерами представителей обеих сторон коррупционных отношений, было бы логично предусмотреть в ст. 322 УК КР ответственность не только должностных лиц, но и иных лиц, заключающих заведомо невыгодный контракт с государственной организацией. Кроме того, от «заведомо невыгодных контрактов» предлагаем охранять только интересы государства, которое представляет все общество и каждого отдельного гражданина. Негосударственные коммерческие организации занимаются предпринимательской деятельностью на свой страх и риск в целях извлечения прибыли, поэтому даже заведомая невыгодность сделки для одной стороны и выгодность для другой не могут ее порочить, если, разумеется, это не сделка с государством.

Коррупционная сделка разрушает осуществление государственных функций методом договорного регулирования. Объективная сторона данного преступления выражается в использовании должностными лицами и иными субъектами административно-хозяйственных полномочий при заключении договора, причиняющего крупный ущерб государству или государственной организации. Состав коррупционной сделки предполагает необходимое соучастие и создает основание для привлечения к уголовной ответственности не только должностного лица, злоупотребляющего своими полномочиями, но и его контрагента. Субъекты коррупционной сделки осознают ее ущербность для нормального функционирования государства, поэтому мотив совершения преступления для квалификации не должен иметь значения.

В исследуемом аспекте интересна классификация преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ, предложенная авторами учебника по уголовному праву под редакцией Н. Г. Кадникова. В зависимости от непосредственного объекта их предлагается разделить на следующие группы:

преступления, связанные с использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, совершаемые из корыстной или иной личной заинтересованности, либо с превышением таких полномочий (ст. 285-289, 292-293 УК РФ), и должностные преступления коррупционной направленности (ст. 290-291.2 УК РФ) [5, с. 647]. В приведенной классификации обращено внимание на преступления, которые являются безусловно коррупционными, но в эту группу ошибочно не включено незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ).

Представление о системе уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления, целесообразно формировать в масштабах всей Особенной части УК РФ. В главе 30 УК РФ должны быть расположены нормы, предусматривающие ответственность за посягательства, которые могут быть совершены во всех сферах функционирования государства. Специальные нормы, запрещающие должностные преступления, совершаемые в связи с реализацией отдельных государственных функций, размещаются в главах, которые охраняют соответствующие виды общественных отношений. Законодатель в основном следует данному правилу. Но, как было показано выше, ответственность за злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 и 285.4 УК РФ) должна быть установлена в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». В свою очередь, неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286.1 УК РФ) и незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации (ст. 292.1 УК РФ) посягают на порядок управления (гл. 31 УК РФ).

Собственно преступления, предусмотренные в гл. 30 УК РФ, с учетом особенностей их объективной стороны можно разделить на три группы: 1) основные должностные преступления (ст. 285, 286, 292, 293 УК РФ); 2) специальные виды должностных преступлений (ст. 285.1, 285.2, 285.3 УК РФ); 3) коррупционные должностные преступления (ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ). Признание коррупционных посягательств одной из групп не противоречит избранному общему критерию классификации. Их особенностью является то, что они представляют собой необходимое соучастие. Если при должностном злоупотреблении виновный незаконно использует свои полномочия, при служебном подлоге - включенность в служебный документооборот, а при превышении - должностное положение, то субъекты коррупционного преступления продают и покупают возможности, вытекающие из должностного положения.

Литература

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // Российская газета. 2013. 17 июля.
2. Борков В. Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами. М., 2016.
3. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000.
4. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М., 2012.
5. Уголовное право России: учебник: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2018.
6. Хабриева Т. Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6.

УДК 343.2/.7

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Владимир Константинович Андреанов, доцент кафедры Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук
E-mail: andrianov_vk@mail.ru

Общество в целом и все его компоненты, включая право, находятся в состоянии непрерывного изменения и развития. Развитие права – это то, без чего невозможно его существование. Процессы изменения и развития права протекают на основе определенных закономерностей. Целью данной статьи является выявление этих закономерностей. В статье показано, что, несмотря на хаотичность, противоречивость и бессистемность многочисленных изменений уголовного законодательства, в сущности, процесс развития уголовного права – это закономерный процесс. Дается определение понятия «развитие уголовного права», раскрываются общие и специфические закономерности, лежащие в основе этого процесса, доказываются важность следования им в ходе нормотворческой деятельности в сфере уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: философия уголовного права; сущность уголовного права; закономерности уголовного права; развитие уголовного права; тенденции развития уголовного законодательства.

DIALECTICAL REGULARITIES AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT CRIMINAL LAW

Vladimir Konstantinovich Andrianov, department associate professor of the Russian State University of Justice, *kandidat nauk*, degree in Law

The society as a whole and all its components, including the law, is in a state of continuous change and development. The development of law is that without which its existence is impossible. The processes of change and development of law proceed on the basis of certain regularities. The purpose of this article is to identify patterns of development of criminal law. This article shows that, despite the randomness, inconsistency and unsystematic nature of numerous changes in criminal law, in essence, the process of development of criminal law is a natural process. The work defines the concept of development of criminal law, reveals the general and specific patterns underlying this process, proves the importance of following them in the course of law-making activities in the field of criminal law regulation.

Keywords: philosophy of criminal law; the essence of criminal law; laws of criminal law; development of criminal law; trends in the development of criminal law.

Современный уголовный закон напоминает нам лоскутную ткань, которая ткалась тысячами людей в разное время, часто с какой-либо сиюминутной целью. Поэтому сложно проследить в такой правовой материи внутреннюю логику и вывести из этого закономерности.

Так, В. П. Ревин отмечает: «За более чем 15-летний период применения действующего УК РФ в него внесено множество непродуманных, хаотично подготовленных, не имеющих плановых и определенных внятной концепцией изменений и дополнений» и делает заключение о том, что «реформирование уголовного закона системностью не отличается, часто изменения продиктованы конкретными событиями, они не обусловлены главными факторами – су-

ществленными изменениями социальных отношений в обществе и государстве и (или) резким и продолжительным негативным изменением криминальной ситуации в России» [18, с. 38].

Ю. С. Жариков указывает на «полную разбалансированность уголовного законодательства как в плоскости внутренней системности Общей и Особенной частей, так и на межотраслевом уровне. К такому плачевному состоянию отечественный уголовный закон привели те многочисленные изменения и дополнения, которые были внесены в него в последнее время (начиная с 2003 г.) по различным индивидуальным поводам без минимальной теоретической подготовки, так сказать, на одном энтузиазме законодателя» [7, с. 178].

По мнению И. А. Клепицкого, «в течение последних лет наше уголовное законодательство нестабильно, серьезные изменения вносятся в уголовный закон весьма часто... При этом целостное концептуальное обоснование перманентных реформ отсутствует, а если таковое и имеется – оно не доведено до сведения общественности. Пояснительные записки к законопроектам и иные документы бюрократического свойства ввиду своей худобы и отсутствия научного обоснования в этом качестве рассматриваться не могут. В результате правоведам приходится угадывать смысл уголовной политики по ее результатам, воплощенным в законодательстве, и последствиям его применения» [9, с. 70-71].

С тех пор ситуация не только не стабилизировалась, но вопреки своей природе, уголовное законодательство остается одним из самых динамично меняющихся.

Таким образом, специалисты единогласны в своем неутешительном выводе о том, что на протяжении многих лет уголовное законодательство, подвергаясь массивным изменениям, часто не имеющим под собой необходимых социально-криминологических оснований, утратило стабильность и во многом адекватность потребностям общественной жизни, а недостаточное научно-методическое обеспечение подготовки этих изменений сделало его несбалансированным и даже противоречивым [16, с. 110; см. также: 13; 17; 20].

Но по своей сути уголовное право вовсе не хаотично и бессистемно, а имеет свою внутреннюю логику и организацию, социальную обусловленность, свои объективные и существенные связи, подчиняется определенным рациональным правилам, то есть закономерно. Поэтому отсутствие в современном уголовном законодательстве необходимого уровня системности, логичности и последовательности, что значительно снижает эффективность его результата, в первую очередь должно быть восполнено изучением закономерностей уголовного права. Чтобы избежать вышеназванных ошибок и повысить социальную эффективность уголовного права, законодатель должен действовать в русле его закономерностей, а значит их знать.

От того, насколько глубоко изучены и полно учтены объективные закономерности при разработке концепции уголовной политики, реализации уголовно-правотворческой и правоприменительной деятельности, прямо зависит их результативность: чем выше степень обусловленности закономерностями соответствующих актов и решений, тем они эффективнее. На наш взгляд, сведения о закономерностях, действующих в уголовно-правовой сфере, должны составить базовую часть общей методики уголовно-правового нормотворчества, часть методики правовой и социально-криминологической экспертизы законопроектов в области уголовного права, часть методологического обоснования проекта концепции государственной политики противодействия преступности и концепции развития уголовного законодательства. Поскольку основополагающей частью политики государства в области противодействия преступности выступает уголовно-правовая политика, постольку закономерности уголовного права являются основой основ государственной политики противодействия преступности. Пожалуй, даже более, чем любая другая проводимая государством политика, уголовно-правовая политика в силу своей запретительно-карательной природы должна осуществляться не произвольно, экспериментально, от случая к случаю, а соотноситься с закономерностями, характеризующими возникновение, развитие, функционирование и структуру уголовного права [2; 3]. Выявив и поняв закономерности системы российского уголовного права, можно

осуществлять качественное и эффективное влияние на нее через проводимую государством уголовно-правовую политику [5, с. 365]. Среди этих закономерностей важное место занимают закономерности, управляющие развитием уголовного права и законодательства.

В познании закономерностей развития любого явления исходное значение имеет, конечно, определение самого понятия «развитие». В науке выделяются следующие основные признаки общеправового понятия развития [1, с. 521-524]:

– *качественный характер изменений*. Здесь необходимы два уточнения. Во-первых, когда говорят о развитии, под изменением качества подразумевают вовсе не утрату системной ее специфического, сущностного качества. Поэтому, какие бы качественные изменения ни вносились в уголовное право, его охранительное предназначение в общественной жизни неизменно. Однако в целом сохраняя запретительно-карательную природу уголовного права, некоторые изменения могут усиливать или, наоборот, смягчать ее. Например, преобладание процессов криминализации, ужесточения характера наказуемости уже криминализованных деяний усиливают репрессивный характер уголовного права, а процессы декриминализации, депенализации за счет расширения оснований для освобождения от уголовной ответственности и наказания, смягчения характера наказуемости преступлений, напротив, в какой-то мере уменьшают его. Во-вторых, для развития права недостаточно какого-либо однократного качественного изменения, необходим определенный ряд связанных между собой изменений;

– *необратимость изменений*. Даже если на определенном этапе своего развития уголовное право в чем-то возвращается к своему прежнему состоянию, например, снова приобретает полиисточниковый характер или в каких-то положениях вновь становится казуистичным, либо более репрессивным, то здесь нет «чистого» круговращения, полного и абсолютного возврата к «старому», а есть только момент обратимости. Поскольку в таких случаях, во-первых, изменяется сам перечень формальных источников выражения уголовного права, неодинаковы степень и содержание казуистичности и репрессивности его правовых предписаний, а во-вторых, во многом остальном оно уже существенно отличается от прежнего по содержанию уголовного права;

– *направленность*. Развитие соотносится с направленными преобразованиями. Сопоставление уголовного права досоветского, советского и современного периодов показывает наличие преемственности между его качественными изменениями, приращение изменений в определенном тренде, накопление уголовно-правовых ценностей и традиций, что позволяет увидеть определенные направления в его историческом развитии.

Таковы основные признаки развития. Развитие является предметом изучения диалектики. Представителям этой концепции, прежде всего Гегелю, удалось выявить всеобщие законы развития: «единства и борьбы противоположностей», «отрицания отрицания» и «перехода количества в качество». Действию данных закономерностей, характеризующих общий процесс развития, в той или иной мере подчиняется и развитие общества, включая право.

Диалектическая концепция говорит о том, что развитие основано на наличии во всяком явлении противоречивых сторон. Наиболее существенным источником любого процесса развития выступают различные противоречия. Противоречия свойственны и уголовному праву. Поэтому прежде всего сущность процесса развития уголовного права выражает закон единства и борьбы противоположностей. Противоположностями называются стороны, или аспекты, компоненты системы, имеющие форму разнонаправленных сил, полярные тенденции.

На наш взгляд, развитие уголовного права детерминируют следующие противоположности:

- 1) между стабильностью уголовного права и динамизмом актуальных криминальных угроз, тенденций в развитии преступности;
- 2) между полной кодификацией уголовного права и полиисточниковым характером отрасли;

- 3) между абстрактным способом формулирования уголовно-правовых норм и казуистическим;
  - 4) между криминализацией и декриминализацией; пенализацией и депенализацией;
  - 5) между либерализацией и ужесточением уголовного закона;
  - 6) между всесторонней императивностью и расширением диспозитивных элементов в уголовно-правовом методе;
  - 7) между усилением формализованности и расширением свободы усмотрения правоприменителя в уголовном праве;
  - 8) между унификацией и дифференциацией уголовно-правового регулирования;
  - 9) между дифференциацией уголовной ответственности на основе объективных свойств общественной опасности деяния и дифференциацией на основании опасных свойств личности виновного;
  - 10) между равенством граждан перед законом и дифференциацией уголовной ответственности в зависимости от личности потерпевшего и виновного;
  - 11) между равенством граждан перед законом и индивидуализацией уголовной ответственности;
  - 12) между законностью и возможностью усмотрения правоприменителя в уголовном праве;
  - 13) между законностью и бланкетностью в уголовном праве;
  - 14) между принципом законности и допустимостью применения аналогии в уголовном праве;
  - 15) между глобализацией и универсализацией уголовного права и его национальной самобытностью;
  - 16) между всеобщностью международного права и изоляционизмом внутригосударственного уголовного права;
  - 17) между политизацией и гуманизацией уголовного закона (между приоритетом общечеловеческих и классовых ценностей);
  - 18) между преемственностью и новеллизацией в уголовном праве;
  - 19) между категоричностью государственной оценки деяния как преступления в законе и неоднозначной его оценкой в общественном мнении;
  - 20) между наличием основания уголовной ответственности и безнаказанностью преступного деяния в связи с основаниями освобождения от уголовной ответственности и наказания;
  - 21) между расширением перечня преступных деяний в Особенной части и условий освобождения от уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права;
  - 22) между гуманизмом к потерпевшему и обществу и гуманизмом к виновному;
  - 23) между достаточностью карательного содержания наказания для реализации его целей и недопустимостью причинения наказанием физических страданий или унижения человеческого достоинства;
  - 24) между позитивными последствиями криминализации и негативными последствиями от вмешательства уголовного права в социальную жизнь;
  - 25) между концепцией общественно опасного деяния и теорией опасного состояния личности как основания криминализации и уголовной ответственности;
  - 26) между принципом акцессорности и самостоятельности ответственности соучастников.
- Единство и борьба отмеченных противоположностей дают основной импульс развитию уголовного права.

Столкновение («борьба») противоположностей означает, что одна из них пытается преодолеть, вытеснить другую. Такое взаимоотрицание имеет место, например, между тенденцией к полной кодификации уголовного права и тенденцией к полиисточничному характеру отрасли; между криминализацией и декриминализацией; пенализацией и депенализацией.

Однако более характерным для уголовного права является единство (взаимодополняемость, рациональное соотношение) противоположностей, нежели их взаимоотвержение. Важность нахождения определенного компромисса, баланса, гармонии между свойственными уголовному праву противоположностями подчеркивают многие специалисты применительно к самым разным аспектам проявления уголовного права. Так, Т. А. Лесниевски-Костарева считает, что «дифференциация ответственности в уголовном законе и предоставленная законом правоприменителю возможность индивидуализировать ответственность – это, можно сказать, две чаши на весах уголовно-правовой политики. ... искусство уголовно-правовой политики заключается в том, чтобы гармонизировать сочетание этих сфер, сбалансировать чаши весов» [11, с. 23]. В свою очередь, Л. Л. Кругликов и Л. Е. Смирнова пишут, что «унификация и дифференциация – два взаимообусловленных, сдерживающих противовеса в системе законодательного регулирования» [10, с. 69].

Е. В. Ильюк указывает на необходимость сочетать абстрактный и казуистический приемы изложения текста закона. Неумелое их сочетание, превалирование одного из этих противоположных приемов над другим свидетельствуют о недостатках законодательной техники [8, с. 13]. Как отмечает Н. И. Пикуров, «направление и характер современной реформы российской правовой системы, в том числе уголовного права, свидетельствуют о поиске баланса между частным и публичным» [21, с. 483].

М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин считают, что «стабильность государственной оценки общественно опасного поведения и подходов к определению мер уголовно-правового воздействия не должна входить в противоречие с требованиями соответствия уголовного законодательства динамично меняющимся социальным условиям. Соблюдение баланса между стабильностью и динамикой составляет важный аспект уголовно-правовой политики» [4, с. 4–12].

«Практически в такой же мере, в какой безнаказанность умножает преступления, тотальная «наказуемость» («наказываемость») тоже умножала бы их. Но где та золотая середина, при которой «наказанность» была бы более предпочтительной, чем безнаказанность? Какая «наказуемость» («наказываемость») может признаваться не избыточной, а оптимально достаточной, обоснованной, допустимой и даже, может быть, необходимой?» – вопрошает П. Н. Панченко [15, с. 151].

По мнению Н. А. Лопашенко, «справедливость наказания – многогранна. С одной стороны, наказание должно быть справедливым по отношению к обществу и государству, а также к потерпевшим от преступления, которое совершено, с другой стороны – по отношению к лицу, его совершившему. Можно сказать, что справедливость представляет собой золотую середину между библейской заповедью о прощении и объяснимым, нормальным чувством воздаяния за зло полной мерой» [12, с. 55–56].

В диалектике основное для сущности определенного явления или процесса противоречие принято отличать от производных, частных. Основное противоречие – это то, которое наиболее глубоко выражает сущность данного явления [6, с. 200–201]. Если обратиться к истории развития права, нетрудно заметить ряд глобальных противоречий, во многом определяющих и содержание уголовного права.

Одно из таких противоречий состоит в поиске оптимального соотношения между частным и публичным интересом в уголовно-правовой охране. Здесь в развитии российского уголовного права наблюдается определенное реверсивное движение: первоначально уголовное право берет под свою охрану частно-правовой интерес (устанавливая безусловные запреты на убийства, телесные повреждения, хищения и т. д.), позже – публично-правовой интерес (были предусмотрены преступления против государя и веры), который в процессе дальнейшего развития стал заметно преобладать (советское уголовное право ставило во главу угла государственно-партийные интересы), сейчас вновь произошла переоценка иерархии объектов (в основу уголовно-правовой охраны положены интересы личности).

Другая такая противоречивая тенденция, сыгравшая существенную роль в истории правового развития, выражается в соотношении императивного и диспозитивного регулирования – от их дифференциации до их интеграции: каждый из этих правовых методов начинал свою жизнь в чистом виде в рамках конкретных отраслей (происхождение императивного регулирования обусловлено предметом уголовного права, а диспозитивного – предметом гражданского права), затем эти первичные методы стали использоваться отраслями права в различных сочетаниях, произошло их объединение (уголовное право, сохраняя преобладание императивного метода, характеризуется тенденцией к расширению сферы применения диспозитивного правового регулирования). Как пишет А. В. Сумачев, «история отечественного уголовного права свидетельствует о том, что усиление и централизация власти (средневековый абсолютизм, социализм) обуславливали государственную монополизацию сферы уголовно-правового регулирования, в которой диспозитивность не осознавалась даже как правовое явление. Государственное восприятие естественно-правовых идей в XIX – начале XX в. и в постсоветский период развития России способствует тому, что диспозитивность осознается как политико-правовая идея, которая находит свое отражение не только в цивилистике, но и в отраслях российского права криминального цикла» [19, с. 13].

Кроме того, следует задаться вопросом, а есть ли какое-то основное, ведущее противоречие в развитии уголовного права, подобно тому, как оно есть в общественном развитии в целом (противоречие между бытием и сознанием, трудом и капиталом)? На наш взгляд, в развитии уголовного права таким фундаментальным противоречием, которым обусловлены все остальные, является противоречие между свободой личности и обеспечением ее безопасности от преступных посягательств. Следовательно, развитие уголовного права представляет собой процесс разрешения указанных противоречий, нахождения оптимального соотношения противоположностей, позволяющего раскрыть весь потенциал уголовно-правового регулирования, задействовать все его возможности (репрессивность и гуманизм, императивность и диспозитивность, единство и дифференциацию), сделать его механизм более гибким и эффективным. Главное, не впадать в крайности и не возводить в абсолют какую-либо противоположность. В. Н. Кудрявцев верно писал, что «каждая крайняя позиция чревата определенными опасностями» [14, с. 243].

Наряду с закономерностью диалектической противоречивости в развитии уголовного права прослеживается и действие других всеобщих закономерностей развития.

Из понятия развития, предполагающего переход от одного качества к другому, вытекает, что любое развитие немислимо без отрицания, однако столь же необходимым моментом всякого поступательного движения является преемственность относительно предыдущей стадии развития системы. Суть закона «отрицания отрицания» (для нашего предмета точнее другое его название – «закон диалектического синтеза») – в воспроизведении на следующей, более высокой стадии развития некоторых характеристик предыдущей стадии развития [1, с. 544]. Как показывает история российского уголовного права, в процессе его развития диалектически взаимодействуют как моменты гибели фрагментов прежней системы, так и моменты преемственности, т.е. сохранения элементов прежней уголовно-правовой системы применительно к новым социально-экономическим условиям и криминальным вызовам. Преемственность в уголовном праве обнаруживает себя во многих проявлениях его бытия, в его сущности и функциях, в содержании и форме. Так, охранительная функция уголовного права выступает его «вечной спутницей», которая закреплена за ним независимо от общественно-политической обстановки в стране. Преемственность касается и криминализации в обществе, в частности, убийства и другие посягательства на жизнь и здоровье, изнасилования, хищения преступны при любом социально-экономическом строе. Черты преемственности обнаруживаются и во многих аспектах строения уголовного права, в его делении на Общую и Особенную части, в подразделении уголовно-правовых запретов на диспозицию и санкцию,

в структуре состава преступления и т.д. Преемственность выражается также в сохранении устоявшихся уголовно-правовых институтов (соучастие, стадии преступления, множественность и т.д.), накопленных уголовно-правовых ценностей и традиций.

Определенные аспекты развития уголовного права детерминированы и объяснимы действием закономерности «перехода количества в качество», которая «выражает такую взаимосвязь характеристик систем, при которой количественные изменения на определенном этапе приводят к качественным, а новое качество порождает новые возможности» [1, с. 546]. Как представляется, в системе права количественные изменения выражаются в накоплении правовой информации. В качестве примера действия данной закономерности может служить образование уголовно-правовых институтов по мере накопления определенного комплекса норм, регулирующих определенный участок уголовных правоотношений или охраняющих однородные общественные отношения; формирование Общей части по мере накопления опыта правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере уголовного права.

Таковы наиболее общие философские закономерности, с помощью которых можно объяснить изменения бытия в целом, включая развитие общества и права. Применительно к уголовному праву они обуславливают и определенные специфические закономерности, выражающие более конкретные тенденции его развития.

Изучая результаты уголовного правотворчества, специалисты усматривают в них различные тенденции развития уголовного законодательства, в чем-то совпадая в своих обобщениях, в чем-то нет. Так, И. А. Клепицкий считает, что «в качестве основных направлений развития уголовного законодательства правильно рассматривать: 1) приведение его в соответствие с нормами международного права и требованиями международных организаций; 2) приведение его в соответствие с меняющимися обстоятельствами общественной жизни; 3) гуманизацию уголовного права и защиту интересов потерпевших; 4) усиление борьбы с наиболее опасными преступлениями; 5) защиту интересов бизнеса в целях стимулирования экономического развития» [9, с. 71]. Представляется, что не всякое направление развития может быть названо закономерностью. Специфическими закономерностями, выражающими наиболее существенные, устойчивые и повторяющиеся тенденции развития уголовного права, на наш взгляд, являются:

1) *полная кодификация уголовного права.* Анализ истории российского уголовного законодательства показывает, что на всем ее протяжении, вплоть до конца XX в., действовало множество уголовно-правовых источников. И только в ч. 1 ст. 1 УК РФ 1996 г. законодатель предусмотрел, что «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Следовательно, действующий Уголовный кодекс был официально объявлен единственным источником уголовного права России, объединяющим в себе уголовно-правовые нормы. Это, конечно, не прекратило научные дискуссии о системе источников российского уголовного права, но, по крайней мере, вполне четко зафиксировало главную мысль: только в УК РФ как едином кодифицированном акте могут закрепляться составы преступлений и санкции за их совершение.

Таким образом, развитие внешней формы уголовного права шло по пути от «многозаконония», т.е. одновременного действия множества нормативных актов, к объединению их в едином кодифицированном акте;

2) *гуманизация и либерализация уголовного права.* Гуманизм российского уголовного права проявляется во многих положениях, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации (ч. 2 ст. 6, 14, ст. 28, 62, 64–66, 75–78, 79–83, 87–96 и т.д.). В качестве основных событий политики либерализации уголовного законодательства последних лет можно назвать:

– принятие Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (согласно ему, из ряда составов преступлений

были исключены нижние пределы санкций в виде лишения свободы, исправительных работ и ареста; в отношении некоторых деяний введены наказания, не связанные с лишением свободы; суду было предоставлено право решать, отменить или сохранить условное осуждение и условно-досрочное освобождение при совершении лицом в течение испытательного срока умышленного преступления небольшой или средней тяжести);

– принятие Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (согласно его поправкам в УК РФ, к категории преступлений небольшой тяжести были отнесены умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание в виде лишения свободы не превышает трех лет (а не два года, как было ранее); суду предоставлена возможность изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления; введен новый вид наказания – принудительные работы; предусмотрен механизм предоставления отсрочки исполнения наказания лицам, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести в сфере незаконного оборота наркотиков и страдающим наркоманией; декриминализирован ряд деяний, не представляющих серьезной угрозы обществу);

– принятие Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ (в соответствии с ним декриминализированы некоторые деяния, ранее относившиеся к преступлениям небольшой тяжести);

3) *внедрение и расширение компромисса (элементов диспозитивности) в уголовном праве.* Включение в уголовно-правовое регулирование моментов, выражающих диспозитивный метод, осознано законодателем как важное направление развития уголовного права еще в процессе разработки УК РФ, которому он продолжает следовать и в настоящее время. Разумеется, во многом осознание того, что применение компромисса, альтернативных способов урегулирования конфликта, вызванного преступлением, способно обеспечить осуществление задач уголовного права и экономию уголовной репрессии, пришло из опыта сравнительного правоведения и анализа практики применения таких поощрительных мер в зарубежных государствах (США и странах Европы). Однако, как верно замечает, Н. И. Пикуров, «не меньшую роль здесь сыграли внутренние «пружины» современной реформы уголовного права и его исторические традиции. Так, в дореволюционном российском законодательстве существовало несколько видов прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон (ст. 155, 157, 1496 Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных 1885 г.). Поэтому названные институты лишь с большой натяжкой можно считать новыми для нас» [21, с. 497–498].

В Общей части нового Уголовного кодекса идею компромисса выражают нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Существенно расширен перечень случаев освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ.

В качестве значимых событий этого направления развития уголовного законодательства последних лет следует отметить:

– введение Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в УК РФ ст. 76.1, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление экономической направленности, если это лицо полностью возместило ущерб и перечислило в федеральный бюджет определенное денежное возмещение;

– введение Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в УК РФ ст. 76.2, согласно которой лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, будет освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред.

Между тем происходящие в последнее время события, а именно возможность в настоящее время не исполнять решения ЕСПЧ, официальное намерение РФ не быть участником Римского статута Международного уголовного суда, призывы к выходу из Конвенции о защи-

те прав человека и основных свобод 1950 г., введение в УК РФ ряда статей, связанных с ограничением гражданских свобод, являются, на наш взгляд, в значительной мере отступлением от закономерных тенденций, препятствием им и активацией тех противоположностей, которые ведут к репрессивному, антидемократическому уголовному праву, возрождению уголовно-правового наследия тоталитарного прошлого, что вызывает серьезную обеспокоенность.

Таким образом, *развитие уголовного права* – это направленные, качественные изменения, характеризующие социально-политический и специально-юридический генезис уголовного права, обусловленные определенными внешними и внутренними его противоречиями.

Литература

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 2007.
2. Андреанов В. К., Пудовочкин Ю. Е. Закономерности уголовного права. М., 2019.
3. Андреанов В. К., Пудовочкин Ю. Е. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. 2018. № 5 (122).
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4.
5. Денисова А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
6. Дудель С. П., Штракс Г. М. Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967.
7. Жариков Ю. С. Правоотношения в механизме уголовно-правового регулирования. М., 2012.
8. Ильюк Е. В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989.
9. Клепицкий И. А. Уголовная политика: тенденции и перспективы // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат-лов I всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М., 2014.
10. Кругликов Л. Л., Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008.
11. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М., 2000.
12. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009.
13. Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015.
14. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982.
15. Панченко П. Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014.
16. Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: мат-лы Третьего российского конгресса уголовного права // Уголовное право. 2008. № 6.
17. Рарог А. И. Метаморфозы российской уголовно-правовой политики и система наказаний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы X междунар. науч.-практ. конф., 24-25 января 2013 г. М., 2013.
18. Ревин В. П. Современная уголовная политика России и реформирование уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1.
19. Сумачев А. В. Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
20. Толкаченко А. А. Современные перспективы развития сферы уголовной юстиции // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. IV всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова. М., 2017.
21. Энциклопедия уголовного права. Т. 1: Понятие уголовного права. СПб., 2005.

УДК 343.2

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО И ВИНОВНОГО ВМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Андрей Геннадьевич Иванов, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: grant74@mail.ru

В статье рассматривается принцип субъективного вменения, используемый в российском уголовном праве, при этом обращается внимание на его неточную формулировку и отсутствие нормативного закрепления, что приводит к осложнению понимания сущности и соответственно, к сложностям правоприменения. Предлагается использовать понятие «виновное вменение», которое наиболее емко и точно выражает содержание рассматриваемого принципа. Предложены редакционные изменения отдельных положений уголовного законодательства РФ, позволяющие устранить обозначенную проблему.

Ключевые слова: вменение; юридический термин; принцип права; уголовный закон; квалификация преступления; толкование понятия.

THE RATIO OF SUBJECTIVE AND GUILTY IMPUTATION IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Andrey Gennadievich Ivanov, head of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

The article deals with the principle of subjective imputation used in the Russian criminal law, while paying attention to its not exact formulation and the lack of normative consolidation, which leads to a complication of understanding of the essence and, accordingly, to the difficulties of law enforcement. It is proposed to use the concept of «guilty imputation», which most succinctly and accurately expresses the content of the principle under consideration. The editorial changes of certain provisions of the criminal legislation of the Russian Federation, allowing to eliminate the identified problems, are proposed.

Keywords: imputation; legal term; principle of the right; criminal law; qualification of a crime; interpretation of the concept.

Общество немислимо без взаимодействия между людьми, что является общественными отношениями, которые берут свое начало, как, собственно, и само общество, из глубокой древности и формировались на протяжении всего развития человечества. По мере эволюции общественных отношений неизбежно возникла необходимость в их регулировании, которое исконно происходило посредством устоев и обычаев, а впоследствии выразалось в нормативно закрепленных велениях государства. Однако основные начала (устои, обычаи, традиции) не только материализовались в виде правовых норм, но и нашли свое отражение в основополагающих положениях построения и функционирования права, что охватывается понятием «принцип».

В основном понятие «принцип» трактуется как руководящее положение, основное правило, установка для какой-либо деятельности [4, с. 398; 12, с. 490]. Как известно из теории права, принципы присущи не только праву в целом, но и каждой его отрасли в отдельности. Не исключение и уголовное право, определяющее в ст. 3–7 УК РФ основополагающие начала. Однако, несмотря на законодательное закрепление принципов, их понимание и применение вызывает определенные вопросы. И здесь мы согласны с В. Д. Филимоновым, кото-

рый утверждает, что установление принципов уголовного права и поиск наиболее удачных и полных форм их выражения в уголовном законодательстве далеко не завершены [15, с. 4].

В связи с этим обратим внимание на принцип субъективного вменения, который давно декларируется в отечественной уголовно-правовой литературе и основывается на психологической теории вины. Данный принцип не закреплен в УК РФ, а его происхождение, как представляется, основано на умозаключении, сделанном на основе посылки, данной в ч. 2 ст. 5 УК РФ: «объективное вменение... не допускается». Противоположностью «объективного» является «субъективное», следовательно, допускается только субъективное вменение. Однако ч. 1 указанной статьи УК РФ говорит об ответственности за вину, при этом не апеллируя к термину «субъективное».

Таким образом, наблюдается определенная понятийная «игра», где указанный принцип фигурирует и как принцип вины, и как принцип виновного вменения, и как принцип виновной ответственности.

Именно на данное обстоятельство в своей работе обратил внимание В. В. Кулыгин, исследуя понятие «субъективного вменения». В качестве проблемы он указал на отсутствие терминологического единства исследуемой уголовно-правовой категории. При этом концептуальная масштабность понятий «виновное вменение», «виновная ответственность», «субъективное вменение», при условии их привязки к категории «принцип», приводит, по его мнению, к нивелированию смысловых оттенков, в результате чего допускается возможность использования этих понятий в качестве синонимов. Однако взаимозаменяемость указанных понятий возможна далеко не во всех случаях, даже если и рассматриваются они в качестве принципов [7, с. 16].

Ни в коей мере не подвергая критике научную позицию В. В. Кулыгина, в рамках рассмотрения сущности субъективного вменения, в некоторой степени расширим указанную мысль и в этом ключе обратим внимание на такие правовые категории, как «правовой принцип» и «принцип права». Кажущаяся на первый взгляд тождественность указанных понятий не подтверждается детальным их рассмотрением.

В теории права признано положение о том, что разнообразные юридические идеи и идеалы только тогда становятся принципами права, когда они непосредственно (легально) выражены в нормативно-правовых актах или иных формах права [8, с. 75], что, как представляется, предопределяет необходимость нормативного закрепления принципа права.

Подобного взгляда придерживается Е. В. Скурко, определяя правовые принципы как исходные идеи правовой системы, воплощенные в характерных ее компонентах (правосознание, правотворчество и правоприменение), а принципы права – как нормативно закрепленные в этом качестве базовые идеи в виде норм-принципов [11, с. 57].

В предложенном Е. А. Лукашевой определении принципа права также сделан акцент на нормативное его закрепление. «Принцип права, – пишет она, – это те объективно обусловленные начала, в соответствии с которыми оно развивается, которые лежат в основе системы законодательства. Это нормы наиболее общего содержания, которые фиксируют важнейшие направления и способы правовой регуляции социальной деятельности людей» [14, с. 267].

Приведенные научные точки зрения, раскрывающие правовую категорию «принцип права», предопределяют с большей долей уверенности отнесение принципа субъективного вменения к правовому принципу.

В свое время В. А. Якушин, говоря о субъективном вменении, определял его в качестве правового принципа и рассматривал как основополагающее начало, в соответствии с которым юридическая оценка совершаемых лицом деяний и применение правовых мер воздействия за него допускается лишь тогда, когда имеющие правовое значение обстоятельства деяния охватываются сознанием лица, его совершившего, и предусмотрены законом [17, с. 16].

При глубоком осмыслении представленной формулировки можно сделать вывод о том, что это не что иное, как процесс установления вины или, иными словами, вменение вины, собственно то, о чем говорится в ч. 1 ст. 5 УК РФ. В этом контексте обратим внимание на положение немецкой доктрины уголовного права, которая рассматривает деяние в качестве отдельного самостоятельного звена в структуре преступления. Вина при этом устанавливается только после определения противоправности деяния. Но еще до установления вины в деянии признается наличие субъективного проявления [6, с. 210–232]. В связи с этим «виновное» можно определить как часть субъективного. Именно это обстоятельство в очередной раз наталкивает на мысль о более точной с позиции юридической техники формулировке рассматриваемого принципа именно как принципа виновного вменения.

По мнению В. В. Кулыгина, принцип субъективного вменения – это реализуемый в практике применения уголовного закона принцип виновной ответственности [7, с. 21], что еще раз подчеркивает отсутствие единого терминологического подхода к формулировке исследуемого принципа.

Несмотря на то, что в научной литературе понятия «виновное вменение», «виновная ответственность», «субъективное вменение» предлагается рассматривать в качестве синонимов, а попытки научного обоснования применения только лишь одного, емкого и содержательного, термина могут быть расценены как проявление схоластики, представляется правильным определить единую терминологию, имеющую законодательное закрепление. Поэтому дальнейшие рассуждения по вопросу терминологического определения декларируемого принципа субъективного вменения не лишены смысла.

Отсутствие в Уголовном кодексе прямого указания на субъективное вменение не позволяет прямо отнести его к категории «принцип права», но при этом, если абстрагироваться от такой общенаучной категории, как «принцип», субъективное вменение приобретает отчетливо выраженное функциональное, прикладное значение, а следовательно, должно соблюдаться в рамках правоприменительного процесса. Но отсутствие, как уже было отмечено, законодательного его закрепления не позволяет с уверенностью заявить о его применении правоохранительными органами.

Будучи убежденным в том, что субъективное вменение в уголовном праве есть стадия правоприменительной деятельности, В. А. Якушин высказывает следующую мысль: «Правореализационные процессы позволяют констатировать, что юридической основой субъективного вменения является предусмотренное уголовным законом виновное ... деяние» [17, с. 79]. Не соглашаясь с приведенным мнением, отметим, что нелогичным представляется считать основой субъективного вменения виновное деяние. С точки зрения психологической теории вины более правильным выглядит процесс установления вины в отношении совершенного деяния, а не признание деяния уже виновным и попытка вменить его лицу. Этому мнению можно найти поддержку. Так, в определении субъективного вменения В. В. Кулыгин делает упор на то, что это прежде всего установление и фиксация, а затем уже точная уголовно-правовая и социально-нравственная оценка процессов отражения в сознании субъекта [7, с. 21].

Исследуя сущность субъективного вменения в уголовном праве, В. А. Якушин приходит к следующему выводу: «С учетом того, что вменение осуществляется не только на основе правовых предписаний, но и на основе личного, субъективного отношения лица, совершившего преступление, это вменение и именуется субъективное вменение» [17, с. 95]. Однако данное утверждение представляется нам спорным. Рассуждая о личном, субъективном отношении лица, совершившего преступление, следует обратить внимание на то, что субъективное отношение не устраняется и в условиях совершения деяний при болезненном состоянии психики. Лицо с такого рода отклонениями в любом случае не лишено сознания, а соответственно и субъективного отношения к совершаемому действию. Но в этих условиях не приходится говорить о вине. Приведенный факт еще раз подтверждает сделанный выше вывод о том, что

субъективное отношение несколько шире, чем вина, и доказывает, что формулировка принципа «субъективное вменение» не совсем удачна. Более содержательным и юридически обоснованным считаем принцип виновного вменения.

В доказательство тому приведем мнение С. В. Векленко, который полагает, что принципы уголовного права существуют независимо от того, закреплены они или нет в специальных статьях закона. При этом сам факт декларации принципов в Уголовном кодексе, бесспорно, повышает их значение, гарантируя общий подход к конструированию уголовно-правовых запретов, предопределяя единое направление в правоприменительной деятельности [3, с. 76]. Кроме того, ученый уходит от понятия «субъективное вменение» и настаивает на понятии «виновное вменение».

Существование двух схожих правовых категорий «принцип права» и «правовой принцип» позволяет некоторым авторам сделать вывод о том, что российское уголовное право всегда основывалось на принципе субъективного вменения, который в действующем УК РФ приобрел статус законодательного [9, с. 445]. Не соглашаясь с подобным заявлением, еще раз подчеркнем, что субъективное вменение законодательно не закреплено и данное обстоятельство может выступать одной из предпосылок неверного его понимания, в том числе и в правоореализационном процессе.

Для полноты проводимого нами исследования и глубины познания смысловой нагрузки формулировки «субъективное вменение», имеющей быть в науке уголовного права, представляется необходимым остановиться на рассмотрении сущности понятий «субъективное» и «объективное» применительно к вменению.

В связи с этим нельзя не обратиться к корифею уголовного права Н. С. Таганцеву, который в своем фундаментальном труде пишет: «Вменение лицу преступного деяния означает признание лица не только учинившим это деяние, но и виновным в этом деянии, а потому уголовно ответственным; без вины нет ответственности и нет вменения» [13, с. 338]. При этом вина рассматривается Н. С. Таганцевым по отношению к деянию и к последствию, чего нельзя отметить в законодательной формулировке объективного вменения, указанного в ч. 2 ст. 5 УК РФ, где вина определяется только к причиненному вреду, т.е. к последствиям.

Детально рассматривая преступное деяние и виновность, Н. С. Таганцев ни разу не упоминает о субъективном вменении, а использует понятия «уголовное вменение» и «вменение в вину» [13, с. 339]. Он пишет: «Наказуема не субъективная виновность сама по себе и не объективная причинность, а только виновная причинность; где нет причинения, нет уголовно наказуемого вменения, но точно так же и там, где есть причинение, не всегда еще есть вменение; суд должен констатировать, прежде всего, совершилось ли событие, затем установить, что оно было деянием подсудимого или, другими словами, что подсудимый был его причиной, и уже в заключение решить, должно ли оно быть ему вменено в вину, умышленную или неосторожную» [13, с. 522].

Подобной структуры преступления в настоящее время придерживается немецкая уголовная доктрина. Интересно, что деяние в данной структуре является самостоятельным звеном, в рамках которого лицо, его совершающее, однозначно имеет к этому деянию субъективное отношение (мысли, чувства, осознание и т.д.), но в этой стадии еще не идет речь о вине. Только после того как будет признано, что это деяние охвачено противоправностью и лицо, его совершившее, было его причиной, возникает предпосылка по установлению вины, в рамках которой определяется субъективное отношение. Данное обстоятельство еще раз подтверждает широту понятия субъективного отношения и не совсем удачную формулировку «субъективное вменение» в российской уголовно-правовой доктрине.

Что касается толкования исследуемых понятий, то термин «вменение», как производное от глагола «вменять», означает признание чем-либо; оценка каким-либо образом [1, с. 136; 4, с. 398]. Понятие «субъективный» в большинстве источников трактуется как существующий в сознании,

зависящий от него; присущий только данному субъекту, лицу, отражающий его мысли, переживания [1, с. 136; 4, с. 725]. Исходя из приведенных трактовок обозначенных понятий, можно сделать вывод, что субъективное вменение - это признание существующего в сознании лица отношения к чему-либо, в нашем случае - к деянию. Соответственно, рамками субъективного отношения охватывается большое количество элементов (чувства, эмоции, настроение, мотив, восприятие и т.п.), но не все из них являются юридическими признаками вины и необходимы для ее установления. Многие из них являются неким сопутствующим фоном и оказывают определенное воздействие на формирование сознания. Это обстоятельство выступает в качестве подтверждения того, что вина, в контексте ее юридического применения, является частью субъективного отношения к преступлению.

Термин «объективный» в толковых словарях определяется как существующий вне и независимо от человеческого сознания [1, с. 693; 5, с. 1100]. В сочетании с понятием «вменение» это означает признание процессов, происходящих вне сознания, а в контексте рассматриваемой темы - признание процессов реальной действительности преступных деяний, которые подлежат установлению и вменению при квалификации преступления. Напрашивается вывод о существовании в рамках квалификации преступления объективного вменения как процесса установления и вменения лицу объективных признаков преступного деяния. Но сделанное умозаключение не совсем стыкуется с недопустимостью объективного вменения, установленной в УК РФ, что, в свою очередь, наводит на размышления об эффективности использования в российском уголовном законодательстве понятия «объективное вменение» и о точности его смысловой нагрузки.

О содержательном несовершенстве понятия «объективное вменение», закрепленного в уголовном законе, в свое время писал С. В. Векленко. Заимствованный из немецкой криминологической литературы термин «вменение» трактуется как процесс поставления деяния в вину определенному лицу. Но в этом контексте использование российским уголовным законодательством данного термина в определении «объективного вменения», по мнению автора, скорее вводит в заблуждение, чем раскрывает его содержание [2, с. 15].

В продолжение мысли следует обратить внимание на доктрину немецкого уголовного права, которая рассматривает на стадии правоприменения объективное вменение. Допустимо правило, по которому «объективно вменим результат субъекту тогда, когда он создал правонарушающую опасность, которая непосредственно реализовалась в конкретном результате» [6, с. 153].

Гельмут Фристер, рассматривая Общую часть немецкого уголовного права, приходит к выводу о том, что результат должен быть объективно вменяем исполнителю как «его творение» также и при оценочном подходе. Таким образом, проблема вменения вины относится к объективной стороне состава деяния. Но при этом автор делает оговорку: «... невозможно сразу переходить к объективному вменению, так как изначально необходимо установить, порицается ли уголовно-правовыми нормами создание причины, породившей результат. Если ответ будет положительным, то становится возможным вменение результата лицу, совершившему деяние» [16, с. 169–170].

В российском уголовном законодательстве, при имеющемся нормативном определении объективного вменения, необоснованно остается вне его границ само деяние, так как, согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ, недопустимо только вменение последствий (причинения вреда) при отсутствии вины. По всей видимости, указанное упущение имеет место из-за содержательной неточности рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Продолжая тему, рассмотрим положение ныне существующего запрета объективного вменения в проекции на преступления с формальным составом, а также на преступные действия, совершенные в стадии покушения и, в установленных законом случаях, в стадии приготовления к преступлению. При отсутствии последствий, в приведенных случаях, как обязательного элемента признания деяния преступлением, по меньшей мере, не уместно говорить о применении нормы, закрепленной в ч. 2 ст. 5 УК РФ. Следовательно, действие указанной

нормы распространяется только лишь на преступления с материальным составом. При этом ч. 1 ст. 5 УК РФ, которая трактует принцип вины и в соответствии с которой декларируется принцип субъективного вменения, охватывает своими границами и само деяние, и наступление последствий. Таким образом, обнаруживается разногласие законодательных положений, что, как представляется, не способствует единству понимания и применения уголовно-правовых норм.

И здесь нельзя не вспомнить высказанную О. Д. Ситковской мысль о том, что «понятийные формулировки, используемые в уголовно-правовых нормах, должны ориентироваться на типичное в конкретном поведении конкретных людей (деяние), а не на некое явление (присущность), и закладывать базу для формирования общественного мнения в случаях, когда вводимые запреты (или дозволения) ломают старые традиции. Надо искать формулировки, которые были бы однозначно доступны как нарушителю запрета, так и правоприменителю» [10, с. 11–12].

Подводя итог рассмотренному в статье вопросу, следует сделать вывод о неточной с точки зрения юридической техники формулировке действующего в уголовно-правовой доктрине принципа субъективного вменения. В целях унификации терминологии, используемой как в доктрине уголовного права, так и в процессе применения уголовно-правовых норм, считаем целесообразным использовать термин «виновное вменение» как принцип уголовного права, сущность и содержание которого раскрывается в ч. 1 ст. 5 УК РФ.

Переходу и закреплению в научном обиходе принципа виновного вменения в определенной степени может поспособствовать редакционная правка ч. 2 ст. 5 УК РФ, которая, как представляется, должна иметь следующее содержание: «Уголовная ответственность за невиновное совершение деяния, а также за невиновное причинение вреда не допускается». Предложенная редакция позволит уйти от понятия «объективное вменение», которое, как было отмечено, не имеет конструктивного характера и не способствует эффективной реализации уголовно-правовых норм.

Безусловно, «виновное вменение» как принцип уголовного права не ограничивается лишь его нормативным закреплением в законодательстве, а предполагает соблюдение его на стадии правореализационного процесса в целях обеспечения соблюдения иных принципов уголовного права, что, в свою очередь, предполагает использование формулировок и понятий, однозначно доступных как нарушителю запрета, так и правоприменителю. Поэтому, как представляется, существует еще ряд нерешенных вопросов, возникающих по поводу порядка установления и вменения вины, и одним из них является отсутствие в уголовном законе самого понятия «вина». Но это уже отдельная тема для дискуссии, требующая тщательного анализа доктрины российского уголовного права.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.
2. Векленко С. В. Виновное вменение в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003.
3. Векленко С. В. Виновное вменение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный). Т. 1. М., 2000.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка (толково-словообразовательный). Т. 2. М., 2000.
6. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006.
7. Кулыгин В. В. Субъективное вменение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.
8. Общая теория государства и права: акад. курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 2. М., 2001.
9. Полный курс уголовного права. Т. 1: Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008.
10. Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998.
11. Скурко Е. В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика // Известия вузов. Правоведение. 2006. № 2.
12. Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов. М., 2000.
13. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула, 2000.
14. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 1995.
15. Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М., 2002.
16. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть / пер. с нем. М., 2013.
17. Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998.

УДК 340.6:343.2/.7

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ, КАСАЮЩИХСЯ КВАЛИФИКАЦИИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДЕЯНИЙ

Радик Минивалеевич Кашапов, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Владимир Вениаминович Прutowых, доцент кафедры Дальневосточного государственного медицинского университета, кандидат медицинских наук, доцент

E-mail: kashapovr@yandex.ru

Vladvenn@mail.ru

В статье идет речь о необходимости правильной квалификации уголовно-правовых деяний и что для этого нужно не только знание уголовного закона, но и знание судебно-медицинских терминов, влияющих на процесс квалификации. Рассматриваются проблемы толкования термина «вред здоровью», дано его современное определение, предложена медико-правовая классификация степени вреда здоровью, дано авторское определение «судебной медицины».

Ключевые слова: телесное повреждение; вред здоровью; толкование; определение и классификация степени вреда здоровью; квалификация преступлений.

TO THE QUESTION OF THE INTERPRETATION OF FORENSIC MEDICAL TERMS CONCERNING THE QUALIFICATION OF CRIMINAL LEGAL ACTIONS

Radik Minivaleevich Kashapov, head of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Vladimir Veniaminovich Prutowikh, department associate professor of the Far Eastern State Medical University, *kandidat nauk*, degree in Medicine, Associate Professor

The article is about the need for proper qualification of criminal law acts and that this requires not only knowledge of the criminal law, but also knowledge of forensic medical terms affecting the qualification process. The problems of interpretation of the term «harm to health» are considered, its modern definition is given, the medical-legal classification of the degree of harm to health is proposed, the author's definition of «forensic medicine» is given.

Keywords: bodily injury; harm to health; interpretation; definition and classification of the degree of harm to health; qualification of crimes.

Квалификация уголовно-правовых деяний является одним из основных вопросов, который орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, суд разрешают по уголовным делам. От их правильной квалификации зависит решение многих уголовно-процессуальных и уголовно-правовых вопросов, в том числе о виде и размере наказания виновному. Ошибки в квалификации преступлений, допущенные работниками правоохранительных органов и судьями, наносят существенный вред правам и законным интересам людей, нарушают правовые принципы законности, вины, справедливости и гуманизма, подрывают авторитет органов правосудия [13, с. 3].

Во избежание ошибок при квалификации, сотрудники подразделений дознания, следователи должны знать не только нормы уголовного закона, но и необходимую в работе судебно-медицинскую терминологию, правильно их истолковывать и применять.

Ратификация Россией Декларации прав и свобод человека 1948 г. и принятие в связи с этим Конституции РФ, провозгласившей человека высшей ценностью, настолько расширили

правовое пространство, что выполнение заложенных в этих документах требований не могло быть осуществлено на прежней терминологической базе. Для их реализации потребовалось принятие новых законов (Закон об охране здоровья граждан, Закон об экспертной деятельности и др.) и внесение в уже существующий законодательный тезаурус новых терминов и понятий. Существенные изменения претерпели структура и содержание основных законов, защищающих права человека на жизнь и здоровье (УК и УПК, ГК и ГПК РФ), и нормативных ведомственных актов, регламентирующих процесс получения доказательств судебно-медицинского характера. В нормы законов были введены совершенно новые термины, такие как «человек», «здоровье», «вред» «степень вреда здоровью» и др. Многие из них не были сопроваждены аутентичным законодательным толкованием и в процессе его совершенствования, продиктованного практической необходимостью (только в УК РФ с момента его принятия внесено более 230 поправок), настолько потеряли свое первоначальное смысловое значение, что их правоприменение стало весьма проблематичным. Появились такие абракадабры, как: «имеется ли на трупе вред здоровью и где он расположен?» [15, с. 98, 425], «вред здоровью, повлекший потерю ноги, зрения, слуха, прерывание беременности и т.д.» [4].

Некоторые термины, введенные в статьи уголовного закона, предусматривающие ответственность за совершение насильственных преступлений, по своей природе являются не только юридическими, но и медицинскими, однако ввиду того, что они находятся в правовом поле, научное их исследование и толкование принадлежит только юристам. Имей судебные медики право, то высказали бы свое критическое мнение о трактовке некоторых статей Уголовного кодекса, содержащих терминологию судебно-медицинского характера. Например, в ст. 111 УК РФ перечислены такие признаки тяжкого вреда здоровью, как «потеря зрения, речи, слуха какого-либо органа или утрата органом его функций». Наличие в законе указанных обозначений вынуждает специалистов давать пространные, порою неоднозначные комментарии в ведомственных актах, учебной и методической литературе, что значительно усложняет изучение и понимание предмета судебной медицины, процесса производства экспертиз, а также процедуру оценки доказательств в ходе предварительного и судебного следствия [9, с. 50–54].

Из истории правовой защиты здоровья человека известно, что указанные термины были введены в российское законодательство еще в царствование Алексея Михайловича (1649 г.) [7, с. 14–18]. С 1928 г. в практическую деятельность судебно-медицинской экспертизы, для оценки тяжести преступлений против здоровья, была введена Таблица процентов утраты трудоспособности [3, с. 85–86]. С того времени эксперты руководствуются не умозрительными представлениями о характере наступивших неблагоприятных последствий, как это было в допетровскую эпоху, а информацией, указанной в документе [2].

Представляется, что в названной уголовно-правовой норме вместо множественного перечисления различных аморфно-неопределенных патологических последствий, возникающих от причиненных повреждений, достаточно указания об «утрате общей трудоспособности более 30%». Оно поглощает все перечисленные в ст. 111 УК РФ «потери».

Другой пример. В Уложение 1845 г. был введен признак «расстройство здоровья», который в настоящее время в связи с принятием Закона об охране здоровья граждан потерял свое юридическое значение, т.к. в законе дано современное определение термина «здоровье». Однако в тексте статей названный признак указан, и, следуя «букве закона», приходится давать его толкование как «время, необходимое для восстановления трудоспособности». По всей вероятности, назрела необходимость избавиться от него, оставив только термин «утрата трудоспособности». В соответствии со ст. 2 Закона об охране здоровья граждан, «здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека...» [1], а основной составляющей социального благополучия человека является его трудоспособность.

Квалификация преступлений против здоровья и мера наказания за причиненный ему вред в конечном итоге зависят от такого показателя, как временная (в днях) или стойкая утрата

трудоспособности (в процентах): до 21 дня и 5 % – ст. 115 УК РФ (Умышленное причинение легкого вреда здоровью), квалифицированный состав предусматривает до двух лет лишения свободы; более 21 дня и 10 % – ст. 112 УК РФ (Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), санкция предусматривает лишение свободы от 3 до 5 лет; более 30 % – ст. 111 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), санкция – лишение свободы от 8 до 15 лет. Такое разнотолкование в судебной медицине и юриспруденции значительно усложняет процесс судопроизводства.

Связующим звеном между юриспруденцией, защищающей право человека на жизнь и здоровье, и медициной, занимающейся проблемами его соматического благополучия, является отрасль медицинской науки – судебная медицина.

Термин «судебная медицина» образован сочетанием двух слов, а при формулировании определения термина необходимо характеризовать каждое слово, включенное в его состав.

В наиболее предпочтительном определении (а общепринятого пока нет) ключевым является констатация того, что «...судебная медицина разрешает вопросы медико-биологического характера...» [14, с. 5]. Как видим, в определении отражен только медицинский его аспект (медицина) без юридического компонента (судебная). Однако в практике судебной медицины в большинстве своем приходится решать вопросы далеко не биологической природы, например: о механизме и обстоятельствах образования повреждений (катастрофа, автотравма), о виде примененного огнестрельного оружия, о дистанции выстрела, типе клинка и его конструктивных свойствах, о возможности причинения повреждения орудием, представленным на экспертизу, и т.д. Эти и подобные им вопросы, имеющие существенное значение для судопроизводства, являются вопросами криминалистического характера, то есть юридическими. Для их разрешения в структуре Бюро судебно-медицинской экспертизы в соответствии со штатным расписанием предусмотрено наличие не физико-технического, как это было ранее, а медико-криминалистического отделения. Не исключено, что придание ему названия с юридической составляющей обусловлено и указанными выше обстоятельствами.

Одним из вариантов, способствующих синхронизации медицинской и юридической терминологии и позволяющих представителям судебной медицины легально исследовать и высказывать свои суждения в юридическом пространстве, может быть внесение уточнения в определение науки «судебная медицина», на недостаточное соответствие которого современным требованиям указывает в своей монографии В. Л. Попов [8, с. 7–22]. С учетом изложенного и предлагаемых в различных учебниках, пособиях, руководствах и методических рекомендациях вариантов определений оно может быть представлено в следующем виде: «Судебная медицина – это отрасль медицинской науки, разрешающая вопросы медико-юридического характера, которые возникают у правосудия, и содействующая органам здравоохранения в совершенствовании оказания лечебно-профилактической помощи населению».

Данное определение, на наш взгляд, расширит возможности представителей судебной медицины по аналитическому исследованию юридических документов в части, касающейся медицинской терминологии, и позволит легитимно выражать свое мнение по ее использованию в законодательном пространстве.

Эффективность подобного рода исследований можно показать на примере разработки определения термина «вред здоровью», который был введен законодателем в ст. 52 первоначального варианта Закона об охране здоровья граждан и в соответствующие статьи УК РФ (50 % статей Особенной его части содержат этот признак).

Комментируя факт его появления в нормах закона, юристы, учитывая, что содержательная составляющая статей осталась без изменений, пришли к мнению, что законодатель вместо термина «телесное повреждение» ввел более емкий термин «вред здоровью» на правах синонима, эта посылка была принята и представителями судебной медицины [5, с. 87; 6, с. 6].

В связи с этим в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, ему было дано определение, идентичное термину «телесное повреждение», что вызвало, как показала практика его применения, вполне обоснованное несогласие со стороны специалистов, занимающихся проблемой правовой защиты здоровья человека [12, с. 61–65].

Следует отметить, что на момент введения термина «вред здоровью» в нормативную базу не было законодательного толкования его составляющих, что не позволяло дать адекватное, соответствующее его смысловому назначению определение. Лишь в ст. 2 Закона об основах охраны здоровья было определено, что «здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека ...».

Следующим шагом на пути к решению проблемы толкования термина «вред здоровью» явилось Определение Верховного Суда РФ от 27 января 2015 г. № 81-КГ14–19, где указано, что «вред представляет собой любое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, неблагоприятное изменение в таком благе».

Как следует из теории уголовного права, преступления против здоровья сконструированы по материальному признаку, для которых обязательно наличие трех компонентов:

- 1) преступного деяния (противоправного причинения повреждения посредством действия либо бездействия);
- 2) преступного последствия, вызванного деянием (неблагоприятное изменение здоровья, указанное в ст. 111–115 УК РФ и Медицинских критериях);
- 3) причинной связи между деянием (причинением повреждения) и последствием (изменением здоровья).

Только установленные в соответствии с законом обстоятельства, а именно: факт деяния, наступление уголовно наказуемых последствий этого деяния, логическая последовательность их развития и взаимная связь дают основание утверждать о наличии признаков преступления против здоровья.

Учитывая вышеизложенное, можно согласиться с данным ранее определением, что «вред здоровью – это неблагоприятное последствие для здоровья, наступившее в результате повреждения, заболевания или экстремального состояния, переживаемого человеком» [9; 10; 11; 16].

В настоящее время проходит юридическую экспертизу очередной вариант Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [4]. Принимая во внимание значительные расхождения в толкованиях многих терминов судебно-медицинского характера, не лишним было бы включить в Правила, как это делается в юридических актах, перечень дефиниций наиболее значимых терминов, используемых в документе.

В целях обсуждения в части, касающейся представленного материала, предлагаем незначительный их список.

Судебная медицина – отрасль медицинской науки, разрешающая вопросы медико-юридического характера, которые возникают у правосудия, и содействующая органам здравоохранения в совершенствовании оказания лечебно-профилактической помощи населению.

Судебно-медицинская экспертиза – практическое применение познаний в области судебной медицины при расследовании уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях.

Здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма.

Вред (юр.) – любое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, неблагоприятное изменение в таком благе.

Вред здоровью – это неблагоприятное последствие для здоровья, наступившее в результате повреждения, заболевания или экстремального состояния, переживаемого человеком.

Степень вреда здоровью – мера неблагоприятного изменения организма, предусмотренная нормами уголовного законодательства: опасный для жизни, значительный и незначительный вред здоровью.

Повреждение – это нарушение анатомической целостности или физиологической функции организма в результате воздействия внешних факторов. (Возможно, нет необходимости в каждом случае приводить их перечень: физических, химических, биологических и психогенных, так как в природе иных пока не обнаружено.)

Здесь следует обратить внимание на корень слова «повреждение» – вред, следовательно, повреждением следует считать не только последствия запредельного механического или термического воздействия на организм, как считают некоторые специалисты, но и все случаи вредного воздействия на организм внешних факторов (будь то действие радиации – физический фактор, бактерий чумы или вируса Эбола – биологический фактор, отравляющих веществ – химический фактор и, наконец, негативное действие слова, включая гипноз, – психогенный фактор).

Вид повреждения – патологическое изменение организма, характеризующееся наличием свойственных ему существенных признаков: кровоизлияние, рана, перелом, сотрясение, психоз и т.д.

Характер повреждения – совокупность существенных признаков повреждения, судебно-медицинская оценка которых позволяет установить его вид, индивидуальные особенности и механизм образования, а также дать научно обоснованные ответы на вопросы, интересующие правосудие.

Механизм образования повреждения – вид и способ воздействия внешнего фактора, обусловившего образование повреждения (острорезущий предмет, огнестрельное ранение, автотравма, кататравма, асфиксия, отравление, воздействие крайних температур и т.д.).

Неблагоприятное последствие для здоровья – это нежелательное временное или стойкое патологическое изменение организма, указанное в УК РФ и Медицинских критериях.

Общая трудоспособность – наличие врожденных и приобретенных способностей человека к самообслуживанию и неквалифицированному труду. (Определяется судебно-медицинской экспертизой.)

Временная утрата общей трудоспособности (обратимая) – время, необходимое для восстановления трудоспособности. (Синоним устаревшего юридического термина «растройство здоровья».)

Стойкая утрата общей трудоспособности (необратимая) – определяется по исходу в соответствии с таблицей Медицинских критериев.

Профессиональная трудоспособность – возможность выполнения определенного вида, объема и качества работы по конкретной профессии (специальности), по которой осуществляется основная трудовая деятельность. (Определяется МСЭК.)

Таким образом, внедрение в соответствующие медико-юридические документы и практическое использование предлагаемого толкования нововведенных терминов судебно-медицинского характера будут способствовать совершенствованию процесса получения доказательств при расследовании и квалификации преступлений против здоровья человека, которого Конституция РФ провозгласила высшей ценностью. При этом юридические анахронизмы, значительно загромождающие законодательное пространство, требующие необоснованных затрат времени и сил на их толкование и разъяснение в процессе судопроизводства, могут быть безболезненно исключены из текстов законодательных актов.

Литература

1. Об основах охраны здоровья граждан в РФ: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. 23 ноября.

2. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Правила для составления заключения о тяжести повреждения: утв. Наркомздравом РСФСР 27 января 1928 г. // Вопросы здравоохранения. 1928. № 3.
4. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: проект приказа Минздрава России (по состоянию на 20.08.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Зубкова В. И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2005.
6. Комментарий к нормативным правовым документам, регулирующим порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека / В. А. Клевно [и др.]. СПб., 2008.
7. Лядова М. В., Тучик Е. С., Лядова А. В. Историко-правовой анализ вопросов тяжести причинения вреда здоровью в первых законодательных документах // История государства и права. 2014. № 11.
8. Попов В. А. Методологические основы судебной медицины. СПб.: Юрид. центр, 2018.
9. Прутовых В. В. Значение современного толкования понятия «вред здоровью» для квалификации насильственных преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2010. № 2 (19).
10. Прутовых В. В. К необходимости унификации законодательного инструментария для медико-юридической оценки степени вреда здоровью // Медицинское право. 2016. № 1.
11. Прутовых В. В. Медико-юридическая характеристика терминов «телесное повреждение» и «вред здоровью» // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4 (37).
12. Прутовых В. В. Пределы компетенции судебно-медицинского эксперта при установлении степени вреда, причиненного здоровью // Российская юстиция. 2015. № 1.
13. Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации: науч.-прак. пособие. М., 2013.
14. Судебная медицина: учебник для студ. мед. ин-тов / В. Н. Крюков [и др.]; под ред. В. Н. Крюкова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1990.
15. Судебная медицина: Общая и Особенная части: учебник / С. Ф. Щадрин [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
16. Prutovyyh V. V. Medico-legal characteristic of the term «injury» and «harm to health» // Slovak international scientific journal. 2018. № 20.

УДК 343.2/.7

«ОБЩЕУГОЛОВНОЕ» МОШЕННИЧЕСТВО И ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ольга Викторовна Артюшина, доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент;
Ильнур Асгатович Гумаров, доцент кафедры, кандидат юридических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

E-mail: ovariant2012@mail.ru

ilnur_gumar@mail.ru

Переход человечества к информационному этапу развития приводит к модернизации способов совершения преступлений. Уголовное законодательство должно быть вооружено современным инструментарием, адекватно отражающим степень общественной опасности преступлений. На основе анализа проблем раскрытия мошенничеств общеуголовной направленности на примере опыта МВД по Республике Татарстан определяются пути их решения. Исходя из реального положения дел на практике, предлагается дополнить ст. 159 УК РФ новым квалифицирующим признаком.

Ключевые слова: деятельность подразделений уголовного розыска; Интернет; мобильные телефоны; общественная опасность преступления; преступления против собственности; способ совершения преступления.

«GENERAL» FRAUD AND HIGH TECHNOLOGIES: PROBLEMS OF DISCLOSURE AND DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Olga Viktorovna Artyushina, department associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Ilnur Asgatovich Gumarov, department associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law (Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The transition of humanity to the informational stage of development leads to the modernization of the methods of committing crimes. Criminal legislation should be armed with modern tools that adequately reflect the degree of public danger of crime. Based on the analysis of problems of disclosure of frauds of a common-purpose nature, the ways of their solution are determined on the example of the experience of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan. Based on the real situation in practice, it is proposed to add Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation with a new qualifying sign.

Keywords: activities of criminal investigation units; the Internet; mobile phones; public danger of crime; crimes against property; method of committing a crime.

К основным характеристикам современного общества относится «виртуализация» жизнедеятельности [3, с. 92]. В современном мире киберпространство конкурирует с реальным миром. Без Интернета, мобильных телефонов, смартфонов и прочих IT-продуктов не мыслится существование. В то же время неограниченный и легкодоступный виртуальный мир, а также Интернет, предоставляющий невиданные ранее возможности общения, обмена информацией, совершения сделок и т.п., неизбежно влекут за собой негативное последствие в виде распространения преступности в сферу пространства современных технологий.

Стремительное развитие телекоммуникационных сетей напрямую отражается на распространенности и общественной опасности совершаемых в настоящее время преступлений.

Известно, что новые информационные технологии создают условия для совершения и сокрытия хищений денежных средств. Виртуальный характер банковских операций, доступность телекоммуникационных систем, скорость выполнения транзакций, глобальный характер операционного взаимодействия – все способствует достижению преступного результата.

Среди всех видов хищений наиболее неблагоприятные тенденции развития имеет мошенничество. Если в 1999 г. на территории России было зарегистрировано лишь 148 случаев мошенничества, совершенного с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, то спустя десятилетие – около 50 000 уголовных дел*. В Республике Татарстан только в 2018 г. было зарегистрировано 4 780 мошенничеств с использованием средств связи и сети Интернет, при этом наибольшее их число зарегистрировано в Казани (2641) и Набережных Челнах (688)**.

Не всякое использование высоких технологий при совершении мошенничества оценивается как тот или иной специальный вид мошенничества (ст. 159.3 или 159.6 УК РФ). Так, отсутствие электронного средства платежа в руках мошенников сразу исключает возможность применения ст. 159.3 УК РФ. Кроме того, как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, следует оценивать не как мошенничество в сфере компьютерной информации, а как общеуголовное мошенничество [1, п. 21]. Квалификацию содеянного в этом случае рекомендовано осуществлять не по ст. 159.6, а по ст. 159 УК РФ. Это связано с тем, что объективная сторона мошенничества, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, заключается в хищении чужого имущества или приобретении права на чужое имущество путем преодоления так называемой компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и осуществляется путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [4]. В случаях же, например, создания поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использования электронной почты потенциального потерпевшего для распространения ложных сведений такого «вмешательства в функционирование» не происходит.

По данным МВД по Республике Татарстан, в настоящее время большая часть «общеуголовного» мошенничества совершается с использованием высоких технологий. При этом неуклонно растет их доля в общем числе таких преступлений. Если в 2017 г. на территории Республики Татарстан было зарегистрировано 40 фактов совершения этого преступления без использования средств связи и Интернета, то в 2018 г. их количество сократилось до 25 случаев, что составляет всего 0,5 % от всех совершаемых мошенничеств общеуголовной направленности. Так, в 95 % всех случаев виновными использовались информационно-телекоммуникационные сети. При этом структура мошенничеств, предусмотренных ст. 159 УК РФ и совершенных с использованием современных технологий в Республике Татарстан в 2018 г., выглядит следующим образом:

- 1) мошенничество путем получения сведений о банковской карте потерпевшего с использованием средств мобильной связи – зарегистрировано 763 факта;
- 2) обман при покупке или продаже товаров на торговых площадках Интернета (например, авито) онлайн, когда потерпевшим переводятся деньги на счет в качестве оплаты стоимости товара или предоплата, после чего виновный «пропадает», а оплаченный товар не предоставляется – 642;
- 3) просьба предоставления денежных средств родственнику или знакомому с использованием социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассики» и т.д.) – 517;

* Состояние преступности (январь – декабрь 2017 г.). URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/>

** Раздел 1 формы 615 статистической отчетности Центра статистической информации ГИАЦ МВД России.

4) «разблокировка банковской карты» – получение виновными путем обмана с использованием мобильной связи трехзначного кода на обороте карты потерпевшего и хищение денежных средств, имеющих на карте, онлайн – 205;

5) сообщение «родственник попал в беду, ДТП и пр.» с просьбой передачи денег – 114;

6) «перевозка грузов», когда используются различные схемы обмана, в том числе создание фирм-однодневок, от имени которых якобы будут оказаны транспортные услуги, в результате товар и (или) деньги похищаются – 68;

7) «компенсация за ранее приобретенные лекарства и медицинское оборудование» с использованием мобильной связи – виновные вводят потерпевшего в заблуждение, сообщая, что ему положены компенсации за приобретенные лекарства или оборудование, для этого рекомендуют сначала перевести средства для уплаты «псевдоналога» – 46;

8) иные (не составляющие по отдельности сколько-нибудь значимой доли) – 780.

Использование возможностей Интернета, мобильных средств связи, различных мессенджеров значительно повышает и результативность мошенничества, многократно увеличивая число жертв и обеспечивая анонимность отправителей ложных сообщений. Дистанционный способ оказывается психологически более комфортным (не нужно умения убедительно обманывать и вводить в заблуждение), эффективным (минимум трудозатрат приводит к максимальному результату: одним действием может быть осуществлена рассылка и обмануты сотни граждан) и оптимальным (грамотное использование высоких технологий сводит к минимуму возможность привлечения виновного к уголовной ответственности).

Основные задачи по раскрытию рассматриваемых преступлений возложены на подразделения уголовного розыска. Так, в 2016 г. путем перераспределения штатной численности подразделений уголовного розыска территориальных органов МВД России на региональном уровне введено 284 должности по линии борьбы с мошенничествами (создано 10 отделов, 19 отделений, 5 групп и одна оперативно-розыскная часть).

Руководством МВД по РТ принимаются серьезные меры по совершенствованию раскрытия подобных преступлений. На уровне министра внутренних дел Республики Татарстан в 2017 г. было проведено три коллегии, два оперативных совещания по линии раскрытия социальных мошенничеств и мошенничеств с использованием средств связи и сети Интернет. В МВД по РТ разработан специальный алгоритм работы в данном направлении. Тем не менее, раскрываемость таких преступлений не превышает 25 %.

Согласно указанию МВД России от 13 июля 2015 г. № 1/5562 «Об организации работы по противодействию отдельным видам мошенничества», проверка по заявлению о мошенничестве с использованием средств мобильной связи должна проводиться органом, принявшим заявление, с последующим принятием процессуального решения. То есть раскрытие возлагается на правоохранительные органы, определяемые по месту жительства потерпевшего, а не виновного.

Проблемы возникают в связи с тем, что основная масса таких преступлений совершается лицами, находящимися в других регионах России, это практически 90 % зарегистрированных преступлений, из них около 30 % совершаются лицами, отбывающими наказания в местах лишения свободы [2]. При этом основную массу мошенничеств с использованием средств связи и сети Интернет, например в Республике Татарстан, дистанционно совершают лица цыганской национальности, находящиеся (постоянно или временно) в момент совершения преступления в других регионах России. Идентификация данных граждан, установление их точного местонахождения и задержание являются не просто трудными, но и достаточно затратными мероприятиями по временным и иным ресурсам. Учитывая, что основная масса преступлений совершается лицами, которые находятся за пределами республики, приходится направлять личный состав ОВД в другие регионы, затрачивая значительные суммы на командировочные расходы. Кроме того, по каждому факту мошенничества, связанного с использованием средств связи и сети Интернет, требуется исполнение десятков запросов по установлению конкрет-

ного абонента [6, с. 129]. При этом средний срок исполнения фоноскопических экспертиз (с момента поступления материала в ЭКЦ МВД по РТ и до окончания экспертизы) составляет 80 суток, срок компьютерных экспертиз – 100 суток.

Серьезную проблему представляет использование правонарушителями IP-телефонии. Из-за технических проблем в зону риска попадают жители сельских поселений, отдаленных от городов. Например, по результатам работы за 2018 г. в одиннадцати территориальных ОВД Республики Татарстан, обслуживающих отдаленные сельские поселения, где были зарегистрированы такие преступления, ни одно из возбужденных по рассматриваемой категории уголовных дел не раскрыто. Нередко определить конечного абонента, который выходил на связь, оказывается невозможным из-за IP и VPN-шифрования, которые осуществляются через фирмы, зарегистрированные за рубежом. В этом случае раскрытие преступления осложняется в разы.

В доктрине уголовного права и на уровне законодательства признается факт того, что использование информационно-телекоммуникационных сетей повышает общественную опасность любого преступления. Так, ответственность за многие преступления усиливается в связи с использованием виновным средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Такой критерий дифференциации уголовной ответственности закреплен в нормах, охраняющих самые разные сферы общественных отношений. Это касается ряда преступлений против личности (п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ч. 2 ст. 128.1, п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ), публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, оправдания или пропаганды терроризма (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ), сбыта наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ), незаконных изготовления и оборота порнографических материалов или предметов (п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242.1, п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ) и др.

В доктрине уголовного права отмечается, что развитие уголовного законодательства свидетельствует о тенденции к более широкому использованию дифференцирующих уголовную ответственность признаков в составах преступлений [5, с. 51]. В действующем уголовном законе России таких составов около 70%. Полагаем, что этот процесс неизбежен. Он отражает стремление закрепить максимально подробно критерии объема уголовной репрессии в русле реализации принципа справедливости уголовной ответственности.

Так, Е.В. Рогова, например, отмечает, что признаки, дифференцирующие уголовную ответственность, призваны обеспечить выражение характера и степени общественной опасности деяния и(или) личности преступника [5, с. 50]. На наш взгляд, это одновременно означает и обратное: обнаружение значительного повышения степени общественной опасности преступления (или его разновидности) обуславливает необходимость усиления ответственности за его совершение. В противном случае неадекватное отражение в нормах уголовного закона опасности преступления нарушит основы уголовной ответственности и приведет к невозможности восстановления социальной справедливости в ходе привлечения к ответственности виновного.

По нашему мнению, нет оснований исключать распространение общего подхода к дифференциации уголовной ответственности в связи со специфическим (относительно новым, более опасным) способом совершения преступления на «общеуголовное» мошенничество, предусмотренное ч. 1-4 ст. 159 УК РФ. Следовало бы, на наш взгляд, дополнить данную норму квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)».

Как представляется, степень общественной опасности преступления, совершенного данным способом, ниже, чем общественная опасность мошенничества, совершенного с использованием своего должностного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ). Все-таки совершение хищения виновным при осуществлении им своих должностных полномочий либо управляющих функций в коммерческой или иной организации как проявление коррупции заслуживает более

строгости наказания. В связи с этим следовало бы, по нашему мнению, закрепить предлагаемый квалифицирующий признак в ч. 2 ст. 159 УК РФ.

Таким образом, исследование проблем раскрытия и дифференциации уголовной ответственности за «общеуголовное» мошенничество, совершенное с использованием высоких технологий, позволяет сделать следующие обобщения.

1. Раскрытие каждого факта мошенничества общеуголовной направленности, совершенного с применением информационно-телекоммуникационных сетей, сопряжено с рядом сложностей (технического и иного характера) и требует от сотрудников уголовного розыска больших временных и иных затрат.

2. Для эффективного раскрытия рассматриваемых преступлений требуется наладить должное взаимодействие (оперативный обмен информацией) с компаниями, которые предоставляют услуги IP-телефонии и интернет-услуги, а также другими организациями, предоставляющими услуги связи. При этом обмен информацией следовало бы осуществлять в рамках электронного документооборота непосредственно оперативными сотрудниками напрямую с указанными организациями, а не только через подразделение бюро специальных технических мероприятий.

3. Способствовало бы также, на наш взгляд, оптимизации работы по раскрытию подобных преступлений сокращение сроков проведения фоноскопических и иных экспертиз в рассматриваемой сфере. Для этого необходимо доукомплектовать подразделения ЭКЦ ОВД соответствующими специалистами.

4. Среди направлений дальнейших исследований и разработок проблем раскрытия общеуголовного мошенничества с использованием высоких технологий следует выделить решение вопроса по запрету участия в российском информационном пространстве различных организаций, которые шифруют IP- и VPN-адреса, поскольку деятельность таких организаций, как правило, направлена на сокрытие следов преступления.

5. Реальное положение дел свидетельствует, что действующая система дифференциации уголовной ответственности за «простое» мошенничество устарела. Она не учитывает изменения, произошедшие в обществе. Неадекватное отражение общественной опасности этого преступления нарушает основы уголовной ответственности и нивелирует возможность достижения цели восстановления социальной справедливости.

На основе вышеперечисленного предлагается дополнить ч. 2 ст. 159 УК РФ новым квалифицирующим признаком и изложить диспозицию данной нормы в следующей редакции:

«2. Мошенничество, совершенное с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) либо группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину,—».

Литература

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 октября 2017 г. № 3 км: приказ МВД России от 29 ноября 2017 г. № 899. Доступ из СПС СТРАС «ЮРИСТ».
3. Гилинский Я. И. Уголовная политика в эпоху постмодерна: проблемы и реальность // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. мат-лов V междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 3 ноября 2017 г. / отв. ред. Е. Н. Рахманова. СПб.: Петрополис, 2018.
4. Лебедева А. А. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Безопасность бизнеса. 2018. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Рогова Е. В. Теоретико-правовое понимание и средства дифференциации уголовной ответственности в современном уголовном праве России: монография. Иркутск: ВСИ МВД России, 2016.
6. Черняков С. А. Особенности квалификации мошенничеств, совершаемых с использованием поддельных и необеспеченных банковских гарантий в сфере обеспечения исполнения обязательств // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37).

УДК 343.24

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НОРМЫ ОБ ОТСРОЧКЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

Дмитрий Борисович Лаптев, доцент кафедры Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

E-mail: lapa612@mail.ru

Статья посвящена исследованию некоторых проблемных вопросов регламентации нормы ст. 82.1 УК РФ. Анализируется правовая основа механизма оказания реабилитационной помощи наркозависимым лицам. Делается вывод о том, что отсрочка отбывания наказания больным наркоманией предполагает достижение четырех целей: излечение осужденного или улучшение его состояния до степени длительной ремиссии, предупреждение совершения им новых преступлений, его исправление и ресоциализация. Констатируется неэффективность нормы ст. 82.1 УК РФ, в том числе в связи с чрезмерным ограничением круга лиц, к которым может быть применена отсрочка, немотивированным указанием на лишение свободы в качестве единственного наказания, при назначении которого может быть реализована отсрочка. Предлагаются варианты совершенствования нормы, в частности, упрощение порядка применения отсрочки путем преобразования ее в иную меру уголовно-правового характера.

Ключевые слова: наказание; иные меры уголовно-правового характера; отсрочка отбывания наказания; освобождение от наказания; наркомания.

SOME PROBLEMS OF A REGULATION OF NORM ON A DELAY OF SERVING SENTENCE BY THE PATIENT WITH DRUG ADDICTION

Dmitriy Borisovich Laptev, department associate professor of the West Siberian Branch of the Russian State University of Justice, *kandidat nauk*, degree in Law

Article is devoted to a research of some problematic issues of a regulation of standard of Article 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legal basis of the mechanism of rendering the rehabilitation help to drug-addicted persons is analyzed. The conclusion that the delay of serving sentence by the patient with drug addiction assumes achievement of four purposes is drawn: treatment of the convict or improvement of its state to extent of long remission, prevention of commission by it of new crimes, its correction and resocialization. The inefficiency of standard of Article 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, including, in connection with excessive restriction of a circle of people to which the delay, by the unmotivated instruction on imprisonment as the only punishment at which purpose the delay can be realized can be applied is stated. Options of improvement of norm, including, facilitation of application of a delay by its transformation to other measure of criminal character are offered.

Keywords: punishment; other measures of criminal character; serving sentence delay; release from punishment; drug addiction.

В современный период в нормах международного и национального права различных государств, в практике деятельности правоохранительных органов, в научных исследованиях появилась тенденция к поиску новых способов снижения количества лиц – активных наркопотребителей. Одновременно широкий резонанс получила тенденция к установлению поощрительных уголовно-правовых норм, стимулирующих желание лиц, больных наркоманией, проходить курс лечения, медицинскую и социальную реабилитацию [26, с. 174–175].

Очевидно, что признание приоритета лечения наркозависимых лиц перед их наказанием за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, было неизбежным.

В 2010 г. Президентом РФ была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года [3]. В преамбуле этого документа констатируется неудовлетворительное состояние профилактической деятельности, медицинской помощи и медико-социальной реабилитации лиц, страдающих наркотической зависимостью. В основу Стратегии были положены получившие научное осмысление предложения о возможности стимулирования желания больных наркоманией пройти курс лечения и реабилитации [25, с. 2–6]. Стратегия во многом сохраняет преемственную связь с действующей до настоящего времени Концепцией государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации [4]. Концепция, утвержденная в 1993 г., ориентирует на то, что профилактическое направление «должно стать одним из приоритетных в политике государства по контролю за наркотическими средствами». Отдельный раздел Концепции был посвящен лечению и социальной реабилитации больных наркоманией. Для повышения эффективности лечебно-реабилитационных мероприятий предполагалось разработать новые стандарты деятельности наркологических лечебных учреждений и применяемых ими методов лечения. Однако в первые десять лет действия Концепции в этой части ничего не изменилось, поскольку законодательно был утвержден только механизм принудительного лечения (до его отмены в 2003 г.). Впоследствии внимание законодателя привлекало в основном установление уголовной и административной ответственности за различные виды незаконного оборота наркотиков. До настоящего времени репрессивный компонент в противодействии распространению и потреблению наркотиков сохраняется (например, в 2015 г. УК РФ был дополнен ст. 234.1, предусматривающей ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ [2]). При этом наступление ответственности и применение наказания никак не подразумевали существования льготных, поощрительных норм, регулирующих вопросы добровольного согласия наркозависимого лица на прохождение лечебных и реабилитационных мероприятий. Этой проблемой законодатель озаботился только в 2011 г. Проект федерального закона, в котором были разработаны положения о предоставлении отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, достаточно быстро прошел процедуры принятия: он был подготовлен весной 2011 г., в апреле того же года получил одобрение Правительства РФ и Верховного Суда РФ, в июне внесен в Государственную Думу РФ, а 7 декабря 2011 г. закон уже был подписан Президентом РФ.

Принятие этого закона и установление в УК РФ положений об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией стало промежуточным итогом в процессе формирования механизма оказания реабилитационной помощи наркозависимым лицам. Между тем его положения подвергались критике как противоречащие «самой сути уголовного права и уголовной политики» в связи с тем, что институт отсрочки маскирует принудительный характер лечения его внешней добровольностью [20].

В то же время научное осмысление получили позиции о необходимости восстановления принудительного лечения наркозависимых лиц [21, с. 200–206]. Они обосновываются в том числе и статистическими данными, согласно которым в структуре осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, только четверть привлекалось за их сбыт, а остальные (в общей сложности 400 тыс. человек за период с 2010 по 2014 г.) являлись активными потребителями наркотиков [17]. Кроме того, в поддержку восстановления принудительного лечения от наркомании приводятся позиции сотрудников правоохранительных органов, многие из которых придерживаются мнения о необходимости этого шага [10, с. 152] или же о возможном принудительном лечении лиц, уклоняющихся от добровольного прохождения курса лечения [18, с. 47–54]. Вместе с тем в решении проблемы рассчитывать

на принуждение к прохождению лечения от наркомании не приходится. Независимо от вида принуждения (уголовно-правового или административно-правового) создать стопроцентную гарантию добросовестного исполнения предписаний врача невозможно. Кроме того, как утверждают некоторые авторы, практика такого лечения не развита, количество лечебных учреждений не является репрезентативным [11, с. 35–37], а в перспективе мир может столкнуться с легализацией оборота наркотических средств [9, с. 37–44]. Именно поэтому в системе мер противодействия потреблению наркотических средств и психотропных веществ отсрочка отбывания наказания лицам, больным наркоманией, может стать достойной альтернативой мерам принуждения.

При исследовании нормы об отсрочке отбывания наказания необходимо обратить внимание на ее цели. Они отличаются и от целей наказания, и от целей условного неприменения наказания, в качестве главной из которых рассматривается исправление осужденного [5, с. 175; 12, с. 20; 24, с. 201]. Некоторые авторы отождествляют цели наказания и цели условного осуждения [15, с. 60–63]. В течение длительного времени существует позиция, согласно которой особое значение при условном неприменении наказания имеет частная превенция [14, с. 69–75; 22, с. 79–84].

Общая направленность отсрочки отбывания наказания больным наркоманией сближает ее с целями применения принудительных мер медицинского характера, указанных в ст. 98 УК РФ. К ним относятся излечение или улучшение психического состояния душевнобольных, совершивших деяния, предусмотренные Особенной частью УК РФ, профилактика совершения ими новых общественно опасных деяний. К целям применения принудительных мер медицинского характера не относится осуществление репрессии, а равно исправление лиц, имеющих душевные заболевания. Если психическое расстройство не исключает вменяемости, то принудительное лечение сочетается с исполнением наказания. Иной подход нарушал бы принцип гуманизма, поскольку применение наказания к лицам, которые не могут осознавать фактический характер и степень общественной опасности своих действий либо руководить ими, граничит с причинением физических страданий, с воздействием на душевнобольного человека, не понимающего в силу своего психического состояния сущности и причины наказания. В то же время ч. 1 ст. 82.1 УК РФ к числу оснований применения отсрочки отбывания наказания относит только добровольное желание осужденного нахождение курса лечения и реабилитации, что не позволяет отождествлять цели отсрочки и цели принудительных мер медицинского характера.

В контексте положений ст. 82.1 УК РФ необходимо отметить, что в данном случае отсрочка отбывания наказания в перечне целей имеет ресоциализацию осужденного. При этом значение ресоциализации является более существенным, нежели в ст. 82 УК РФ, в которой целью применения отсрочки выступает, скорее, защита права малолетних детей жить и воспитываться в семье.

В современных исследованиях ресоциализация осужденных обосновывается как одна из главных целей наказания, которая должна получить законодательное закрепление [7, с. 95–102]. В науке ресоциализация определяется как вид личностного изменения, при формировании которого человек следует типу поведения, отвергавшемуся им прежде [8, с. 692]. В этом смысле ресоциализация, по мнению некоторых ученых, напоминает первичную социализацию, поскольку у осужденного происходит усвоение новых социально полезных навыков [19, с. 161–162]. Применение отсрочки отбывания наказания больным наркоманией направлено на формирование у них неприятия образа жизни, связанного с употреблением психоактивных веществ, и достижение состояния ремиссии при активном содействии этому процессу со стороны самого осужденного, выразившего желание пройти курс медицинских и реабилитационных мероприятий. В определенном смысле это связано с исправлением осужденного без реального исполнения наказания. В данном случае исправление подразумевает подтверж-

денный медицинским заключением отказ от привычки употреблять наркотики, основанный на объективных данных об улучшении состояния здоровья осужденного.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что отсрочка отбывания наказания больным наркоманией предполагает достижение четырех целей: излечение осужденного или улучшение его состояния до степени длительной ремиссии, предупреждение совершения им новых преступлений, его исправление и ресоциализация.

Далее считаем важным отметить, что норма ст. 82.1 УК РФ имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, круг лиц, к которым может быть применена отсрочка, чрезмерно ограничен и, например, не включает субъектов, совершивших нетяжкие имущественные преступления под влиянием зависимости от употребления психоактивных веществ. Во-вторых, все составы преступлений, перечисленные в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, предусматривают альтернативные санкции, где лишение свободы является только одним из видов наказания, вследствие этого перспектива выражения субъектом согласия на лечение под влиянием страха возможного назначения лишения свободы весьма условна. Кроме того, лишение свободы как наиболее строгое наказание назначается только тогда, когда иным способом достичь исправления осужденного невозможно. Полагаем, что в связи с этим количество лиц, к которым применены положения ст. 82.1 УК РФ, является крайне незначительным. Так, в 2017 г. с применением ст. 82.1 УК РФ был осужден всего 61 человек*.

Кроме того, недостатки действующей правовой регламентации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, препятствующие ее широкому применению, выражаются в следующем:

- только отдельные виды преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенные впервые при отсутствии цели сбыта и квалифицирующих признаков, могут подразумевать в качестве поощрения социально полезного желая осужденного применение отсрочки отбывания наказания;
- в действующем уголовном законодательстве однозначно не решен вопрос о предоставлении отсрочки отбывания наказания лицам, виновным в незаконном обороте прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, хотя по смыслу ст. 231 УК РФ прекурсоры растительного происхождения включены в предмет преступления;
- в положениях ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ имеется противоречие: количественный размер вещества, изъятого у виновного, определяется по-разному, при этом не мотивирована невозможность применения отсрочки отбывания наказания к лицам, совершившим впервые аналогичные преступления, но в крупном или особо крупном размере.

Отсрочка отбывания наказания обоснованно рассматривается как элемент межотраслевого института поощрительных норм [6, с. 60–81; 16, с. 11–22]. В связи с этим основания ее применения могут рассматриваться с позиций позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление. В данном контексте можно выделить: добровольное согласие пройти курс лечения от наркомании, медицинскую реабилитацию и социальную реабилитацию. Одновременно судом должна быть установлена такая степень общественной опасности лица, совершившего преступление, которая позволяет положительно решить вопрос об отсрочке отбывания наказания в виде лишения свободы.

Приоритет медицинских и социальных мер перед карательными в отношении лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств и страдающих заболеванием наркоманией, имеет и конституционно-правовое обоснование. С учетом включения в ст. 41 Конституции РФ права на охрану здоровья и закрепления в перечне обязанностей пациента

* Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ за 12 месяцев 2017 г.: Форма № 6-МВ-НОН // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 07.01.2019).

в ст. 27 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] необходимости сохранения здоровья и следования назначенному курсу лечения, можно сделать вывод о том, что категории лиц, которым может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания в связи с заболеванием наркоманией, должны определяться с акцентом на добровольном желании лечиться. Выражение этого добровольного желания является главным элементом в структуре личности преступников, которым может быть предоставлена отсрочка.

Следует также отметить, что сфера применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией изначально сужена. Это получило как положительную [23, с. 108–110], так и отрицательную [13, с. 655–660] оценку в научной литературе. Присоединяясь к авторам, критически относящимся к чрезмерному сужению применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, следует отметить, что если одной из целей неприведения приговора в исполнение является стимулирование наркозависимых лиц к добровольному лечению, то логично расширить перечень случаев, когда это возможно. Например, при совершении лицом преступления небольшой или средней тяжести, не связанного с причинением вреда здоровью человеку, уместно применять отсрочку, если виновный признает вину, принял меры к возмещению ущерба. До 95 % преступлений, совершаемых наркоманами, имеют корыстную мотивацию, связаны с посягательствами на чужое имущество. Однако если имеет место позитивное посткриминальное поведение и виновный привлекается к ответственности впервые, то его добровольное желание пройти курс лечения может быть основанием для применения отсрочки отбывания наказания. Расширив подобным образом круг потенциальных получателей отсрочки отбывания наказания, мы получим схожие основания применения отсрочки с некоторыми основаниями освобождения от уголовной ответственности. Это предопределяет возможность предложить законодательные решения о преобразовании отсрочки отбывания наказания в иную меру уголовно-правового характера по аналогии с судебным штрафом.

Таким образом, в целях побуждения лиц, страдающих заболеванием наркоманией, к прохождению лечения и медико-социальной реабилитации представляется необходимым внести следующие изменения в ст. 82.1 УК РФ:

- распространить ее действие на всех лиц, признанных больными наркоманией и осужденных впервые за совершение преступления небольшой тяжести к любому виду наказания либо за преступление средней тяжести к наказанию в виде лишения свободы;
- упростить порядок применения отсрочки, преобразовав ее, по аналогии с судебным штрафом, в иную меру уголовно-правового характера, которая может быть назначена судом до рассмотрения дела по существу. В таком случае при наличии ходатайства лица, привлекающегося к уголовной ответственности, и в случае принятия им мер по заглаживанию вреда, причиненного преступлением, вопрос о прохождении курса лечения мог бы решаться еще на стадии расследования уголовного дела.

Литература

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. 23 ноября.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ // Российская газета. 2015. 6 февраля.
3. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: утверждена Указом Президента РФ от 6 сентября 2010 г. № 590 // Российская газета. 2010. 15 июня.
4. Концепция государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации: утверждена Постановлением ВС РФ от 22 июля 1993 г. № 5494-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1265.
5. Агзамов И. М. Условное неприменение уголовного наказания как комплексный правовой институт: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
6. Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

7. Волкова Т. Н. Ресоциализация осужденных как мера профилактики преступности и цель уголовного наказания // Правовая культура. 2007. № 2.
8. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
9. Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Юридический центр прес, 2009.
10. Карпов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера как средство противодействия совершению преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
11. Корякова Я. И. Потребление наркотических средств без назначения врача // Юридические науки: проблемы и перспективы: мат-лы междунар. научн.-практ. конф. Пермь: Меркурий, 2014.
12. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 2. Общая часть. Учение о наказании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002.
13. Кухарук В. В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией и вопросы ее применения // Право и политика. 2013. № 5.
14. Марцев А. И. Общая превенция преступлений // Правоведение. 1970. № 1.
15. Михайлов К. В. Применение условного осуждения и цели наказания // Уголовное право. 2008. № 2.
16. Михаил А. С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение: сб. науч. тр. М.: Изд-во НИИ МВД РФ, 1993.
17. Основные направления стратегической реформы уголовно-правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года: выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России В. П. Иванова на заседании ГАК по теме «Повышение эффективности действующего уголовно-правового инструментария по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики» (Москва, 15 апреля 2015 г.) URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/04/16/.
18. Панов Л. С. Принудительное лечение как мера профилактики наркотизма // Средства и методы эффективного воздействия на преступность и иные правонарушения: сб. науч. тр. Омск: ОмГУ, 1998.
19. Перинская Н. А. Ресоциализация // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1.
20. Пудовочкин Ю. Е. О грядущих изменениях уголовного закона (в порядке доктринального заключения на проект Федерального закона № 559740–5 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») // Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. URL: [http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/pudovochkin\(09-11-11\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/pudovochkin(09-11-11).htm).
21. Степашин В. М. Лечение лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, как уголовно-правовая принудительная мера медицинского характера // Вестник Омского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 2.
22. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978.
23. Сысоев Р. А. К вопросу о негативных последствиях течения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4.
24. Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М.: Городец, 2007.
25. Федоров А. В. Реализация уголовно-правовой политики по противодействию незаконному обороту наркотиков // Наркоконтроль. 2007. № 4.
26. Хачак Б. Н. Отсрочка отбывания наказания по уголовному законодательству: гендерный анализ // Вестник Адыгейского государственного ун-та. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3.

УДК 343.35:341.1

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Николай Юрьевич Сазанков, заместитель начальника отдела Дальневосточного окружного управления материально-технического снабжения МВД России

E-mail: tgaia@yandex.ru

В статье раскрываются вопросы международно-правовых основ антикоррупционной политики в Российской Федерации. На основе правового анализа сделаны выводы о существующем уровне и перспективах имплементации норм международно-правовых договоров в отечественное законодательство. Определена взаимосвязь уголовно-правовых и международно-правовых средств. Также приведены статистические данные о восприятии гражданами коррупции в связи со знаниями о наличии/отсутствии международных основ антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция; конвенция; международный договор; антикоррупционная политика; уголовный закон.

INTERNATIONAL LEGAL BASIS FOR THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION POLICY BY CRIMINAL LAW MEANS

Nikolay Yuryevich Sazankov, deputy head of the department of the Far Eastern district department of material and technical supply of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article reveals the issues of the international legal framework of anti-corruption policy in the Russian Federation. The analysis of the content and implementation of the norms of international legal acts in the internal Russian legislation. The relationship of criminal law and international legal means has been determined. Also, statistical studies of the perception of corruption are presented in connection with knowledge of the presence / absence of international foundations of anti-corruption policy.

Keywords: corruption; convention; international treaty; anti-corruption policy; criminal law.

Коррупция в настоящее время превратилась в серьезную проблему для государственности и социального управления, решение которой зависит не только от внутригосударственной деятельности, но и требует международного сотрудничества и взаимодействия.

Коррупция представляет собой сложную структуру, имеющую внутреннюю иерархию различных уровней. Коррупция в обществе представлена не только на бытовом уровне частных услуг физическим и юридическим лицам, но и на уровне деловом. И если бытовая коррупция характеризуется в основном как мелкомасштабная, то в международных экономических отношениях она часто приобретает широкий размах. Развитие международных отношений и глобализация способствуют повышению степени охвата и слиянию коррупционных связей в экономической и политической областях. Для международных экономических отношений характерны широкий масштаб и высокая стоимость коррупционных услуг, что формирует в этой сфере преступную деятельность повышенной опасности. В настоящий момент ситуация складывается таким образом, что изолированная борьба с коррупцией в рамках отдельно взятого государства невозможна.

Унификация уголовно-правовых средств и других методик борьбы с коррупцией основана на общепринятых международных антикоррупционных стандартах, которые представляют собой нормативный компонент международного взаимодействия государств, получив-

ший отражение в международных правовых актах (международных договорах и решениях международных организаций, имеющих обязательный характер для государств-участников), главная цель которых – обеспечение успешного противодействия коррупции в государствах. Международную систему антикоррупционных норм следует рассматривать как основу унификации внутригосударственных уголовно-правовых и иных средств и методов борьбы с коррупцией [9, с. 78]. Имплементация норм во внутреннее законодательство основывается на императивных предписаниях, возлагающих на государства-участники соответствующие обязанности. В Российской Федерации основу имплементационной деятельности составляет ст. 15 Конституции РФ.

Важными для формирования международно-правовых основ антикоррупционной политики и ее реализации уголовно-правовыми средствами являются действующие международные акты.

Конвенция ООН против коррупции (31 октября 2003 г., г. Нью-Йорк), ратифицированная Российской Федерацией, является универсальным компонентом международно-правовой основы антикоррупционной политики, ее юридическая сущность достаточно полно коррелирует с особенностями национальной правовой системы и позволяет осуществить разумный выбор мер, согласующихся с действующим национальным правом. Имплементация данной конвенции составила целый комплекс мероприятий: принятие Национальной стратегии и Национального плана противодействия коррупции [5; 6], которые обозначили государственную антикоррупционную политику России. Данные меры конкретизируются в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», составляющем базовый уровень антикоррупционной борьбы.

В Конвенции против коррупции закреплен перечень деяний, отнесенных к коррупции, за которые необходимо уголовное преследование виновных лиц, если эти деяния совершены умышленно (ст. 15–25).

В рамках имплементации особое внимание обращает на себя ст. 20 Конвенции против коррупции, устанавливающая правовые основания внедрения в уголовный закон ответственности за незаконное обогащение, которое выражается в значительном увеличении активов публичного должностного лица, при этом обязательным условием является количественный признак: увеличение активов должно превысить законные доходы такого лица, а также отсутствие разумного объяснения такого увеличения. В действующем отечественном уголовном законодательстве отсутствует точный аналог рекомендуемого положения, но в связи с этим можно отметить п. 8 ч. 2 ст. 235 Гражданского кодекса РФ, в котором, однако, не в полной мере отражается суть понятия «незаконное обогащение».

Относительно реализации ст. 20 Конвенции против коррупции нет однозначного мнения. С одной стороны, как отмечают исследователи, отказ от использования важных полномочий в данной сфере, представленных международным правом, означает добровольное самоограничение, которое противоречит интересам борьбы с коррупцией в нашей стране [8, с. 193]. Одновременно с этим затруднен вопрос о проведении экспертиз в области борьбы с коррупцией, так как право не оперирует понятием «незаконное обогащение», которое является целью коррупционной деятельности и входит в состав преступных деяний.

С другой стороны, государства-участники не ограничены в методах реализации положений данной Конвенции. Федеральный закон о ее ратификации содержит установления, касающиеся отдельных статей и пунктов, по которым Российская Федерация обладает юрисдикцией и обязательностью для исполнения [3]: Российская Федерация обладает юрисдикцией в отношении деяний, признанных преступными согласно ст. 15, п. 1 ст. 16, ст. 17–19, 21 и 22, п. 1 ст. 23, ст. 24, 25 и 27 Конвенции против коррупции, в случаях, предусмотренных п. 1 и 3 ст. 42 Конвенции против коррупции. Этот перечень не включает в себя ст. 20 (Незаконное обогащение), ст. 26 (Ответственность юридических лиц), ст. 54 (Механизмы изъятия имуще-

ства посредством международного сотрудничества в деле конфискации), ст. 57 (Возвращение активов и распоряжение ими). Таким образом, ст. 20 Конвенции против коррупции имеет диспозитивный характер. Она предлагает государствам самостоятельно определяться с путями ее воплощения с учетом положений своих конституций и правопорядков. Совокупность существующих в настоящий момент уголовно-правовых и иных мер создает механизм реализации правовой сущности указанной статьи. Глава 30 УК РФ содержит составы, охватывающие преступные деяния подобного типа. Более того, попытки буквального воплощения положений ст. 20 Конвенции против коррупции приведут к существенным затруднениям в правоприменительной практике. Данная статья изобилует большим количеством оценочных понятий, которые отсутствуют в действующем российском уголовном законе. И если категория «законные доходы» легко подлжет точному определению, то такие категории, как «значительное увеличение активов», «разумным образом», отсутствуют в праве России и могут быть восприняты правоприменителем как «каучуковые параграфы».

Даже осознавая серьезность порождаемых коррупцией проблем, выделяя ее в качестве серьезнейшей угрозы безопасности общества и стабильности государственных и общественных институтов, следует внедрять в право только те положения, которые наилучшим образом будут способствовать реализации принципов правопорядка, демократических институтов и ценностей. Средства и методы реализации антикоррупционной политики должны реализовываться в русле устойчивого развития уголовного права и общественного правопорядка. Новые нормы уголовного закона не должны создаваться волюнтаристски, произвольно, пренебрегая объективными условиями и научно обоснованными рекомендациями.

Следует отметить, что не только Российская Федерация, но и другие страны в течение длительного времени не считали возможным перераспределить бремя доказывания законности приобретенных доходов на самих должностных лиц [7, с. 58]. Упомянутое выше положение гражданского права (п. 8 ч. 2 ст. 235 ГК РФ) было введено в российское гражданское законодательство федеральным законом в 2012 г. Отечественный законодатель в отношении внедрения понятия «незаконное обогащение» пошел по пути не уголовно-правовой, а гражданско-правовой имплементации. Такое половинчатое решение основано на тесной взаимосвязи незаконного обогащения и основополагающих принципов уголовного закона. Данная норма тесно связана с принципом презумпции невиновности, провозглашенным в Конституции РФ и имеющим сквозное продолжение в законодательстве. Даже небольшое по объему изменение в нормативной базе может сказаться на всей архитектуре охранительного законодательства и потребовать не только введения новых правовых категорий, но и пересмотра основополагающих принципов уголовного права, а также конституционных норм о правах человека.

Следующим документом, заслуживающим упоминания, является Страсбургская конвенция Совета Европы. В 1999 г. в Страсбурге была принята Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, утвержденная Российской Федерацией через 7 лет [2].

Названный международно-правовой акт предусматривает перечень определенных мер, реализуемых на национальном уровне антикоррупционной борьбы. Однако соотношение национальных уголовно-правовых средств осуществления антикоррупционной политики и международно-правовых основ имеет ряд особенностей. Например, в вопросе дифференциации ответственности в международных нормах права традиционно используется классификация преступных деяний по субъекту взятки. Статьи 2–11 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию содержат положения, разграничивающие подкуп должностных лиц в зависимости от субъекта, принимающего такой подкуп. Тогда как для отечественного законодательства характерно разделение по размеру взятки и иным традиционным для российского уголовного права основаниям: группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; с вымогательством взятки.

Другое разделение связано с объективной стороной деяния. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, Конвенция против коррупции устанавливают в качестве предмета подкупа публичного служащего любое неправомерное преимущество (выгоду), в том числе и нематериального характера, то есть даже обещание, предложение или испрашивание согласия на получение неправомерных преимуществ от публичного должностного лица квалифицируется как оконченное преступление. Тогда как по российскому праву испрашивание, обещание и предложение взятки следует квалифицировать как приготовление к совершению преступления, т.е. как неоконченное преступление. Согласно ст. 30 УК РФ, уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Поэтому уголовно наказуемо может быть обещание дачи взятки, предусмотренное только п. 2–4 ст. 291 УК РФ.

Еще одним аргументом в пользу отсутствия качества системности правовых норм является тот факт, что п. 5 ст. 291.1 УК РФ установлена ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, но отсутствуют нормы об ответственности за обещание и предложение самой взятки. В КоАП РФ в отношении юридических лиц аналогичные деяния образуют оконченные составы [10, с. 45].

В последнее время наблюдается тенденция популяризации консервативных взглядов, которые можно определить как «правовое охранительство», под которым подразумеваются требования уважения к суверенитету страны, учета ее национальных интересов и правовых традиций. Отчасти это справедливо, но вместе с тем вызывает опасение влияние такой тенденции на процессы имплементации норм международного права во внутреннее законодательство. Здесь важно соблюсти разумный баланс в области необходимости внедрения международных стандартов уголовно-правовых средств в национальное законодательство, с одной стороны, и сохранения целостности охранительного законодательства, продолжения отечественных правовых традиций, с другой стороны. Стратегическая задача создания единого правового пространства для борьбы с преступностью должна решаться в рамках взвешенного подхода к выбору средств ее реализации. Особенно актуально единое правовое поле в целях борьбы с трансграничной преступностью, которая с расширением глобализационных процессов охватывает все больше сфер экономики.

В 2004 г. Российская Федерация ратифицировала принятую 15 ноября 2000 г. в г. Палермо Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (далее – Конвенция против транснациональной преступности) [4]. В 2012 г. Россия присоединилась к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (21 ноября 1997 г., г. Стамбул) [1] (далее – Конвенция по борьбе с подкупом).

Эти два документа находятся в органической взаимосвязи, так как международные коммерческие сделки неизбежно связаны с транснациональными правоотношениями.

Конвенция по борьбе с подкупом вновь возвращает нас к вопросу об охвате понятием «преступление» взятки в форме неденежных выгод, связанных с подкупом. Согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», предметом взяточничества и коммерческого подкупа, наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав. Названное постановление содержит весьма точное указание на то, что переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку.

Конвенция по борьбе с подкупом устанавливает, что предметом подкупа могут быть любые неправомерные имущественные или иные преимущества. Например, если некое долж-

ностное лицо просит известного музыканта в ответ на оказанную услугу бесплатно выступить на юбилее, то денежную оценку можно исчислить в сумме, которую данный музыкант берет за свои выступления. Если чиновник просит просто прийти его на день рождения как почетного гостя, то подобное поведение нельзя исчислить в денежном выражении. Также не подлежит оценке изменение очередности получения ведомственной санаторно-курортной путевки, когда сама путевка оплачена в полном объеме [11, с. 14]. Вместе с тем оправданы опасения, что расширение предмета взятки в рамках совершенствования уголовно-правовых средств антикоррупционной политики увеличит количество так называемых неустрашимых сомнений в наличии у услуги или работы стоимости, а также что возникнут определенные сложности в установлении причинно-следственной связи между услугой и вознаграждением.

Конвенция против транснациональной преступности затрагивает преступления с «иностранным элементом». Справедливости ради следует отметить, что общеуголовные преступления и имеющие транснациональный характер, совершаемые частными лицами, – явление не новое, но в последнее время данная проблема возросла до глобального уровня вследствие обретения международной преступностью новых характеристик. Международные преступные организации расширяют масштабы своей деятельности, усложняются используемые ими технические средства, создаются новые структуры преступных сообществ, усиливается их воздействие на экономическую, политическую и социальную сферы.

Организованная преступность, ранее действовавшая на уровнях региональных или локальных, выходит на межконтинентальный формат, воздействуя на всю мировую экономику. Конвенция против транснациональной преступности в качестве уголовно-правовых средств предусматривает перечень рекомендаций, которые должны учитываться в национальном законодательстве государств-участников. Среди них обозначение термина «организованная преступность», к которой отнесена и организованная коррупция.

В рамках подготовки статьи было проведено статистическое исследование, участвующим в нем респондентам были заданы вопросы, касающиеся субъективного восприятия коррупции в современном обществе, а также осведомленности* о международном сотрудничестве в области антикоррупционной деятельности, об участии Российской Федерации в международных договорах.

Опросом были охвачены 40 человек, из них 43 % – мужчины, 57 % – женщины, возраст опрошиваемых – от 19 до 65 лет. Лица до 20 лет составили 13 % (5 человек), от 21 до 30 лет – 30 % (12 человек), от 31 до 40 – 32 % (13 человек), старше 41 года – 25 % (10 человек). Среди опрошенных по сфере деятельности 23 % отнесли себя к сфере юриспруденции (9 человек), 25 % – к сфере образования (10 человек), 10 % – к сфере медицины (4 человека), 15 % – к области госслужбы (6 человек), 12 % – к области предпринимательства (5 человек), 15 % – к иным областям деятельности (6 человек).

Главной целью опроса было выяснение влияния осведомленности о международном сотрудничестве на субъективное мнение о состоянии коррупции в стране.

В возрастной группе до 20 лет осведомленность проявили 5 человек из пяти, т.е. 100 %. В возрастной группе от 21 года до 30 лет 9 человек ответили утвердительно, 3 – отрицательно (75 и 25 % соответственно). В группе от 31 года до 40 лет 7 человек ответили утвердительно, 6 – отрицательно (54 и 46 % соответственно). В группе лиц старше 41 года 5 человек ответили утвердительно, 5 – отрицательно (50 на 50).

Из приведенных сведений можно сделать вывод, что среди молодых людей уровень знаний о международном сотрудничестве в области противодействия коррупции выше. С увеличением возраста уровень знаний об этом постепенно снижался.

* В целях исследования осведомленным считается респондент, ответивший положительно хотя бы на один вопрос о международном сотрудничестве.

Среди опрошенных лиц, которые определили свой статус как учащиеся, на вопросы о международном сотрудничестве Российской Федерации в сфере борьбы с коррупционными проявлениями положительный ответ дали 9 человек из 10, что составило 90 %. Среди лиц, определивших себя как работающие, положительные ответы дали 15 человек из 27, что составило 56 %. Среди лиц, выбравших позицию «иное», положительно ответили 2 человека из трех. Таким образом, лица, определившие себя как учащиеся, имеют более высокую осведомленность в данном вопросе, чем работающие и иные граждане.

Анализ ответов в зависимости от сфер деятельности респондентов дает следующую картину. Лица, которые отнесли себя к сфере юриспруденции, положительно ответили в 100 % случаев, отнесшие себя к сфере государственной службы – в 100 %, к сфере образования – в 60 %, к области медицины – в 50 %, к области торговли – в 20 %, к иным сферам – в 33 % случаев. Таким образом, наибольшую осведомленность проявили опрашиваемые лица из двух групп: отнесшие себя к сферам юриспруденции и государственной службы, наименьшую – к сфере торговли.

Лица, осведомленные о международном взаимодействии в сфере борьбы с коррупцией (положительно ответили хотя бы на один вопрос из этой области), оценили уровень коррупции ниже, чем лица, не осведомленные о международном сотрудничестве в этой области.

Так, из 26 лиц, осведомленных о международном сотрудничестве в борьбе с коррупцией, 17 человек оценили уровень коррупции в стране как средний, а 9 – как высокий/очень высокий (65 и 35 % соответственно).

Напротив, среди лиц, не ответивших положительно ни на один вопрос о международном сотрудничестве в борьбе с коррупцией, результат субъективного восприятия уровня коррупции был выше. Из 14 человек средним уровень коррупции назвали 5 человек и высоким – 9 человек (36 и 64 % соответственно).

За ужесточение законодательства в области борьбы с коррупцией высказались 72 % из тех, кто вообще не знал о международном взаимодействии в этой сфере, 46 % тех, кто имел частичные сведения, и только 15 % из тех, кто положительно ответил на все вопросы о международном сотрудничестве. На вопрос о возможности искоренения коррупции как явления положительно ответили 67 % из тех, кто утвердительно ответил хотя бы на один вопрос о международном сотрудничестве в противодействии коррупции.

Несомненно, следует признать, что на результат исследования могли повлиять различные обстоятельства, учесть все многообразие которых не представляется возможным. Однако с большой долей вероятности можно утверждать, что само знание о международных основах антикоррупционной политики снижает уровень тревожности в вопросах восприятия коррупции членами общества.

Таким образом, в вопросах изучения антикоррупционной политики и уголовно-правовых средств ее реализации требуется рассматривать систему борьбы с коррупцией и как автономную структуру, взаимодействующую с другими социальными системами, и как целостную иерархию разноуровневых проявлений.

Совокупное использование различных средств и методов формирует целостный подход к обоснованию концепции противодействия коррупции в рамках осуществления антикоррупционной политики, которое органически сочетает пределы вмешательства государства в публичную и частную жизнь общества и в то же время оптимизирует реализацию уголовных и иных, как правовых, так и внеправовых, мер борьбы.

Литература

1. О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: федеральный закон от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 17. Ст. 1899.

2. О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3424.
3. О ратификации Конвенции ООН против коррупции: федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.
4. О ратификации Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее: федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 18. Ст. 1684.
5. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы: указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 (ред. от 13.03.2012) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.
6. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378. Доступ из СПС «Гарант».
7. Артемов В. Ю. Сравнительно-правовой анализ имплементации Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок // Евразийская адвокатура. 2014. № 4.
8. Ведерникова О. Н. О работе экспертного совета для подготовки предложений по реализации в законодательстве РФ положений международных конвенций о борьбе с коррупцией и зарубежный опыт конфискации имущества // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008.
9. Каширкина А. А. Антикоррупционные стандарты ОЭСР: понятие и направления имплементации // Журнал российского права. 2013. № 10.
10. Сидоренко Э. Л. К вопросу о целесообразности криминализации обещания и предложения взятки // Общество и право. 2017. № 1 (59).
11. Сидоренко Э. Л. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок и перспективы совершенствования российского уголовного законодательства // Сравнительное правоведение. 2013. № 1.

УДК 343.9:343.57

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В ГОСУДАРСТВАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Петр Николаевич Кобец, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент

E-mail: pkobets37@rambler.ru

dfvnii@mail.ru

В статье рассматриваются особенности противодействия наркопреступности в странах Латинской Америки и, в частности, государствах – членах Андского сообщества наций (АСН). Исследованы истоки формирования наркобизнеса в странах АСН и практика противодействия ему. На основе криминологического анализа наркоситуации в рассматриваемых странах предложен ряд оригинальных подходов к пониманию феномена современной наркопреступности. Рассматриваются методы и средства противодействия наркопреступности в регионе, раскрыты ее новые формы, которые она принимает под воздействием мировых глобализационных процессов.

Ключевые слова: государства – члены Андского сообщества наций; Республика Перу; Республика Колумбия; Многонациональное Государство Боливия; Республика Эквадор; АСН; страны Латинской Америки; наркобизнес; наркопреступность; незаконный оборот наркотиков; противодействие.

COMBATING ILLEGAL DRUG TRAFFICKING IN LATIN AMERICA

Peter Nikolaevich Kobets, chief researcher of the NRI of the Ministry of Interior of the Russian, Doctor of Law, Professor;

Ilya Viktorovich Nikitenko, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

The article deals with the peculiarities of combating drug crime in Latin America, and in particular the States members of the Andean community nation (ACN). Investigated the origins of the development of drug trafficking in the countries of the ACN and practice of fighting him. Based on the criminological analysis of the drug situation in the countries under consideration, a number of original approaches to understanding the phenomenon of modern drug crime. Methods and means of counteraction of drug crime in the region are considered, its new forms which it accepts under the influence of world globalization processes are opened.

Keywords: the member States of the Andean community of Nations; the Republic of Peru; the Republic of Colombia; the Plurinational State of Bolivia; the Republic of Ecuador; ACN; Latin American countries; drug trafficking; drug crime; drug trafficking; counteraction.

Среди наиболее значимых угроз безопасности современной цивилизации выделяют международный наркобизнес. Именно это явление представляет собой наиболее опасный источник криминогенных рисков для экономик, правопорядка, национальной безопасности и здоровья населения государств мира. В обстановке возрастающей криминальной активности государств Латинской Америки актуальным направлением сотрудничества между этими странами выступает проблематика противодействия наркопреступности.

Ведущее место по производству и сбыту наркотиков в странах Латинской Америки отведено государствам – членам Андского сообщества наций. Среди них Республика Перу, Республика Колумбия, Многонациональное Государство Боливия и Республика Эквадор.

Региональное социально-экономическое содружество государств Латинской Америки – Боливии, Колумбии, Эквадора и Перу, получившее название «Андское сообщество наций» (Andean Community of Nations, ACN), было создано 26 мая 1969 г. по итогам подписанного Картахенского соглашения [3, с. 128].

В отечественной и зарубежной литературе интеграционное объединение перечисленных стран Латинской Америки часто называют государствами Андского треугольника. В целях анализа наркопреступности в этих странах необходимо рассмотреть происходящие в конце второго десятилетия XXI столетия изменения в географии наркобизнеса, при этом выделяя его новые сферы и направления.

Так, в первую очередь следует отметить, что в новом тысячелетии в рассматриваемом регионе значительно увеличился ареал, который занят производством наркотиков, его центр находится в государствах Андского субрегиона – Колумбии, Боливии и Перу. Эти страны связывает как близкое географическое положение, так и мировая монополия на производство коки, полуфабрикатов кокаина и большей части рафинированного наркотического вещества. Их также объединяет плотная кооперация, сложившаяся среди наркоторговцев всех этих государств под непосредственным руководством колумбийских наркодельцов, деятельность которых не ограничивается территорией Западного полушария.

Особенностью латиноамериканского наркобизнеса является то, что в своем большинстве он имеет трансграничный характер, который наиболее интенсивно стал проявляться в начале нового тысячелетия. В действительности ни одно из государств Андского треугольника, принимая в расчет негативные последствия коррупционных проявлений, не может быть изолировано от воздействия на нее транснациональных преступных сообществ, связанных с наркобизнесом. Следует отметить, что в этих странах коренное индейское население возделывало и употребляло листья коки многие века. Сложившаяся в рассматриваемых странах ситуация в сфере борьбы с наркотибизнесом побуждает их правительства совершенствовать координацию усилий, принимать системные решения и прилагать большие межгосударственные усилия против наркокартелей.

Вопросы противодействия наркопреступности и проблематика, связанная с обеспечением общественной безопасности, с каждым годом приобретают все большую значимость для государств Андского треугольника, при этом каждая из стран обладает своей спецификой. В связи с этим прежде всего необходимо кратко охарактеризовать особенности наркопреступности в каждой из стран Андского треугольника.

На Американском континенте Колумбия играет не последнюю роль по производству наркотических средств и психотропных веществ, в частности кокаина, она также является крупным поставщиком марихуаны и героина на мировой рынок наркотиков.

Производственный процесс наркотических средств в Боливии нацелен на экспортирование наркотических средств в США и государства – члены Европейского союза (далее – ЕС), так как в этих странах цены на героин значительно выше, чем на североамериканском рынке [5, с. 120]. В государства – члены ЕС героин из Колумбии экспортируется, как правило, морским путем, через морские порты Испании [6, с. 127]. Объемы производимого в Колумбии кокаина, по некоторым оценкам, составляют 350–500 т в год. Размах производства наркотиков в Колумбии колоссален, их производят в большинстве территориальных образований [17, р. 8, 9].

Истоки наркопреступности в государствах Латинской Америки берут свое начало в тридцатых годах прошлого столетия. Когда окончилась Первая мировая война, основная часть наркотических средств стала поставляться в США через Кубу из Чили. После револю-

ционных событий на «Острове свободы» кубинские мафиози эмигрировали в США и стали проводить сделки с наркотиками через Майами. После прихода Пиночета к власти в Чили большинство наркоторговцев было выдано США, а остальные, сбежав в Колумбию, стали продолжать свой преступный промысел [15, р. 79].

В начале 1970-х гг. крупнейшим производителем кокаина (более половины мирового производства) в странах Латинской Америки становится Перу. Большая востребованность наркорынка в кокаине в США и государствах Европы насыщалась за счет его наркотрафика, который был организован посредством воздушных перевозок из Боливии и Перу через Колумбию. Такое «разделение труда», заключающееся в том, что одна часть преступных группировок занималась выращиванием коки и ее поставками, а другая – переработкой сырья в кокаин и его реализацией, просуществовала вплоть до конца 1990-х гг., до того периода, когда произошел скачок производства кокаина на территории Колумбийского государства. В этот период Колумбия стала центром не только возделывания коки, но и производства наркотиков [9, с. 27].

В начале нового тысячелетия в государствах Латинской Америки стали происходить существенные изменения в сфере производства наркотических средств. Так, в частности, были сокращены посевы коки с 221 тыс. га в 2000 г. до 149,1 тыс. га в 2010 г. [25, р. 22]. Борьба в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, проводимая США с 2002 г., способствовала тому, что центр по выращиванию коки переместился в Перу и Боливию. В настоящее время в этих государствах сконцентрировано более половины производства коки, производимой в рассматриваемом регионе. При этом произошло снижение доли производства коки в Колумбии [26, р. 51]. Помимо этого Колумбии, ранее специализировавшейся на переработке коки вследствие наличия большого числа нарколабораторий, пришлось уступить это первенство Боливии и Перу, модернизовавшим процесс переработки. Также с 2009 г. в Перу произошло увеличение посевов коки. С тех пор это государство лидирует по количеству площадей для ее выращивания [13, с. 50].

Организации Колумбии, связанные с наркопреступностью, представляют из себя криминально-политическое движение, смысл и содержание которого недостаточно понятен и изучен. Специалисты называют следующие типы таких организаций – наркокартели и партизанские фронты. Наркокартели весьма недолговечны, их регулярно ликвидируют правительственные силы Колумбии при помощи США, но место ликвидированных сразу же занимают новые картели. Колумбийские наркокартели отличаются иерархической структурой, разветвленной сетью филиалов во всем мире и жестким контролем деятельности всех элементов этой криминальной структуры [22, р. 21].

Партизанские фронты, возникшие в 1950-х гг., были ответом Коммунистической партии Колумбии на проявления террора правительственных сил в отношении крестьянского населения страны. Между тем в процессе своей деятельности партизанские отряды подверглись криминализации и, получив средства от наркобизнеса, трансформировались в сборщиков налогов с крупнейших производителей коки на нужды революции. Сами они не производят наркотики, однако вовлечены в наркотрафик. Среди самых известных партизанских отрядов – Революционные вооруженные силы Колумбии (FARC), Армия национального освобождения (ELN) [24, р. 95]. Вместе с тем FARC не носят чисто криминального окраса, обладают собственной идеологией и под их контролем находится значительная часть колумбийской территории, на которой они реализуют социальную политику и пользуются поддержкой и симпатией местного населения [4, с. 211].

Наркопреступность в Перу интегрирована в теневую экономику, оказывая влияние фактически на весь социальный и экономический сектор страны. Большая часть жителей Перу (по данным различных источников, более 1 млн чел.), среди которых представители сельского хозяйства, в значительной степени втянуты в производство, переработку и распространение

наркотических средств. Помимо этого коренное население страны использует листья кустарника коки как денежный эквивалент, готовит из них отвары, использует для ритуальных церемоний [18, p.12–13].

Те крестьяне, которые владеют крупными земельными участками и занимаются выращиванием коки, имеют неплохие доходы – в несколько раз выше доходов занимающихся выращиванием сельскохозяйственных и различных технических культур. К тому же само по себе выращивание коки – незатратное занятие, приносящее стабильно высокую выручку. Кокаин из Перу имеет большой спрос на рынке как в США, так и в Европе. Один килограмм листьев коки стоит 2 дол. США; ежемесячно продавая собранный урожай, можно получить примерно 500 дол. США, а за неочищенную пасту – свыше 1000 дол. США. При этом в Перу качество листьев коки, плодоносящей 3–5 раз в году, гораздо выше, чем в Боливии и Колумбии [14, p. 27].

Таким образом, в настоящее время важнейшей проблемой для Перу остается укрепившийся наркобизнес, оказывающий воздействие на большинство сторон жизнедеятельности государства. Являясь одним из главных производителей кокаина в Западном полушарии, население сельскохозяйственных районов Перу продолжает и дальше активно вовлекаться в процессы, связанные с производством кокаина [11, с. 71–72].

Среди причин и условий, за счет которых приумножились незаконные посевы коки в 1990-х гг., следует отметить повышение уровня бедности населения, особенно в районах плоскогорья, и параллельно с этим устойчивую востребованность кокаина на мировом рынке. На этом фоне население Перу стало превращаться из производителей наркотических средств в их потребителей. Нельзя также не отметить того, что в новом тысячелетии рост нелегальных посадок обусловил острый внутривнутриполитический кризис в стране. Вследствие этого резко ослабился государственный контроль за нелегальным посевом коки.

Еще одна причина, способствующая росту наркобизнеса в Перу, связана с деятельностью в лесах перуанской Амазонии группировки маоистского толка El Sendero Luminoso – «Светлый путь», которая тесно сотрудничает с наркодилерами. Тактические приемы ее деятельности всецело террористические. Не скрывавшая свои связи с лидерами наркобизнеса, группировка противодействует службам правопорядка свободно проникать на территории, где производится кокаин, за это наркодилеры предоставляют леворадикалам финансовую поддержку [16, p. 59].

Согласно данным правоохранительных и силовых структур Перу, партизанские формирования этой группировки заняты обеспечением логистических схем наркотрафика. В их функционал входит защита лиц, которые занимаются доставкой кокаиновой пасты или кокаина, а также взимание налога за охрану транспортировки кокаина [10, с. 83]. В связи с их деятельностью органы государственной власти ежегодно увеличивают ассигнования, направленные на борьбу с наркобизнесом и наркопреступностью. Несмотря на то, что в 2015 г. полицейским силам удалось арестовать двух лидеров группировки «Светлый путь», ее деятельность не только не утихла, а, наоборот, стала приобретать новые формы. Более того, стали прослеживаться процессы, связывающие наркоторговлю с политическим терроризмом и уголовным бандитизмом.

Следует отметить, что весь сектор наркобизнеса в стране находится под контролем восьми мафиозных структур, взаимоотношения между которыми построены на тесных родственных связях [19, p. 6–7].

Существующее на сегодняшний день положение в Перу в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков ставит перед правоохранительными органами страны первоочередную задачу, которая заключается в подрыве финансовой базы группировки «Светлый путь» и ограничении партизанского движения в наркоторговле. Правовая база, позволяющая противодействовать наркопреступности в Перу, вполне достаточна. В соответствии со ст. 140 Конституции Республики Перу террористическая деятельность карается смертной казнью.

В ст. 8 Конституции также прописано, что государственные органы не только ведут борьбу с незаконным оборотом наркотиков, но и заняты в процессе регулирования использования наркотических средств в медицинских целях [21, р. 27].

Наркотрафик, осуществляемый из государств Андского треугольника, увеличивается также за счет Эквадора. С 2006 г. Эквадор задействован в программе Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) по мониторингу незаконных посевов. В Стратегии национальной безопасности Эквадора среди внешних угроз определены международная организованная преступность, терроризм и наркотрафик [20, р. 4].

Эквадор, в отличие от остальных государств Андского треугольника, не является производителем наркотических средств. Однако в последнее время на юге страны правоохранительные органы отмечают наличие ряда проблем, связанных с присутствием иностранных преступных групп, занимающихся в том числе и наркотрафиком. В 2012 г. Эквадором, Перу и Колумбией была создана Комиссия по границе, отметившая, что упомянутые страны должны обмениваться разведывательной информацией, связанной с наркотрафиком в приграничных районах. Был поднят вопрос о необходимости создания подразделений быстрого реагирования, которые бы патрулировали общую акваторию [23, р. 27]. В 2015 г. Эквадор принимал участие в VII совещании Иберо-американской сети по международному юридическому сотрудничеству (IberRed) и ставил вопрос о консолидации усилий всего мирового сообщества в борьбе с оргпреступностью.

Следует также отметить, что в настоящее время преступления в сфере незаконного оборота наркотиков являются самыми распространенными в Эквадоре. И пока не удается изменить ситуацию, связанную с ростом объема наркотических средств, следующих транзитом через Эквадор. По мнению ряда экспертов, сегодня за счет ежегодного увеличения наркотрафика Эквадор вышел на третье место по объему изъятых наркотических средств в государствах Латинской Америки.

Одним из крупнейших субъектов стран Андского треугольника, производящих коку и кокаин, остается Боливия, которая зависит от доходов, получаемых от наркоторговли, гораздо больше, чем Колумбия и Перу. Производство и продажа наркотических средств в 1990-х гг. давала ежегодный доход Боливии в размере 1 млрд дол. США, в то время как ВВП страны на тот момент равнялся 8 млрд дол. США. Наркомафия имела доход около 2,5 млрд дол. США.

По оценкам экспертов, культивированием коки занимается пятая часть крестьянского населения Боливии.

Среди многочисленных причин и условий, которые служат барьером для сокращения имеющихся в стране площадей коки, пожалуй, ключевой следует назвать идеальную конкуренцию коки в сравнении с остальными продуктами сельскохозяйственного растениеводства. Уничтожение площадей коки и снижение ее культивирования автоматически влечет рост цен образования на ее листья, и выращивать коку становится еще выгоднее.

На сегодняшний день страна представляет из себя плацдарм для транзита кокаина не только в страны Латинской Америки – Парагвай, Чили, Бразилию, в государства Центральной Америки – США, Мексику, но и в страны – члены ЕС и Восточной Европы [7, с. 7].

Предпринимаемые усилия правоохранительных органов Боливии, связанные с прекращением незаконного культивирования коки, не всегда заканчивались успехом. Все это указывает на то, что проблему борьбы с наркотиками в Боливии, по крайней мере, не корректно связывать исключительно только с ликвидацией посевных площадей коки. Необходимо учитывать особенности, самобытность, а также историческую и этническую специфику боливийского народа. Коренное население в Андах культивировало кустарник коки порядка тысячи лет тому назад. И в настоящее время боливийское население продолжает использовать коку как лекарственное и тонизирующее средство, народные целители и колдуны – для совершения ри-

туальных обрядов. Даже Конституция Многонационального Государства Боливия, принятая в 2009 г., рассматривает коку как часть культурного наследия страны.

В настоящее время в Боливии эффективно функционируют многочисленные государственные подразделения и организации, отвечающие за противодействие незаконному обороту наркотиков. Высший национальный орган Боливии, который контролирует незаконную торговлю наркотическими средствами, – Национальный совет по борьбе с наркотрафиком (CONALTID). Среди первоочередных задач CONALTID можно назвать мероприятия по разработке национальных стратегий, связанных с составлением, реализацией, контролем и координацией различных планов, проектов, программ, направленных на альтернативное развитие и борьбу с наркобизнесом, профилактику, лечение наркомании, реабилитацию и социальную реинтеграцию наркозависимых.

Среди других важных подразделений по борьбе с наркотиками являются FELCN – одна из специальных служб Боливии, занимающихся противодействием распространению наркотических средств, FТС – Объединенная оперативная группа по уничтожению посевов коки, UELICN – одно из специальных исполнительных подразделений, противодействующих распространению наркотиков и проводящих специальные операции в этой сфере, UIF – группа по финансовым расследованиям, которая обнаруживает и анализирует финансовую информацию и готовит отчеты для компетентных органов о наркотрафике, коррупции и отмытии денежных средств (была создана в связи с принятием в 1997 г. закона, установившего ответственность за деятельность, связанную с легализацией и отмытием денежных средств). В Вооруженных силах страны в целях борьбы с наркотиками создано специальное подразделение «Черные дьяволы», в Военно-воздушных силах – аналогичное подразделение «Красные дьяволы», а в сухопутных войсках – «Зеленые дьяволы» [1, с. 189].

Согласно ст. 9 Закона о Боливийской полиции, вступившего в силу на основании Верховного указа Президента Боливии от 3 ноября 2010 г. № 690, в организационную структуру Боливийской полиции помимо иных служб входят специальные силы по борьбе с наркотрафиком [12, с. 57].

Несмотря на предпринимаемые действия государственных органов по борьбе с наркотиками, в настоящее время в Боливии наблюдается криминальная активность, связанная с изготовлением и продажей наркотических средств и в первую очередь кокаина. Дело в том, что Боливия находится в самом центре наркотрафика Южной и Центральной Америки и, кроме того, граничит с Бразилией, которая является одним из крупнейших среди латиноамериканских стран потребителем наркотических средств. Также Боливия имеет общую границу с Перу – одним из главных мировых производителей кокаина и соседствует с Парагваем – важнейшим поставщиком каннабиса.

Из Колумбии, Эквадора и Перу наркотики транспортируют воздушным и морским путем, перевозить их по суше мешает непроходимая болотистая местность Панамы. Морские транспортировки осуществляются при помощи быстроходных катеров и рыболовецких судов. Боливия транспортирует свои наркотики сначала в Бразилию, а затем, через страны Западной Африки, – в государства – члены ЕС, а также в Аргентину, из которой наркотики направляется в Испанию для дальнейшей транспортировки в государства Восточной Европы. С 2014 г. сырье, используемое при производстве кокаина (*pasta de coca*), из Боливии и Перу направляется в Колумбию в лаборатории по производству наркотиков. Затем крупные партии готового кокаина перевозят в контейнерах торговых судов в государства – члены ЕС [8, с. 37].

Сопротивление наркотрафику в государствах – членах Андского сообщества наций уже не ограничивается только национальными рамками. Противодействие транзиту наркотиков становится важнейшим из факторов, способствующих интеграции стран Андского треугольника. У идеи совместной борьбы с наркотиками в рассматриваемых странах появляется все больше единомышленников. Все чаще озвучивается мысль о том, что переломить ситуацию,

связанную с наркотрафиком, возможно лишь сообща и на основе тщательной и скоординированной совместной политики. Для государств – членов Андского сообщества наций для борьбы с незаконным оборотом наркотических средств важно усилить взаимодействие со всеми государствами Западного полушария не только на двустороннем, но и на многостороннем и региональном уровнях.

Государства – члены Андского сообщества наций являются участниками разнообразных программ по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств. Эти программы ориентированы на различные региональные объединения и международные организации – сторонников активизации сотрудничества в данной сфере. Так, например, они регулярно принимают участие в заседаниях Совета UNASUR – Союза южноамериканских наций, которые посвящаются вопросам борьбы с наркотиками на мировом уровне*.

Среди региональных программ можно назвать программу борьбы с наркотиками – PRADICAN, которая направлена на укрепление национальных систем по наблюдению за состоянием в области незаконного оборота наркотических средств и созданию объединяющих сетей**. Страны Андского треугольника принимают активное участие в работе сессий Межпарламентской комиссии по борьбе со злоупотреблением наркотическими средствами – SICAD. Комиссия выполняет роль центрального директивного органа в системе Организации Объединенных Наций, который занимается борьбой с незаконным оборотом наркотиков***.

Кроме того, правительства Боливии, Перу, Колумбии стали инициировать «программы альтернативного развития» в целях достижения планомерного переключения той части общества, которое занято культивированием коки и производством наркотических средств, на производственные процессы, связанные с другой продукцией, с помощью государственной дотации и на основе заинтересованности работников. Совершенно очевидно, что власть начала осознавать необходимость помимо репрессивной политики использовать альтернативные экономические меры противодействия наркобизнесу [2, с. 11].

Вместе с тем скорые радикальные перемены в сфере противодействия наркопреступности как в целом в Андском сообществе наций, так и в отдельных странах рассматриваемого региона вряд ли стоит ожидать. Возможно, в сложившейся ситуации для борьбы с наркобизнесом следует заняться разработкой последовательной долгосрочной стратегии по борьбе с наркотиками. Однако только реализация разнообразных планов борьбы с наркотиками, а также эффективность проведения операций, связанных с ликвидацией преступных формирований наркобизнеса, силами правительственных войск и специальных структур не могут принести желаемого результата по ряду причин. Так, например, латиноамериканский социум весьма толерантно относится к лицам, участвующим в наркобизнесе. Не является секретом, что наркобароны занимаются благотворительностью, финансируя церковные приходы и помогая нуждающимся. Активную роль в сфере развития наркобизнеса и наркотрафика играют незаконные вооруженные формирования различного толка, активно противодействующие правоохранительным органам и в первую очередь муниципальным полицейским и иным правоохранительным инстанциям (суд, прокуратура и др.).

Таким образом, в настоящее время явно прослеживается тенденция государств – членов Андского сообщества наций наладить и усовершенствовать деятельность региональных институтов, ориентированных на противодействие наркопреступности. Правительства и ли-

---

* UNASUR. UPL: <http://www.unasursg.org/en/consejo-suramericano-sobre-el-problema-mundial-de-las-drogas> (дата обращения: 29.12.2018).

** Комиссия ООН по наркотическим средствам открывается в Вене призывом к укреплению сотрудничества в противостоянии наркотикам. UPL: <http://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2012/March/commission-on-narcotic-drugs-opens-in-vienna-with-calls-for-stronger-networks-to-confront-illicit-drugs.html> (дата обращения: 29.12.2018).

*** Programa Anti-Drogas Ilícitas en la Comunidad Andina. UPL: <http://www.comunidadandina.org/DS/pradican.htm> (дата обращения: 29.12.2018).

деры стран Андского треугольника с каждым годом демонстрируют поиск новых подходов, которые бы смогли принести желаемые результаты в решении такой важной проблемы, как борьба с незаконным оборотом наркотиков.

Литература

1. Агапова Е. А. Борьба с наркотрафиком в Боливии на современном этапе // Иberoамериканские тетради. 2013. № 1(1).
2. Варгасова Е. Нелегальные рынки наркотиков и оружия в Латинской Америке // Политические изменения в Латинской Америке. 2011. № 9.
3. Евдокимов Л. В. Особенности латиноамериканской интеграции // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 72011. № 4.
4. Клейменов И. М. Организованная преступность в Колумбии и Мексике // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2014. № 2 (39).
5. Кобец П. Н., Ильин И. В. Опыт Турецкой Республики по предупреждению преступности в сфере незаконного оборота наркотиков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41).
6. Кобец П. Н. Основные направления борьбы с наркопреступностью в Испании // Научный портал МВД России. 2018. № 1(41).
7. Кобец П. Н. Положительный опыт и основы государственной политики Французской Республики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Вестник развития науки и образования. 2017. № 3–4.
8. Морозов Д. В. Центральная Америка в региональной системе незаконного оборота наркотиков // Латинская Америка. 2017. № 10.
9. Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005.
10. Трансграничный терроризм: угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества (латиноамериканский вектор) / отв. ред. Б. Ф. Мартынов. М.: Наука, 2006.
11. Транснациональный наркобизнес: новая глобальная угроза / отв. ред. А. Н. Глинкин. М.: РОССПЭН, 2002.
12. Хазов Е. Н., Саудаханов М. В. Полиция Многонационального Государства Боливия // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6.
13. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Умалы немало... Перу между рынком и этатизмом // Латинская Америка. 2011. № 9.
14. Constitution Politica del Peru de 1993.
15. Henderson J. D. Victima de la globalizacion: la historia de como el narcotrafico destruyo la paz en Colombia. – Siglo de Hombre Editores, 2012.
16. Monitoreo de Cultivos de Coca en el Peru 2014, Lima, 2015.
17. Plan Colombiana. ANCOL. Bogota, 2000.
18. Peru Coca Survey 2010. Lima, 2011.
19. Por la Dignidad. Estrategia Boliviana de la Lucha contra el Narcotrafico 1998–2002. La Paz, 2002.
20. Prandini P., Maggiore M. L. Cibercrimen en America Latina y el Caribe. Una vision desde la sociedad civil. LACNIC. 2013.
21. Sanchez J. M. Hatun Willakuy: Importancia del Relato en la Politica (Comentarios al Informe Final de la Comision de la Verdad y Reconciliacion del Peru) // Nueva Sociedad. 2005. № 197.
22. Transnational Organized Crime in Central America and Caribbean. A Threat Assessment. Vienna, 2012.
23. UNODC. Indicadores de Cultivos Ilícitos en el Ecuador. 2014.
24. Villar Oliver. Inside the «Cristal Triangle»: The USA «War on Narcoterrorism» in Colombia // International Review of Business Research Paper. 2009. Vol. 5. № 3.
25. World Drug Report. 2011. United Nations, New York, 2011.
26. World Drug Report. 2015. United Nations, New York, 2015.

УДК 343.97

КИБЕРБУЛЛИНГ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Анастасия Вадимовна Путинцева, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: putinceva-valent@mail.ru

В современном мире Интернет предоставляет пользователям огромные возможности, но вместе с этим дает неограниченную свободу для создания различной информации, которая может быть опасной и нанести вред другим людям. Интернет-коммуникации способствуют возникновению кибербуллинга, представляющего собой психологическое насилие в Сети. Феномен кибербуллинга является актуальной проблемой и нуждается в обсуждении и поиске методов решения.

Ключевые слова: Интернет; интернет-опасность; кибербуллинг; травля; подростки; агрессия; социальные сети; психологическое здоровье.

CYBERBULLYING: ACTUAL PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Anastasiya Vadimovna Putintseva, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the modern world, the Internet provides users with enormous opportunities, but at the same time gives unlimited freedom to create various information that can be dangerous and harm other people. Internet communications contribute to the emergence of cyberbullying, which is a psychological abuse of the network. The phenomenon of cyberbullying is an urgent problem and needs to be discussed and the search for methods of solution.

Keywords: Internet; Internet danger; cyberbullying; harassment; adolescents; aggression; social networks; psychological health.

Жизнь человека постиндустриального общества сопряжена с большим количеством процессов, из которых самым влиятельным является процесс глобализации. Происходит он по большей части путем освоения все больших средств коммуникации, что может носить как положительный, так и отрицательный характер. Глобальный масштаб, стремительное развитие и распространение современных коммуникаций превращают пользователей в «обитателей» единого киберпространства. Самой неочевидной из проблем, являющихся следствием глобализации, необходимо считать кибербуллинг, представляющий собой психологическое насилие в Сети.

Первичным же было понятие «буллинг» (bullying – от bully, в переводе с английского это хулиган, драчун, задира, грубиян и насильник), обозначающее запугивание, физический или психологический террор, который направлен на то, чтобы в первую очередь вызвать страх и тем самым подчинить себе. Буллинг является относительно новым термином, обозначающим старое, можно сказать, вековое явление – детскую жестокость. Буллинг – это форма насилия, которая имеет место в школьной среде.

Буллинг в современном научном мире, прежде всего на Западе, рассматривается как серьезная социально-педагогическая проблема. Первое упоминание о буллинге появилось довольно давно, еще в 1905 г., когда английский психолог К. Дьюкс в одной из своих работ впервые исследовал данный феномен, и уже в дальнейшем его научные изыскания были положены в основу целого ряда трудов различных европейских исследователей.

Само понятие буллинга рассматривается различными исследователями по-разному, но в одном их определения схожи: буллинг – это регулярное сознательное насилие, осуществ-

вляемое в одиночку или группой людей с целью навредить другому и направленное против отдельного человека, который психологически и (или) физически слабее.

Причины буллинга могут быть самыми различными. Нередко школьники перенимают пример поведения от своих родственников или общества, где главенствует культ грубой силы. По современному телевидению бесконечно транслируются бандитские телесериалы, а также в некоторых случаях даже сами школьные учителя дают начало проявлениям буллинга, придумывая детям различные клички и позволяя себе оскорбление отдельных учеников в присутствии одноклассников или же демонстрируя свое неуважительное отношение к ученикам при помощи интонаций или выражения лица.

Проявления буллинга могут осуществляться как в физической, так и в психологической форме: насмешки, угрозы, вербальная агрессия, постоянная негативная оценка жертвы, вымогательство, физическое и психологическое унижение, различного вида издевательства, бойкот и игнорирование, порча личных вещей и прочее. Например, школьное насилие часто направлено на одаренных детей, «отличников» и победителей различных школьных олимпиад (по принципу банальной зависти).

Новое время, связанное с развитием современных информационных технологий, внесло в рассматриваемое явление свои коррективы, вследствие чего появился кибербуллинг как феномен интернет-коммуникации, который в настоящее время активно развивается и становится сложной проблемой.

Термином «bullying» (издеваться, запугивать, донимать, тиранить) в англосаксонском варианте обозначается психотеррор, а префикс «cyber» означает «связанный с компьютерами, информационными и иными технологиями» [4, с. 144].

Феномен и термин «кибербуллинг» возникли в 2000-х гг. и напрямую связаны с повсеместным распространением Интернета [5, с. 235].

Феномен кибербуллинга является популярным среди зарубежных и отечественных исследователей. Впервые сам термин «кибербуллинг» был введен Биллом Белсеем (Bill Belsey), который определил его как использование информационных или коммуникационных технологий для преднамеренного, повторяющегося и враждебного поведения в отношении кого-либо с целью нанести вред [8, р. 31]. Американские исследователи Джастин Пэтчин и Самир Хиндуя кибербуллинг определяют как повторяющиеся и преднамеренные нападки, которые совершаются с использованием компьютера, мобильного телефона или других электронных технических средств [10, р. 129].

Зарубежные исследователи установили основные особенности онлайн-травли и определили их как anonymity, availability, lowcost – анонимность, доступность и низкая цена. В данном случае анонимность исключает возможность наблюдать за реакцией жертвы, в связи с чем происходит подмена реального на виртуальное. В современном мире Интернет является повсеместным и доступным, что дает возможность преследователю проявлять онлайн-агрессию, не прерывая свою основную деятельность [9, р. 187].

В отечественной правовой науке рассматриваемый феномен стали исследовать относительно недавно. По мнению О. С. Черкасенко, под кибербуллингом следует понимать преднамеренные агрессивные действия, направленные против жертвы, которые осуществляются систематически на протяжении определенного промежутка времени с использованием электронных форм взаимодействия [6, с. 91]. С. М. Анохин под кибербуллингом понимает агрессивное умышленное действие, совершаемое с использованием электронных технологий, повторяющееся неоднократно в отношении жертвы, которая не может себя защитить [1, с. 209]. С точки зрения С. Е. Ковалевой, кибербуллинг – это непрерывное отправление сообщений, которые содержат оскорбления, агрессию, угрозы и компрометирующую информацию [3, с. 122]. Как видим, четкого и единообразного определения кибербуллинга в правовой среде России пока нет.

В настоящее время информация, появившаяся в социальных сетях, выходит из-под контроля, и оскорбления, унижения, различные фотографии и видеоматериалы способны циркулировать по интернет-пространству бесконечно долгое время. Жертвами кибербуллинга в основном становятся подростки, которые считаются самыми активными пользователями Интернета.

Выяснение отношений между подростками было всегда, однако, если до эры интернет-технологий и электронных средств коммуникации подростковые издевательства проявлялись открыто, то в настоящее время они, переместившись из реальной среды в виртуальную среду, приобрели более жестокий и опасный характер.

Кибербуллинг привлекает подростков тем, что нападающий не может видеть жертву и в связи с этим ему легче подавить в себе чувство жалости [2, с. 122]. Преследование со стороны сверстников проявляется в виде издевательств, насмешек, запугиваний и прочих действий, которые негативно влияют на психическое состояние подростка. В результате подобных действий у ребенка создается ощущение безысходности, даже дома его не оставляет чувство тревоги, он впадает в депрессию, что может привести к суициду. Несовершеннолетние крайне редко обращаются за помощью, опасаясь быть непонятыми, боятся наложения запрета на пользование Интернетом.

Электронные формы проявления агрессивных действий и особенности онлайн-пространства определяют специфику кибербуллинга. Во-первых, для онлайн-травли характерна анонимность и невозможность сразу же определить обидчика. Агрессор может выдавать себя за другого человека или даже действовать от имени своей жертвы.

Помимо анонимности распространению кибербуллинга способствуют: повсеместный и круглосуточный доступ в онлайн-пространство; быстрая распространяемость информации, а также возможность ретрансляции; доступность многочисленных современных средств коммуникации; скрытость данной проблемы; значительная аудитория пользователей (свидетелей). Кроме того, виртуальная среда способствует уменьшению чувства ответственности за свои действия.

Чтобы конкретизировать масштабы угрозы кибербуллинга, необходимо отметить, что каждый десятый российский ребенок становится жертвой кибербуллинга [7, с. 619]. Вместе с тем наблюдается широкий разброс статистических данных о вовлеченности несовершеннолетних в кибербуллинг. Это связано с тем, что не каждая жертва рассказывает об онлайн-атаках и действительное количество проявлений онлайн-травли намного выше официальных статистических показателей.

К основным проявлениям кибербуллинга можно отнести: распространение порочащих сплетен и слухов, различные угрозы, рассылка очерняющих фотографий и картинок, создание копий аккаунта пользователя, неправомерный доступ в аккаунт жертвы и раскрытие конфиденциальной информации или публикация фото- и видеоматериалов. Наиболее популярными проявлениями кибербуллинга являются рассылка порочащих фотографий, а также публикация недостоверных объявлений об оказании сексуальных услуг.

Основными платформами, с которых осуществляется кибербуллинг, являются: социальные сети, мессенджеры (программы для обмена сообщениями через Интернет: WhatsApp, Viber и другие), электронная почта, чаты, форумы, блоги, SMS-сообщения.

Пережитая онлайн-травля нередко приводит к деформации личности подростка с долгосрочными последствиями социального, педагогического, психологического и физиологического характера. В первую очередь проявляется социальная подавленность: скрытность и замкнутость, нежелание контактировать с людьми, отказ посещать учебное заведение, диванное поведение и прочее. Указанные проявления оказывают воздействие на педагогическую составляющую развития подростка: наблюдается низкая учебная активность, нестабильные оценки и, как следствие, общее снижение успеваемости.

Наиболее серьезной проблемой от пережитых атак является психологическая подавленность несовершеннолетнего, которая влияет на его развитие и накладывает отпечаток на всю жизнь. К последствиям психологического характера необходимо отнести: неуверенность в себе, психическое расстройство, чувство тревоги и страха, подозрительность, мысли о суициде.

Таким образом, в силу особенностей психики, у несовершеннолетнего, ставшего жертвой онлайн-травли, последствия от глубоких внутренних переживаний могут привести к различным хроническим заболеваниям и нанести реальный вред здоровью. В связи с этим важно выстроить максимально продуктивную теоретическую модель оказания помощи подростку, который стал жертвой кибербуллинга.

Необходимо отметить, что в Российской Федерации принимаются различные меры и действуют определенные механизмы защиты потребителей информации от негативного воздействия интернет-среды: успешно функционируют различные «горячие линии» для сбора и анализа информации об опасном или незаконном контенте; существуют различные центры и некоммерческие партнерства, призванные консолидировать участников интернет-рынка, оказывать психологическую помощь, а также информационную поддержку несовершеннолетним, столкнувшимся с опасностью во время интернет-соединения.

Также существует возможность установить ограничение для посещения несовершеннолетними различных интернет-сайтов – так называемая программа родительского контроля. В большинстве российских школ запрещается использовать мобильные телефоны во время учебных занятий, а процесс обучения ориентирован на формирование у подростков навыков пользования Интернетом в строго определенных и благоприятных целях, повышающих их интеллектуальный уровень.

Вместе с тем в настоящее время в России отсутствует развитая политика, направленная на борьбу с кибербуллингом. Необходимым шагом в урегулировании данной проблемы является повышение правовой культуры подростков путем проведения регулярных встреч, собеседований и взаимодействия школьников с представителями правоохранительных органов, которые укажут на опасность подобного негативного поведения и возможные его последствия в виде склонения другого человека к суициду и возникновения психических расстройств. Кроме того, необходимо закрепить за каким-либо государственным органом либо за администраторами социальных сетей функции мониторинга запрещенного и «суицидального» контента, а также принять необходимые меры, которые смогли бы послужить стимулом для операторов связи предоставлять услуги, отвечающие требованиям безопасности, то есть максимально свободные от противоправного и запрещенного контента.

В целях уголовно-правовой охраны личности является актуальным внесение изменений в ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», снизив возраст уголовной ответственности за данный вид преступления до 14 лет, поскольку общественная опасность подобных деяний очевидна не только во взрослой среде, но и среди несовершеннолетних, а также предусмотреть в КоАП РФ ответственность за травлю, что позволит обеспечить защиту людей от травли в Интернете.

Подводя итог, отметим, что кибербуллинг представляет собой новый феномен интернет-коммуникации, который в настоящее время активно распространяется. Кибербуллинг представляет серьезную угрозу развитию современного общества, от нейтрализации которой зависят психологическая устойчивость подрастающего поколения и стабильность жизнедеятельности всего общества. Проблема онлайн-агрессии нуждается в изучении, обсуждении и поиске методов ее решения.

Литература

1. Анохин С. М., Анохина Н. Ф. Травля учителя – симптом неблагополучия // Народное образование. 2015. № 4.
2. Зинцова А. С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 3 (35).
3. Ковалева С. Е. О некоторых актуальных социально-психологических проблемах виртуальной коммуникации в информационную эпоху // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2017. № 5–6 (39–40).
4. Колодей К. Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления / пер. с нем. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007.
5. Харитоновна А. О., Викторова А. С., Тазетдинова А. А. Феномен кибербуллинга как угроза негативно-го влияния на детей школьного возраста // Новая наука и формирование интегративно-целостного мышления: сб. науч. тр. Казань: ИП Кузьмин С. В., 2017.
6. Черкасенко О. С. Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. № 6 (53).
7. Щипанова Д. Е. Кибербуллинг как фактор риска в образовательной среде // Новые информационные технологии в образовании: мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 10–13 марта 2015 г. Екатеринбург, 2015.
8. Belsey B. Cyberbullying: An emerging threat to the «always on» generation. Recuperado el 14. 2006. URL: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf
9. Cooper A. Sexuaity and the Internet: Surfing into the new millennium // CyberPsychology and Behavior. 1998. № 1 (2).
10. Hinduja S., Patchin J. W. Cyberbullying: An exploratory analysis of factors related to offending and victimization // Deviant Behavior. 2008. Vol. 29, № 2.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И СРЕДСТВА ПОИСКА И ОБНАРУЖЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Николай Николаевич Егоров, профессор кафедры Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

E-mail: egorovnn@yandex.ru

В статье рассмотрены методы поиска и обнаружения доказательств, которые условно делятся на органолептические, физические, физико-химические и химические. В органолептическом обнаружении доказательств участвуют органы чувств человека. Основным из органолептических методов является визуальный, не создающий угрозу для жизни и здоровья применяющего его лица. Для обнаружения латентных следов преступления, не видимых в силу размерных характеристик, физических и иных свойств, применяются физические, физико-химические и химические методы. Приводится перечень технико-криминалистических средств, с помощью которых реализуются перечисленные методы.

Ключевые слова: собирание доказательств; поисковые операции; органолептические методы; визуальный метод; физические методы; физико-химические методы; химические методы; осветители; лупы; микроскопы; металлоискатели; георадары; портативные рентгеновские установки; экспресс-тесты.

CRIMINALISTIC METHODS AND MEANS OF SEARCH AND DETECTION OF EVIDENCE

Nikolay Nikolaevich Egorov, professor of the Department of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor

The article deals with the methods of search and detection of evidence, which are divided into organoleptic, physical, physico-chemical and chemical. In the organoleptic detection of evidence involved human senses. The main of the organoleptic methods is visual, which does not pose a threat to the life and health of the person using it. Physical, physico-chemical and chemical methods are used to detect latent traces of crime that are not visible due to dimensional characteristics, physical and other properties. The list of technical and criminalistic means by means of which the listed methods are realized is given.

Keywords: evidence gathering; search operations; organoleptic methods; visual method; physical methods; physical and chemical methods; chemical methods; illuminators; magnifiers; microscopes; metal detectors; georadars; portable x-ray units; expert tests.

На любую познавательную деятельность, в том числе и на доказывание, распространяются все закономерности, изучаемые гносеологией, в том числе структура познавательной деятельности, критерии истинности и достоверности знания и т.д. Естественно, на процесс познания в сфере уголовно-процессуальной деятельности влияет специфика доказывания, отличающая его от других видов познания.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством определяется, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 85 УПК РФ). Отсюда вытекает, что собирание доказательств является первым и основным этапом работы с доказательствами, поскольку что соберем, то и в дальнейшем будем проверять, оценивать и использовать.

Закон не определяет, из чего складывается собирание доказательств, поэтому разные авторы вкладывают в его содержание различное количество элементов:

от двух – обнаружение и фиксация доказательств [2, с. 128];

до четырех – обнаружение (поисковые и познавательные операции), фиксация (удостоверительные операции), изъятие и сохранение доказательств (правообеспечительные операции) [1, с. 29; 4, с. 70];

и более. Например, Л. И. Слепнева к четырем вышеуказанным элементам, добавляет еще три:

– изучение доказательств (предварительное исследование в ходе следственных действий на месте их производства, а также в лабораторных условиях);

– экспертное исследование вещественных доказательств;

– использование доказательств в целях получения новой криминалистически значимой информации (составление розыскных таблиц, создание информационно-поисковых систем, ведение криминалистических учетов и справочно-информационных коллекций, выдвижение версий и т.п.) [3, с. 24].

Как видно из вышеизложенного, общим мнением является то, что собирание доказательств начинается с их обнаружения. Чтобы подчеркнуть поисковый характер первоначального этапа собирания доказательств, его иногда называют «поиск и обнаружение доказательств».

Поиску, как правило, предшествует достаточно сложная мыслительная деятельность, включающая моделирование механизма преступления в целях выявления мест вероятного нахождения доказательств. При моделировании механизма преступления во внимание принимается «крест образования следов», включающий: преступника – жертву (предмет преступного посягательства) – орудие преступления (средства защиты) – место преступления (место происшествия)*. Дальнейший поиск осуществляется в местах этого вероятного контакта между вышеупомянутыми объектами, тем самым повышается вероятность обнаружения следов, имеющих отношение к событию преступления.

При моделировании события преступления используются объективный и субъективный методы, что не исключает применения их в совокупности. Объективный метод предусматривает выделение для детального обследования мест реального контакта элементов «креста образования следов». В основе субъективного метода лежит то, что следователь или специалист ставят себя на место преступника и смотрят, какие места могли привлечь внимание последнего. Эти места, а также места, на которые указали потерпевшие или очевидцы, участвующие в обследовании, выделяются для последующего детального осмотра.

---

* Криминалистическое исследование следов. URL: <http://www.be5.biz/pravo/k009/12.html> (дата обращения: 06.05.2019).

В некоторых случаях объективный и субъективный методы не срабатывают, например, на месте авиационной катастрофы, когда приходится производить сплошное обследование места катастрофы.

Для непосредственного обнаружения доказательств применяются достаточно разнообразные методы, которые условно можно свести к органолептическим, физическим, физико-химическим и химическим. Использование указанных методов часто носит комплексный характер, поскольку одни и те же методы могут быть направлены на выявление различных следов преступления. Применение этих методов совершается последовательно: от простого – к более сложному, от неразрушающего (недеструктивного) – к разрушающему (деструктивному).

Органолептические методы обнаружения доказательств основаны на использовании органов чувств человека, что предполагает их субъективизм. Кроме субъективизма к недостаткам органолептических методов можно отнести выражение результатов их применения в относительно безразмерных величинах: цвет и тон (светлее, темнее), вкус (слаще, кислее) и т.п., а также невозможность сопоставить и воспроизвести результаты применения органолептических методов. Следует также учитывать, что с возрастом показатели органолептических органов понижаются у большинства людей. К достоинствам органолептических методов относят доступность и быстроту обнаружения доказательств без привлечения технических средств, иногда достаточно дорогостоящих.

Хотя в органолептическом обнаружении доказательств могут участвовать все пять органов чувств человека (визуальный, осязательный, обонятельный, вкусовой методы и аудио-метод), основным из них является визуальный, который не создает угрозу для жизни и здоровья лица, его применяющего. Множество следов преступления обнаруживается именно с помощью этого метода, например, видимые и маловидимые следы-отображения человека (рук, ног и др.), следы орудий взлома, транспортных средств, видимые следы применения оружия, документы и др.

Визуальное обнаружение макрообъектов затруднений, как правило, не вызывает, необходимо только достаточно хорошее освещение. Для обнаружения видимых и маловидимых следов на прозрачных, глянцевых и полированных поверхностях предметов и других объектов используется визуальное исследование при особых условиях освещения: в боковом и косо падающем свете под различными углами, выбираемыми опытным путем; в проходящем свете (на просвет); с использованием вертикального и лобового освещения; бестеневого освещения, при котором осветительные приборы располагаются вокруг объекта осмотра и закрываются различными экранами, как правило, матовыми стеклами, при этом каждый источник света не дает направленного освещения и нейтрализует тень, образуемую иными источниками, и т.п.

В качестве средств освещения могут использоваться источники общего света, например, световая башня «Свеба» с автономным источником питания, предназначенная для освещения места происшествия в темное время суток в радиусе до 20 м, либо источники направленного света (электрические фонари, входящие в следственные комплекты, налобные фонари с дальностью освещения до 100 м и устройством фокусировки луча на всем диапазоне дальности и др.)^{*}.

Для целей визуального обнаружения доказательств специально предназначены источники экспертного света, например, светодиодный источник экспертного света Crime-Lite 82S, который включает в себя криминалистические источники света различных световых диапазонов и источник белого света с регулируемой интенсивностью, в комплекте со съемными красным, зеленым и синим фильтрами, увеличивающими контрастность наблюдений на цветных фонах.

^{*} Техника для ОМП. Осветительное оборудование. URL: <http://www.krimitex.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

Для обнаружения латентных следов преступления, которые не видны в силу размерных характеристик, физических или иных свойств, применяются физические, физико-химические и химические методы.

Физические методы предполагают использование известных физических процессов, например, проницаемости рентгеновских лучей или электромагнитной индукции при поиске металлических предметов, или то, что органы чувств человека усиливаются с помощью приборов, например, зрение с помощью лупы или микроскопа.

Для обнаружения микроскопических объектов или изучения свойств и признаков обнаруженных объектов применяются лупы (2-, 4- и 10-кратного увеличения, измерительные лупы, лупы с подсветкой и др.) и микроскопы. При осмотре документов и других предметов могут применяться бинокулярные лупы, которые дают стереоскопичность (объемность) зрительного восприятия*. Для получения значительных увеличений применяются портативные микроскопы с возможностью увеличения до 600 крат. При подключении кабеля USB можно просматривать изображение на экране компьютера, сохранять его, а также проводить измерения исследуемых объектов**.

Обнаружение объектов в отраженных ультрафиолетовых лучах основано на том, что многие вещества под действие УФ-лучей начинают люминесцировать либо, наоборот, возможна люминесценция фона, на котором выделяется нелюминесцирующий объект. Воздействие УФ-лучей вызывает видимую люминесценцию, ее наблюдение не требует применения каких-либо приборов и может осуществляться невооруженным глазом. Многие объекты при облучении УФ-лучами ярко светятся и легко обнаруживаются даже в небольших количествах, например, брызги смазки в следах близкого выстрела на преградах, следы биологического происхождения, волокна и др. Слабо люминесцирующие объекты лучше выявлять в затемненном помещении. В качестве средств обнаружения могут использоваться как ультрафиолетовые осветители, например, ультрафиолетовый детектор «Корунд-УФ», так и источники экспертного света с более широким спектром действия, включая УФ- и ИК-диапазоны***.

Обнаружение объектов в отраженных инфракрасных лучах основано на том, что коэффициенты пропускания, отражения и поглощения многих веществ в ИК-области несколько иные, чем в видимой части спектра. Это свойство ИК-лучей позволяет выявить объекты и их особенности, неразличимые в видимом свете. Например, ИК-лучи хорошо поглощаются красителями, содержащими углерод (сажу) и соли металлов, и в то же время легко проникают через анилиновые красители, тонкие слои бумаги, дерево и другие материалы, которые в видимой области непрозрачны. Использование ИК-лучей дает возможность выявлять залитые (замазанные) анилиновыми красителями записи, выполненные тушью, графитным карандашом, типографской краской, выявлять дописки, читать тексты, заклеенные в конверты, и т.д.

Визуальное исследование в ИК-лучах осуществляется с помощью портативных электронно-оптических преобразователей (ЭОП), входящих в следственные комплекты. Но более предпочтительным является использование более универсальных комплексов экспертного света, например, комплекса экспертного света DNA Crime-Lite 42S УФ/ИК для выявления и видеофотофиксации следов биологического и иного происхождения (в том числе крови, семенной жидкости, потожировых следов) в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазоне в лабораторных условиях и на местах происшествий****.

Для обнаружения доказательств в настоящее время все более часто применяются криминалистические лазерные системы. Ранее лазерные криминалистические системы не исполь-

---

* Криминалистические лупы. URL: <http://www.bnti.ru/index.asp> (дата обращения: 06.05.2019).

** Портативные микроскопы. URL: <http://www.poznavajamir.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

*** Светодиодные источники экспертного света Crime-Lite 82S. URL: <http://www.aimtech.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

**** Комплекс экспертного света DNA Crime-Lite 42S УФ/ИК. URL: <http://www.aimtech.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

зовались при работе «в поле» из-за их тяжелого веса (больше 9 кг) и высокой цены (более 40 тыс. дол.). В настоящее время появились и портативные системы: например, переносной криминалистический лазер производства компании NOAH SYSTEMS легок, мощен и доступен по цене, он весит 1,7 кг и излучает луч синего цвета мощностью 5 Вт 445 нм, который позволяет обнаруживать следы крови, спермы, слюны, иные следы биологического происхождения, следы выстрела и др.*.

В целях обнаружения латентных (скрытых) объектов, имеющих значение для расследуемого уголовного дела, используются различные поисковые приборы и приспособления, различающиеся по назначению, устройству и принципу действия.

Самыми простыми поисковыми приспособлениями являются щупы, используемые для обследования мягкой мебели, участков снежного покрова, соломенных стогов, куч из сыпучих материалов или иных объектов.

Для поиска различных объектов на местах пожаров и взрывов, для поиска оружия и стреляных гильз путем просеивания песка, опилок и тому подобного могут применяться сита. Комплект сит, выпускающийся Подольским заводом криминалистической техники, включает три сита с размерами ячеек 5x5, 10x10 и 15x15 мм.**

Для вскрытия подозрительной тары на предмет обнаружения вложений могут использоваться различные инструменты и приспособления, включая досмотровые комплекты. Обычно они используются для разборки-сборки конструкций при проведении обследований с разборкой объектов и включают гвоздодеры, кусачки, отвертки, наборы ключей и т.п. Например, комплект досмотровых инструментов «Опер-кейс» предназначен для вскрытия багажа или тары, подозрительной на сокрытие контрабанды***.

Для осмотра нижней части транспортных средств и других труднодоступных мест незаменимы комплекты досмотровых зеркал. Например, комплект досмотровых зеркал «ШМЕЛЬ Альфа» предназначен для осмотра труднодоступных мест в строительных конструкциях, транспортных средствах в целях выявления взрывных устройств, огнестрельного и холодного оружия, контрабанды и т.п.****.

С этой же целью вместо досмотровых зеркал возможно применение досмотровых видеокомплексов. Как правило, они состоят из телескопической углепластиковой штанги с локтевым упором, на которой крепятся цветная видеокамера с ИК-подсветкой, устройство видеозаписи и аккумуляторный блок. Просмотр записанного изображения может осуществляться как на экране видеорегистратора, так и на мониторе ноутбука через USB-порт. Примером могут служить досмотровые видеокомплексы «ШМЕЛЬ-В1» и «ШМЕЛЬ-В2», предназначенные для обследования труднодоступных мест транспортных средств и других объектов в целях выявления взрывных устройств, предметов контрабанды, а также технических средств негласного съема и получения информации. В процессе использования комплекса «ШМЕЛЬ-В1» возможна запись видеоизображения и, по желанию заказчика, речевого комментария*****.

Для поиска предметов из металла могут применяться миноискатели и металлоискатели как военного назначения, так и специально созданные для криминалистических целей. В правоприменительной практике все большее распространение получают металлоискатели, предназначенные для поиска изделий как из ферромагнитных сплавов, так и из цветных металлов,

* Синий криминалистический лазер NOAH Systems. URL: <http://www.kriminalisty.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

** Продукция «Техника для ОМП». Поисковые средства. Комплект сит. URL: <http://www.krimtex.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

*** Комплект досмотровых инструментов «Опер-кейс». URL: <http://www.bnti.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

**** Досмотровое устройство «ШМЕЛЬ Альфа». URL: <http://www.antigun.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

***** Досмотровые видеокомплексы «ШМЕЛЬ-В 1», «ШМЕЛЬ-В 2». URL: <http://www.bnti.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

позволяя устанавливать место нахождения небольших по размеру объектов, например, пуль и гильз. Например, металлодетектор Garrett GTI-2500 позволяет дифференцировать металлы (серебро, золото, железо), их размеры и глубину залегания*. Другой металлодетектор, «УНИСКАН-7215», позволяет выявлять металлические объекты (холодное и огнестрельное оружие, взрывные устройства) на человеке и его одежде, в стенах помещений и мебели**.

Для поиска и обнаружения металлических объектов в водоемах, колодцах, выгребных ямах и тому подобных местах используются магнитные подъемники, основанные на притяжении металлов к постоянному или электромагниту. Например, постоянный магнит «Титан-1» используется для поиска металлических объектов массой до 100 кг в водоемах, колодцах и тому подобных местах***.

При поиске криминальных захоронений и тайников в грунте при относительно небольшой глубине их залегания применяются георадары, работающие на принципе радиолокации среды. Генерируемый сигнал в виде зондирующего радиоимпульса через передающую систему направляется в проверяемое место. Отраженный от разнородных объектов и участков исследуемой среды с различными значениями диэлектрической проницаемости, сигнал воспринимается и регистрируется приемной системой. Обнаруженные неоднородности классифицируются и отображаются на экране дисплея. Достоинствами метода георадиолокации являются сравнительно невысокая стоимость обследования и большая производительность. Георадиолокация обеспечивает непрерывность измерений и достаточно четко устанавливает положение границ разделов различных сред. Недостатки заключаются в том, что в глинистых грунтах радиоволны довольно быстро затухают, а также в том, что обработка результатов сигнала зависит от опыта оператора-интерпретатора. Часто на радарограмме возникают переотражения сигнала и помехи (например, от опор контактной сети, подземных кабелей и т.п.), которые усложняют процесс обработки результатов. Примером данных устройств может служить прибор подповерхностного зондирования «Поиск» для инструментального поиска криминальных захоронений в различных по строению и структуре грунтах на глубинах только до 3 м от поверхности****.

Для поиска тайников и изучения внутреннего строения объектов на месте их обнаружения могут применяться портативные рентгеновские установки. Например, рентгеновская установка X-RAY в комбинации с системой цифровых пластин DIMAP MR3. Процесс сканирования занимает 51 секунду при стандартном разрешении в 150 dpi, более высокие разрешения требуют соответственно больше времени на обработку. Стирание пластины производится путем помещения ее под источник света и длится порядка 90 секунд в зависимости от яркости источника. После стирания ее можно использовать снова практически неограниченное число раз (согласно данным изготовителя, порядка 300000 циклов). Все зависит лишь от серьезности механических повреждений, неизбежных во время эксплуатации*****.

При обследовании труднодоступных и замкнутых объемов без физического в них проникновения могут применяться технические эндоскопы. Например, беспроводной эндоскоп «Детект-Эндо» с монитором и функцией записи на карту памяти позволяет изучать трудно-

* Металлоискатель Garrett GTI-2500. URL: <http://www.garrett-minelab.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

** Металлодетектор «УНИСКАН-7215». URL: <http://www.aka.2000.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

*** Продукция «Техника для ОМП». Поисковые средства. Поисковый магнит «Титан-1». URL: <http://www.krimtex.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

**** Назначение радиотехнического комплекса «Поиск». URL: <https://studfiles.net/preview/6008955/page:44/> (дата обращения: 06.05.2019).

***** Рентгеновская установка X-RAY. URL: <http://www.bnti.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

доступные места и скрытые полости. Он имеет водонепроницаемый объектив с подсветкой и два гибких кабеля длиной 1 и 5 м*.

В основе физических методов выявления невидимых следов-отображений человека (следов рук, ног и одежды) лежит способность потожирового и иного вещества следа люминесцировать под действием определенного освещения или удерживать внедрившиеся в него частицы вещества без вступления с ними в химическую реакцию. Сюда можно отнести выявление следов с помощью дактилоскопических порошков, суспензий (для выявления следов рук на липких поверхностях резиновых и акриловых лент, а также на таких поверхностях, как замасленные стекла, окисленные металлы, оцинкованные поверхности, поверхности с соляным налетом и др.), окуривание парами йода и цианокрилатов, окапчивание, обнаружение с помощью источников инфракрасного, ультрафиолетового освещения и оптических квантовых генераторов (лазеров). Некоторые из этих методов являются не чисто физическими, а физико-химическими, например, выявление с помощью суспензий, окуривание парами йода и цианокрилатов.

Химические методы обнаружения доказательств предполагают обработку места нахождения доказательств веществами, которые при взаимодействии с искомыми следами вступают с ними в цветную окрашивающую реакцию. Например, для выявления невидимых следов рук на бумаге, картоне, неокрашенном дереве обычно используют растворы нингидрина, аллоксана и азотно-кислого серебра. Химические методы обнаружения доказательств по своей природе являются деструктивными (уничтожающими) и поэтому применимы не во всех случаях. Например, запрещается применять химические методы выявления следов рук на документах – вещественных доказательствах.

В целях химического обнаружения некоторых специфических объектов разработаны и используются специальные экспресс-тесты:

для обнаружения следов крови человека применяется экспресс-тест Seratec HemDirect, следов спермы человека – экспресс-тест Seratec PSA Semiquant **;

для обнаружения взрывчатых веществ по их следовым количествам на поверхностях упаковок, на одежде и руках человека, а также на других подозрительных объектах создан комплект для экспресс-анализа проб на наличие взрывчатых веществ «ВИРАЖ-ВВ» ***;

для обнаружения наркотических веществ, алкоголя в слюне и на других объектах применяются комплекты экспресс-тестов для выявления наркотических и сильнодействующих веществ «ЛАКМУС-3» ****.

Таким образом, методы поиска и обнаружения доказательств можно свести к органолептическим, физическим, физико-химическим и химическим. В органолептическом обнаружении используются органы чувств человека.

Для обнаружения латентных следов преступления, которые не видны в силу размерных характеристик, физических или иных свойств, применяются физические, физико-химические и химические методы. Физические методы основаны на использовании известных физических процессов или на том, что органы чувств человека усиливаются с помощью приборов. Применение физико-химических методов поиска и обнаружения доказательств не влечет изменения искомого следа, как правило, он остается неизменным как по составу, так и по массе.

* Продукция «Оборудование для проведения следственных действий». Оборудование и приборы контроля. Беспроводной эндоскоп «Детект-Эндо» с монитором и функцией записи на карту памяти. URL: <http://www.krimech.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

** Продукция «Экспертиза биологических объектов». Расходные материалы. URL: <http://www.krimech.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

*** Комплект для экспресс-анализа проб на наличие взрывчатых веществ «ВИРАЖ-ВВ». URL: <http://www.kriminalisty.ru> (дата обращения: 06.05.2019).

**** Комплект экспресс-тестов (наркотики) «ЛАКМУС-3». URL: <http://www.divecon.net> (дата обращения: 06.05.2019).

Химические методы обнаружения доказательств предполагают использование веществ, которые при взаимодействии с искомым следом дают цветную окрашивающую реакцию.

Литература

1. Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966.
2. Волинская О. В. Доказывание истины в уголовном процессе // Вестник МВД России. 1999. № 3–4.
3. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений / под ред. В. А. Снеткова: учеб. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1996.
4. Шейфер С. А. Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Куйбышев, 1981.

УДК 343.9

УСТАНОВЛЕНИЕ СПОСОБОВ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ, СКРЫТЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ

Николай Евгеньевич Мерецкий, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Николай Григорьевич Шурухнов, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Александр Сергеевич Пудовиков, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: ugpd@rambler.ru

matros49@mail.ru

alexpu71@gmail.com

В рамках данной статьи предпринята попытка определить основные способы насилия в семье, скрытые инсценировками, которые необходимо установить в целях разоблачения субъекта, совершившего противоправные действия в отношении ребенка. Установление данных способов влияет не только на успешное расследование, но и пресечение обозначенных преступлений.

Ключевые слова: преступление; ребенок; инсценировка; насилие; расследование; уголовная ответственность; наказание; подросток; семья.

IDENTIFYING MAIN FORMS OF DOMESTIC VIOLENCE COVERED UP BY PRETENCE

Nikolay Evgenyevich Meretskiy, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation;

Nikolay Gregoryevich Shurukhnov, chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor;

Aleksandr Sergeevich Pudovikov, head of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

Within the framework of this article, an attempt is made to identify the main ways of domestic violence, hidden by dramatizations, which must be established in order to expose the subject who committed illegal actions against the child. The establishment of these methods affects not only the successful investigation, but also the suppression of these crimes.

Keywords: crime; child; pretence; violence; investigation; criminal liability; punishment; teenager; family.

Субъект, совершая преступление в отношении ребенка, в большинстве случаев (63,2%)* задумывается о последствиях своей противоправной деятельности. Он уже заранее (на начальной, т.е. подготовительной стадии) продумывает не только приемы достижения преступного результата, но и способы инсценировки содеянного (сокрытие следов, объектов, времени, места и т.п.), чтобы затруднить органам дознания или следствия установление всех обстоятельств совершенного деяния. Кроме того, с серьезными трудностями при расследовании

---

* Опрос проводился среди 123 осужденных в Хабаровском крае, Кемеровской и Тульской областях, отбывающих наказание за совершенное насилие в семье.

обозначенных преступлений сталкиваются работники правоохранительных органов, пытаются восстановить всю обстановку на месте, где субъект совершал свои противоправные действия.

Инсценировку как способ сокрытия совершенного противоправного деяния нельзя рассматривать изолированно от ее вида (способа, разработанного и реализованного преступником). Она может включать в себя как утаивание или уничтожение, так и маскировку или фальсификацию следов или информации, имеющих доказательственное значение по делу [1, с. 44]. Готовясь к совершению противоправного поступка в отношении ребенка, преступник пытается создать ложную обстановку, используя закономерности мышления любого субъекта (будь то родственники, соседи, следователь или иное лицо), который делает вывод о содеянном в целом, пытаясь домыслить остальные детали события и соединить их в единое целое.

Анализ результатов проведенных исследований позволил установить, что в период совершения насильственных действий в отношении ребенка преступник (отец, отчим, мать или иной родственник) проявляет в них свои привычки, функциональные особенности, психические, психологические или иные наклонности. Этот жизненный «опыт» может сопровождаться соответствующим поведением исполнителя и проявляться как в самом происшедшем событии, так и в действиях, направленных на сокрытие следов, отображенных в обстановке совершенного. Кроме того, субъекты, желающие совершить то или иное противоправное деяние в отношении ребенка, заранее продумывают и разрабатывают мероприятия, направленные на противодействие расследованию путем создания следовой картины, указывающей на некриминальное событие, что в итоге (по их мнению) поможет избежать уголовной ответственности за содеянное. В этих целях субъект заранее тщательно просчитывает возможные варианты развития события, создавая своеобразный мысленный образ планируемого преступления и, исходя из этого, определяет наиболее рациональный способ инсценировки криминального действия.

Практика показывает, что насилие в семье со стороны родителей или опекунов не всегда зависит от желания нанести какое-нибудь преднамеренное увечье ребенку или подростку. Следует обратить внимание на сложность возникающих взаимоотношений в семье между подростком и взрослым, которые могут заключаться в том, что, например, подросток, с одной стороны, стремится к самостоятельности, протестует против излишней опеки, недоверия к нему, мелочного контроля, становится несдержанным, обидчивым, агрессивным в силу того, что его лишают инициативы, относятся к нему, как к маленькому ребенку, а с другой – сталкиваясь с новыми жизненными трудностями, он пытается найти взаимопонимание и поддержку у родителей (опекунов, попечителей), однако не находит этого.

Вместе с тем подросток может проявлять строптивость, упрямство, своеволие, негативизм, провоцировать взрослых, отличаясь явным непослушанием, патологической дерзостью, постоянным игнорированием их требований. Пренебрегая существующими порядками в семье, подросток, требуя социального признания, начинает употреблять алкоголь и наркотики, отрицательно относиться к запретам, заниматься бродяжничеством и т.д., в итоге своим поведением вызывает отрицательное отношение к себе со стороны близких и родственников. Возникающее непонимание друг друга приводит порой к печальным последствиям.

Можно предположить, что именно противоречивые отношения между детьми и родителями (опекунами и иными лицами, проживающими совместно с ребенком и занимающимися его воспитанием) способствуют появлению у взрослых желания наказать подростка каким-либо жестким способом, т.к. неоднократно проводимые с ним беседы о морали, нравственности, надлежащем поведении перестали приносить положительный результат. Эгоцентрическое сознание родителя (опекунов или иных лиц) также влияет на наказание ребенка любым способом, вплоть до лишения его жизни.

Нельзя не отметить, что мотивация взрослого, направленная на воспитание ребенка более жестким способом, может не находить достаточно яркого воплощения ни в личностных

признаках, ни в обыденном, бытовом поведении и не попадать в сферу интереса правоохранительных органов, но даже если попадает, то это не ведет, во-первых, к принятию надлежащих процессуальных решений и, во-вторых, к непосредственному учету лиц, совершающих насилие в семье.

Так, следователем следственного отдела по Кировскому району г. Кемерово Следственного управления СК России по Кемеровской области 18 января 2019 г. возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 286 УК РФ по факту превышения должностных полномочий инспектором ОУУП и ПДН отдела полиции «Кировский» УМВД России по г. Кемерово гр. В. Расследованием установлено, что инспектор В., с 26 сентября 2017 г. по 6 июля 2018 г., работая по сообщению о ненадлежащем исполнении обязанностей гр. Д. по воспитанию приемного сына И., скрыла, что Д. систематически наносит побои И. Вступив в сговор с Д., она приняла заведомо незаконное решение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении в связи с отсутствием в деянии Д. состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, приобщив к материалу проверки объяснение малолетнего И., полученное в присутствии заинтересованного лица Д., в котором малолетний вышеуказанные факты не подтвердил, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов малолетнего И.

В настоящее время по факту истязания малолетнего в отношении гр. Д. возбуждено уголовное дело по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Ребенок изъят из семьи и помещен в специализированное учреждение (детский дом) *.

Следует сказать также о том, что не всегда жертва в состоянии сообщить о фактах насилия, в том числе и по причине возраста, страха или зависимости от насильника.

В отношении ребенка может совершаться не только физическое, но и психическое насилие.

Так, гр. С., являясь отцом малолетнего Д., 2007 г.р., осознавая, что последний в силу возраста находится в беспомощном состоянии, умышленно, систематически в период с 2017 г. по 11 октября 2018 г. постоянно наносил ему побои, а также приковывал к его ноге металлическую цепь, которую путем замка застегивал на гирю, причиняя ему физическую боль и психические страдания. Психическое насилие выражалось в отсутствии возможности в силу своего возраста противостоять С., в тревоге за свое здоровье и чувстве незащищенности. В связи с совершенным в отношении Д. преступлением, а также бездействием со стороны матери ребенок изъят из семьи и помещен в социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних, в отношении С. судом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу **.

Глумление, или моральное истязание, может происходить без причинения физического вреда здоровью, например, в форме выражения недовольства по разному незначительному поводу, угроз, оскорблений, критики, грубости, насмешек, нанесения обиды.

Способы совершения насилия посредством нанесения телесных повреждений многочисленны и заключаются, как правило, в активных действиях. В зависимости от того, использовал ли преступник уже имеющуюся ситуацию для посягательства на жизнь и здоровье ребенка либо создал для этого благоприятные условия, рассматриваемые деяния могут подразделяться на совершенные, во-первых, внезапно, в силу возникшего гнева и, во-вторых, с предварительной подготовкой и заранее разработанным планом применения той или иной инсценировки.

Так, 17 июля 2018 г. в дневное время гр. З., находясь у себя дома в состоянии алкогольного опьянения, на почве ссоры с сожителем К. и возникших неприязненных отношений к малолетнему сыну А., 2013 г.р., которого считала причиной постоянных ссор с К., действуя умышленно, с целью убийства малолетнего А., ножом нанесла А. не менее двух ударов в область шеи и кисти правой руки. Однако свои преступные действия, направленные на убий-

* Материалы уголовного дела № 11902320053030062, возбужденного 18.01.2019 и находящегося в производстве Следственного управления СК России по Кемеровской области.

** Материалы уголовного дела № 11902320005020098, возбужденного 30.01.2019 по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ и находящегося в производстве Следственного управления СК России по Кемеровской области.

ство малолетнего ребенка, не довела до конца по не зависящим от нее обстоятельствам: ввиду активного сопротивления А. и вмешательства К., который на крик ребенка вбежал в комнату и выбил нож из руки З., производившей замах для нанесения очередного удара*.

Изучение практики показывает, что предвидя последствия своих противоправных действий в отношении ребенка, субъект, как правило, заранее начинает продумывать способы их сокрытия под какие-то иные действия некриминального характера. Наиболее распространенными способами инсценировок, спланированных преступником (родителем, попечителем, родственником и т.д.) в целях сокрытия следов, образовавшихся в результате преступных действий, могут быть инсценировки действий, осуществленных якобы самим ребенком или иными субъектами, в частности: 1) неудачное падение как на ровном месте, так и с незначительной высоты; 2) получение травм в результате хулиганского нападения сверстников; 3) случайные удары, полученные от выступающих поверхностей окружающих предметов; 4) порезы, возникшие при выполнении каких-либо домашних работ, например, нарезании хлеба, фруктов и т.д.; 5) ожоги, полученные при воспламенении жидкости, газа или химических веществ в результате баловства со спичками или какими-либо иными легко воспламеняющимися предметами; 6) самоубийство, якобы совершенное путем самоповешения или самоутопления, например, в ванне, водоеме или реке; 7) неудачное, спланированное самим ребенком, падение с высоты; 8) самоотравление каким-либо наркотическим или психотропным веществом; 9) самоубийство с применением стрелкового огнестрельного или холодного оружия; 10) несвоевременное оказание медицинской помощи при подозрении на какое-либо заболевание, а впоследствии обвинение врачей в неправильном лечении; 11) действия, направленные на розыск ребенка в связи с исчезновением или отсутствием его дома продолжительное время.

В некоторых случаях в период расследования, как правило, возникают трудности в определении места получения травмы ребенком, например, являются ли повреждения случайными или причинены в результате насилия, кроме того, телесные повреждения (например, ушибы под одеждой) могут быть для окружающих незаметными или становятся заметными позже.

Следователю при анализе тех или иных следов на теле потерпевшего (ребенка) необходимо установить мотивы и повод насилия, совершенного взрослым, даже если оно и не привело к смертельному исходу. Содержание этих обстоятельств определяют типичные ситуации начала расследования: 1) личность потерпевшего известна, и он может дать показания; 2) личность потерпевшего известна, но факт нанесения побоев тщательно скрывается; 3) нанесение побоев не преследовало цели лишения жизни несовершеннолетнего; 4) имеются данные, что умышленное убийство ребенка замаскировано инсценировкой с целью скрыть факт или обстоятельства истинного совершения преступления. Во всех перечисленных ситуациях виновный, совершивший противоправное деяние, как правило, на данный момент старается остаться неизвестным или скрывает причины содеянного, даже если и установлен.

После возбуждения уголовного дела на основании данных, полученных в ходе осмотра места происшествия, первоначального допроса представителей потерпевшего, а также из других источников, производится планирование расследования [2, с. 124]. При этом могут быть выдвинуты следующие типичные версии: произошло убийство, самоубийство, несчастный случай, скоропостижная смерть в результате болезни, несчастный случай в результате собственной неосторожности, инсценировка самоубийства, несчастного случая или скоропостижной смерти. Кроме того, смерть может наступить и в результате иного события. Частные версии сводятся к получению ответов на семь известных в юриспруденции вопросов, сформулированных еще древнеримским юристом: что, где, когда, каким образом, кем, с помощью кого

---

* Материалы уголовного дела № 11802320032400283, возбужденного 16.08.2018 по ч. 3 ст. 30, п. «в» и ч. 2 ст. 105 УК РФ следователем следственного отдела по Беловскому району Следственного управления СК России по Кемеровской области.

(чего) и с какой целью, и выдвигаются по всем обстоятельствам совершенного преступления, подлежащим установлению.

Следует отметить, что не во всех случаях насильственные действия субъекта в отношении потерпевшего приводят к наступлению смерти последнего. Как правило, в результате их субъект причиняет тяжкий или средней тяжести вред здоровью, который относят к числу наиболее общественно опасных преступлений.

Изучение практики показывает, что за последние годы характер насилия в семье в отношении ребенка претерпел значительные изменения. Нанося телесные повреждения, преступник в большинстве случаев (76,4 %) заранее преследует цель наступления смерти потерпевшего, однако инсценирует свои действия как несчастный случай, возникший, например, в результате ссоры или носящий воспитательный характер. Выбор преступником того или иного способа нанесения телесных повреждений определяется прежде всего его личными особенностями, характером взаимоотношений с жертвой преступления, а также местом, временем и иными обстоятельствами.

Согласованные действия нескольких человек (оба родителя или родственники и т.д.) позволяют не только быстрее преодолеть сопротивление несовершеннолетнего, но и в период сокрытия преступления, например, переместить труп, инсценировать самоповешение и т.д. Однако в этом случае существуют и негативные элементы описываемого явления, на которые необходимо обращать внимание в период расследования: во-первых, большое количество лиц, участвующих в совершении противоправного деяния, оставляют множество следов, что приводит к увеличению шансов изобличения и задержания виновных; во-вторых, не совершившая противоправные действия жена (муж, отчим или сожитель) может предпринять действия по защите супруга и его соучастников [3, с. 204].

Заслуживает внимание точка зрения о том, что инсценировка как способ сокрытия преступления включает в себя комплекс взаимосвязанных действий по подготовке и совершению преступления [4, с. 462]. Полагаем, что нанесение телесных повреждений ребенку является детерминирующим фактором по отношению к выбору способа убийства и его инсценировки. Таким образом, способ совершения преступления и его инсценировка объединены единым замыслом, с одной стороны, в ней присутствуют элементы действительного события, а с другой – искусственно созданная ситуация, отражающая замысел преступника, и содержание его действий. Например, в случае совершения убийства его можно инсценировать под другое событие, связав действия потерпевшего с иными обстоятельствами. В случае нанесения телесных повреждений с целью убийства, преступник может называть иные обстоятельства, указывающие на то, что не желал причинения смерти, однако он не может игнорировать факт насильственной смерти и поэтому вынужден исходить из этого обстоятельства. Таким образом, маскируется не факт наступления смерти, а лишь ее конкретная причина, т.е. создается ложная видимость гибели потерпевшего.

Из изложенного следует, что способы насилия в семье, скрытые инсценировками, могут быть выявлены не только посредством установления наличия или отсутствия материальных следов, объективно указывающих на криминальный характер причинения травм или смерти, но и путем анализа действий преступника. В период расследования обозначенных преступлений необходимо учитывать поведенческие признаки самих исполнителей либо связанных с ними лиц, например, сообщение ими своей версии происшедшего события или подтверждение заранее разработанного алиби или легенды, подкрепляющей факт обнаружения тех или иных следов.

Таким образом, обладание информацией, выявленной при расследовании случаев насилия в семье, создает предпосылки для успешного расследования обозначенных преступлений и позволит изобличить лицо, его совершившее, а знание способов инсценировок позволит установить причину насилия и нейтрализовать активное противодействие расследованию со стороны заинтересованных лиц.

Литература

1. Лузгин И. М., Кузнецов В. В. Инсценировка как способ сокрытия преступления // Сборник научных трудов МФЮЗО Академии МВД СССР. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1987.
2. Мерецкий Н. Е., Ким С. С. Соотношение процессуального и криминалистического аспектов доказывания при проведении вербальных и невербальных судебных действий // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36).
3. Мерецкий Н. Е. Особенности возбуждения уголовных дел по фактам насилия, совершаемых в семье // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45).
4. Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ФОНОСКОПИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В УСЛОВИЯХ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Сергей Анатольевич Чернышёв, заместитель начальника кафедры Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина, кандидат социологических наук;
Валерий Юрьевич Михайлов, начальник отдела ЭКЦ УМВД России по Белгородской области

E-mail: sercher777@rambler.ru

valmikh@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия следственных, оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, обуславливающих существенное увеличение нормативно установленных сроков производства фоноскопических и лингвистических экспертиз и, как следствие, негативно влияющих на сроки расследования уголовных дел. Авторы предлагают оптимизировать экспертно-криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования преступлений за счет тесного консультативного взаимодействия инициаторов назначения экспертиз и исследований с экспертами.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза; лингвистическая экспертиза; консультативное взаимодействие; экспертно-криминалистические подразделения; фонограмма; образцы голоса и речи.

PROBLEMS OF PHONOSCOPIC AND LINGUISTIC EXPERTISE PRODUCTION IN CONDITIONS OF INCREASING NUMBER OF FUNCTIONAL TASKS

Sergey Anatolyevich Chernyshev, deputy head of the Department of the Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, *kandidat nauk*, degree in Sociology;
Valery Yurievich Mikhailov, head of the Department of Forensic science center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Belgorod region

The article deals with the problems of interaction between investigative, operational-search and forensic units of the internal Affairs bodies, which cause a significant increase in the standard established terms of phonoscopic and linguistic expertise and, as a consequence, negatively affect the timing of the investigation of criminal cases. The authors propose to optimize the forensic support of the disclosure and investigation of crimes through close consultation of the initiators of the appointment of examinations and studies with experts.

Keywords: phonoscopic expertise; linguistic expertise; consultative interaction; expert-criminalistics departments; phonogram; voice and speech samples.

Известно, что эффективность раскрытия и расследования преступлений находится в прямой зависимости от успешного взаимодействия следственных, оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений. В настоящей статье обратим внимание на некоторые проблемы взаимодействия перечисленных служб с позиции эксперта, решающего задачи выявления криминалистически значимой речевой информации при производстве фоноскопической и лингвистической экспертиз.

Изменение способа фиксации речевых сигналов (практически 100 % фонограмм фиксируются в цифровом формате, который позволяет размещать большие объемы звуковой (речевой) информации на компактных носителях) обусловило значительное увеличение ко-

личества многообъектных экспертиз: на исследование стали предоставляться более объемные по содержанию материалы, нередко случаи поступления для производства фоноскопической экспертизы ста и более фонограмм*.

Рост потребностей следственных подразделений и оперативных служб в проведении экспертиз по фонограммам речи, с одной стороны, способствовал динамике развития сети фоноскопических лабораторий в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России (далее – ЭКП), а с другой стороны, вызвал появление ряда проблем, обусловленных, в том числе, недостаточно скоординированным взаимодействием следственных, оперативных и экспертных подразделений. Основными пробелами являются длительность сроков производства фоноскопических экспертиз и сложность их прогнозирования, а также трудности получения сравнительных образцов голоса и речи [7, с. 42–46; 8, с. 93–98].

В указании Следственного департамента МВД России «О порядке назначения фоноскопических экспертиз с целью сокращения сроков расследования» определена особая значимость для следствия результатов фоноскопических экспертиз, назначение которых должно осуществляться с обязательным консультативным взаимодействием с ЭКП в целях корректной постановки вопросов и отбора фонограмм, объем, качество и содержание речевого материала которых соответствуют критериям необходимости и достаточности для производства экспертиз и исследований [1].

Практика функционирования фоноскопической лаборатории Экспертно-криминалистического центра УМВД России по Белгородской области показывает, что случаи бессистемного и нерационального направления фонограмм на экспертизу, к сожалению, по-прежнему имеют место. Очевидно, что это отрицательно влияет на функционирование как самой фоноскопической лаборатории, так и следственных подразделений, поскольку исполнение экспертных заданий по другим уголовным делам откладывается на продолжительное время.

Построение эффективного взаимодействия следователя и эксперта на этапе назначения фоноскопических экспертиз невозможно без предварительной работы следователя с имеющимися объектами (фонограммами), которая подразумевает систематизацию разговоров по лицам и по эпизодам преступной деятельности, а также оценку материала с позиции полноты документирования и достаточности для получения доказательств.

Среди главных деструктивных факторов в рассматриваемом вопросе можно отметить формальный, беглый осмотр следователем имеющегося материала, при котором фонограммы фактически не прослушиваются, в результате чего на экспертизу направляются объекты, не имеющие отношения к расследуемому событию преступления. При этом именно протокол осмотра предметов (документов), необходимость и обязательность составления которого предусмотрена ст. 186 УПК РФ, является материальным носителем результатов работы следователя с направляемыми на исследование фонограммами: после получения фонограмм перед следователем стоит задача их осмотра, прослушивания, приобщения к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства и назначения судебных экспертиз. Значимость данного этапа для сроков расследования дела до сих пор в полной мере недооценена, хотя именно корректное и полное составление указанного документа, а также предоставление его при назначении экспертизы позволяют разрешить проблемы назначения экспертизы и оптимизировать деятельность эксперта. Здесь следует отметить опыт УМВД России по Белгородской области, где консультативное взаимодействие со следственными подразделениями и органами дознания ведется достаточно эффективно, многие возникающие вопросы решаются на стадии назначения фоноскопической экспертизы.

В результате постоянно проводимой работы следователи и дознаватели, как правило, осуществляют предварительный осмотр и прослушивание фонограмм по уголовному делу до вынесения постановления о назначении экспертизы (с предоставлением протоколов осмотра

---

* По данным Экспертно-криминалистического центра МВД России.

и прослушивания фонограмм), делают выборку и предоставляют только необходимые для дальнейшего расследования объекты, что ведет к снижению количества исследуемых спорных фонограмм и сокращению сроков расследования уголовных дел [5, с. 88].

Помимо отбора фонограмм существует проблема предоставления образцов речи идентифицируемых лиц, отвечающих как требованиям пригодности для производства фоноскопической экспертизы, так и процессуальным требованиям.

Анализ материалов, направляемых в ЭКЦ в рамках фоноскопических экспертиз, показывает, что лица, подозреваемые в совершении преступления, в основном отказываются предоставлять образцы голоса и речи или предоставляют их в виде, исключающем возможность их идентификационных исследований, что создает препятствия для производства фоноскопической экспертизы. Опыт взаимодействия ЭКЦ со следственными подразделениями показывает, что в качестве образцов голоса и речи могут быть использованы материалы допросов, следственных экспериментов и других следственных действий, в рамках которых производилась видео- и аудиофиксация. В случае отсутствия образцов голоса и речи для сравнительных исследований используется предложенная ЭКЦ практика использования в качестве образцов фонограмм с разговорами, не относящимися к расследованию уголовного дела, в ходе которых лицо, которое необходимо идентифицировать, разговаривает с лицами, не причастными к совершению преступления, но способными подтвердить сам факт разговора и указать, с кем данный разговор осуществлялся. Участие в разговоре лица, которое необходимо идентифицировать, должно быть документально зафиксировано: это позволит применить указанные фонограммы в качестве образцов для сравнения с фонограммами разговоров, имеющих непосредственное отношение к расследованию уголовного дела [6, с. 20–25].

Кроме того, как показывает практика производства фоноскопических экспертиз, с момента получения следователем вещественных доказательств в виде звукозаписей до момента назначения экспертизы проходит от трех месяцев до полугода и более. При этом значительную часть времени занимает получение образцов голоса и речи. В связи с этим ЭКЦ разработало рекомендации по назначению фоноскопических экспертиз до получения образцов. В указанном случае назначаются экспертизы с целью решения вопроса: одним или разными лицами произнесена речь в фонограммах? В дальнейшем, в случае предоставления следователю образцов, достаточно будет провести их сравнительное исследование всего с одной фонограммой, что позволит существенно сократить срок расследования уголовного дела.

Важно отметить проблемы взаимодействия следственных и экспертных подразделений в ситуациях необоснованного назначения следователями экспертиз для решения задачи выявления неситуационных изменений в фонограммах, полученных в результате проведенных в соответствии с действующим законодательством оперативно-розыскных мероприятий. О нецелесообразности производства данных экспертиз сказано в письме Следственного департамента МВД России «О порядке назначения фоноскопических экспертиз с целью сокращения сроков расследования» [1], так как это ставит экспертов перед необходимостью выходить за рамки своей компетенции, поскольку решить экспертными методами задачу определения законности проведенных оперативно-технических мероприятий и оценки возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве вещественных доказательств не представляется возможным. Следует также учесть, что в случае возникновения необходимости проверки действий сотрудников оперативных служб при проведении ОРМ на соответствие нормам действующего законодательства, причины возникших сомнений должны иметь документальное обоснование, которое фактически выводит зафиксированные данными сотрудниками фонограммы из числа вещественных доказательств.

Поскольку указание Следственного департамента МВД России ограничено сферой внутриведомственного сотрудничества, его положения нередко игнорируются инициаторами назначения экспертных исследований иных ведомств, в частности подразделениями

Следственного комитета России, что негативно сказывается на качестве и сроках экспертного сопровождения оперативно-розыскных и следственных мероприятий. В связи с этим в информационном письме ЭКЦ МВД России «О производстве многообъектных фоноскопических экспертиз» [2] положительно оценен опыт взаимодействия ЭКЦ со Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Белгородской области, в результате которого были разработаны рекомендации для следователей СУ СК России по Белгородской области, закрепленные впоследствии в распоряжении руководителя СУ СК России по Белгородской области. Такое же распоряжение позднее было подготовлено и начальником Следственного управления УМВД России по Белгородской области. Указанные распоряжения содержат анализ выявленных недостатков взаимодействия подразделений, инициирующих проведение фоноскопических экспертиз, с ЭКЦ, а также требования, обязывающие подчиненных следователей при назначении данного вида экспертиз соблюдать порядок и условия, определенные данными документами. Следствием реализации требований распоряжений явились оптимизация сроков производства экспертиз и повышение эффективности экспертно-криминалистического сопровождения расследования уголовных дел следственными подразделениями Белгородской области.

Таким образом, благодаря деятельности по оптимизации производства фоноскопических экспертиз, систематически осуществляемой ЭКЦ совместно со следственными и оперативно-розыскными подразделениями, многие вопросы решаются достаточно эффективно до назначения фоноскопических экспертиз.

Остановимся еще на одной проблеме, возникающей в ряде случаев в ходе взаимодействия оперативных, следственных и экспертно-криминалистических подразделений при назначении фоноскопических экспертиз, связанной с наличием в материалах уголовного дела звукозаписей разговоров не на русском языке. К сожалению, в настоящее время силами ЭКП исследовать подобные фонограммы не представляется возможным, так как на вооружении ЭКП стоит автоматизированная идентификационная система «Диалект», которая разработана конкретно под фонологическую систему русского языка и базируется на методике, принятой всеми экспертными подразделениями правоохранительных органов Российской Федерации. Идентификационное исследование осуществляется на основании аудитивного, акустического и лингвистического анализа, при этом ни один из перечисленных методов анализа речи не применим для идентификационных исследований иноязычных дикторов, так как система признаков и принятие решения базируется на статистической обработке специализированной базы данных русскоязычных дикторов.

В связи с приграничным географическим положением Белгородской области эксперты-фоноскописты ЭКЦ достаточно часто сталкиваются с трудностями идентификации лиц, говорящих не на русском языке, а на украинском или, что более распространено, на так называемом суржике – смеси украинской и русской речи [3]. Однако если такую речь еще можно исследовать, благодаря созвучию многих слов с лексическими средствами русского языка, то в случае с записями на таджикском, узбекском и иных языках, все чаще оказывающимися в распоряжении следователя прежде всего при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, эксперты практически бессильны.

Для решения данного вопроса необходимо провести мероприятия, способствующие развитию методического и аппаратно-программного обеспечения идентификационных исследований звучащей речи не на русском языке. Однако ряд проблем, обусловленных как трудностями материально-технического характера, так и сложностями подбора соответствующих кадров, пока не позволяют рассчитывать на скорое решение данной задачи.

В последние годы в ЭКП активно развивается направление производства лингвистических экспертиз, в ходе которых эксперты занимаются толкованием смыслового содержания устных или письменных текстов [4, с. 83–84]. Применение лингвистических знаний находит

место в борьбе с коррупцией (выявление сговора, маскировки, побуждения и т.д.); при раскрытии преступного сообщества (определение ролей и функций участников группы и др.); при вымогательстве (характер побуждения, например, просьба, приказ, требование; наличие угрозы), при определении предмета речи, речевого выражения каких-либо фактов действительности или положения дел (информация о событиях и ситуациях) и др. Активно привлекаются эксперты-лингвисты для работы с экстремистскими материалами (выявление призывов, враждебного отношения, негативной оценки человека или группы лиц по каким-либо признакам, оправдание терроризма и т.д.).

В Белгородской области очень востребовано производство лингвистических экспертиз по делам, связанным с признаками преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ («Оскорбление представителя власти»). Так, в 2017 г. количество выполненных лингвистических экспертиз и исследований увеличилось на 63 % (109 экспертиз и исследований), в 2018 г. – на 22 % (133 экспертизы и исследования). За 2 месяца 2019 г. выполнено 22 лингвистических экспертизы и исследования, что на 7 материалов меньше, чем за аналогичный период 2018 г.* Здесь также следует отметить положительный опыт консультативного взаимодействия следственных и оперативных подразделений с ЭКЦ на стадии назначения экспертиз и исследований. При этом главной проблемой, существенно влияющей на сроки проведения исследований и, соответственно, на сроки расследования уголовных дел, являются кадровые вопросы, связанные с отсутствием реальной возможности жесткого закрепления специализации за экспертами без ущерба для оптимального функционирования ЭКЦ, так как производством лингвистических и фоноскопических экспертиз занимаются одни и те же сотрудники.

Таким образом, практика производства фоноскопических и лингвистических экспертиз и исследований, а также опыт взаимодействия экспертов со следственными и оперативными подразделениями показывает, что рассмотренные выше проблемы могут быть успешно решены в ходе консультаций инициаторов назначения экспертиз и исследований с экспертами, когда типовые вопросы приобретают конкретизирующий характер, количество объектов (фонограмм) соответствует числу экспертных задач, а качество предоставляемого на исследование материала соответствует критериям, необходимым для выявления криминалистически значимой информации. Такой подход позволит максимально задействовать возможности ЭКЦ и повысить эффективность решения задач по противодействию преступности.

Литература

1. О порядке назначения фоноскопических экспертиз с целью сокращения сроков расследования: письмо Следственного департамента МВД России от 27 мая 2013 г. № 17/3.
2. О производстве многообъектных фоноскопических экспертиз: информационное письмо Экспертно-криминалистического центра МВД России от 24 ноября 2016 г. № 37/18–1381/СЭД.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/суржик> (дата обращения: 19.01.2019).
4. Кузнецов А. В., Мерецкий Н. Е., Пудовиков А. С. Организационно-тактические аспекты назначения экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях: учеб. пособие. М.: Научный консультант, 2019.
5. Проведение судебных экспертиз в экспертных подразделениях и учреждениях: учеб. пособие / С. А. Чернышёв [и др.]. Белгород: БелЮИ МВД России им. И. Д. Путилина, 2018.
6. Прокопенко И. Е. [и др.]. Получение в ходе оперативно-технических мероприятий качественных образцов голоса и речи для идентификационных исследований // Экспертная практика. 2016. № 80.
7. Чинёнов Е. В., Симоненко Е. И. Использование результатов фоноскопической экспертизы в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (53).
8. Шурухнов Н. Г. Перспективы и инновации в развитии криминалистических методических рекомендаций расследования отдельных видов и групп преступлений // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 октября 2017 г. Минск: Изд. центр БГУ, 2017.

* По данным Экспертно-криминалистического центра УМВД России по Белгородской области.

УДК 343.98

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ПРИ ОСМОТРЕ «КРИМИНАЛЬНЫХ СХРОНОВ» В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Руслан Рейзаевич Карданов, доцент кафедры Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук

Е-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

В статье обозначены и раскрыты возможности повышения эффективности использования технико-криминалистических средств и методов при осмотре «криминальных схронов». Дано понятие «криминальный схрон»; приведен примерный комплекс следов, возможный в ходе осмотра схрона в условиях горно-лесистой местности в Северо-Кавказском федеральном округе; озвучен алгоритм действия специалиста-криминалиста на различных стадиях проведения осмотра места обнаружения схрона; рассмотрены сложности при работе специалиста-криминалиста со следовой картиной при осмотре схрона.

Ключевые слова: криминальный схрон; место происшествия; фиксация; изъятие; оружие; криминалистика; осмотр; технико-криминалистическое обеспечение; след; специалист-криминалист.

ABOUT INCREASE OF EFFICIENCY OF USE OF TECHNICAL AND CRIMINALISTIC MEANS AND METHODS DURING THE INSPECTION OF THE «CRIMINAL HIDEOUTS» IN NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

Ruslan Reizayevich Kardanov, department associate professor of the North Caucasus Institute of advanced training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article identifies and reveals the possibility of improving the efficiency of the use of technical and forensic tools and methods in the inspection of «criminal caches». The concept «criminal cache» is opened; the approximate complex of traces possible during survey of a cache in the conditions of mountain and wooded district in the North Caucasus Federal district is given; the algorithm of action of the expert criminalist at various stages of carrying out survey of a place of detection of a cache is sounded; the difficulties discussed with the specialist-criminalist with trace pattern when viewed from the caches.

Keywords: criminal cache; the scene; fixation; seizure; weapons; forensics; inspection; technical and forensic support; trace; forensic specialist.

На современном этапе развития мирового сообщества терроризм закрепился как постоянный, труднопрогнозируемый, неконтролируемый элемент, периодически проявляя себя в различных странах, при этом видоизменяя сценарий, способы, методы, формы совершения, а также увеличивая масштабы. Необходимо отметить, что каждая такая разовая акция влечет за собой колоссальные человеческие потери и материальные убытки, в последующем вызывая широкий общественный резонанс.

Наша страна также не является исключением в географии проявления акций терроризма, и годовой количественный показатель совершенных преступлений данной категории определяется тысячами.

Доказательством этого являются статистические данные МВД России, согласно которым из 1992 тыс. совершенных в 2018 г. преступлений 1679 – террористического характера и 1265 – экстремистской направленности*.

Общезвестно, что одним из инструментов совершения преступлений рассматриваемой категории является оружие, что влечет за собой значительное увеличение количества человеческих жертв.

Ежегодное повышение в нашей стране численности огнестрельного оружия, находящегося в криминальном обороте, является немаловажным, в целом дестабилизирующим оперативную обстановку фактором, способствующим совершению террористических акций. Так, в 2018 г. с использованием оружия совершено 6 тыс. преступлений (рост составил 10,5%)**. Более высокие показатели числа зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия, имеют место в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО). Так, например, в Кабардино-Балкарской Республике рост таких преступлений в 2018 г. составил 65,5%***.

Высокому показателю количества огнестрельного оружия, находящегося в криминальном обороте в СКФО, способствует наличие в регионе действующих подпольных мастерских по изготовлению и переделке огнестрельного оружия, а также активная деятельность различных криминальных групп, занимающихся незаконным сбытом огнестрельного оружия****. Так, в 2018 г. сотрудниками правоохранительных органов задокументирована противоправная деятельность 4 таких мастерских*****.

Указанные обстоятельства требуют от правоохранительных органов повышения эффективности существующих форм и методов борьбы с преступлениями рассматриваемой категории, одним из векторов которого можно определить совершенствование использования технико-криминалистических средств и методов, а также более динамичную и плотную реализацию комплекса организационно-практических мер, направленных на обеспечение качественного экспертно-криминалистического сопровождения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений террористического характера.

В целях обнаружения преступников на территории СКФО различными силовыми подразделениями, в горно-лесистой местности периодически проводятся оперативно-поисковые мероприятия, в результате которых выявляются различного рода временные укрытия и места длительного пребывания, расположенные недалеко от населенных пунктов, а также обнаруживаются различные тайные хранилища – «криминальные схроны», подготовленные преступниками для временного хранения оружия, вещей, боеприпасов и других предметов, используемых для осуществления своей противоправной деятельности (согласно словарю, термин «схрон» имеет несколько значений: 1) потайное помещение для длительного пребывания людей (бандитов, партизан, боевиков, подпольщиков и т.п.), прячущихся от властей; 2) тайное хранилище оружия, боеприпасов и т.п.*****).

Раскрывая понятие «криминальный схрон», следует отметить, что он представляет из себя расположенную в горно-лесистой местности территорию, на которой находятся тщательно замаскированные определенные предметы (вещи, оружие, медикаменты, боеприпасы). Для

* URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 05.03.2019).

** URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 05.03.2019).

*** URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 05.03.2019).

**** URL: <https://xn--j1aihn.xn--b1aew.xn--p1ai/novosti/item/15557863> (дата обращения: 05.03.2019).

***** Доклад начальника ГУ МВД РФ по СКФО об итогах деятельности за 2018 г. URL: <https://xn--j1aihn.xn--b1aew.xn--p1ai/novosti/item/16071701> (дата обращения: 05.03.2019).

***** URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>

защиты от различного рода внешних воздействий (влаги), а также удобства хранения данные предметы укладывают в пластмассовые цилиндрические емкости различного объема с последующим их размещением в земле в вертикальном положении либо в естественных углублениях рельефа местности с дальнейшей маскировкой (рис. 1, 2). Схрон может быть как единичный, так и множественный. По месту расположения – непосредственно на осматриваемой территории либо на небольшом расстоянии от нее. При этом возле нахождения данных схронов преступниками оставляются различного рода неприметные постоянные ориентиры, указывающие на наличие схрона и его непосредственное месторасположение.

Раскрытие и расследование преступлений требует проведения целого комплекса следственных действий, одним из наиболее важных среди них является осмотр места происшествия, проводимый в большинстве случаев в кратчайшие сроки [2, с. 34; 3, с. 116–122].

Рис. 1. Криминальный схрон с множеством емкостей

Рис. 2. Примерное содержание криминального схрона

В соответствии с УПК РФ (ст. 176) осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Весь процесс расследования находится в непосредственной зависимости от качественного уровня проведенного осмотра, поэтому своевременность, объективность, полнота, планомерность осмотра способствуют проведению всестороннего исследования состояния места происшествия, установлению последовательности событий, порядка и алгоритма действий лица (лиц), совершившего (их) преступное деяние, определению механизма следообразования, накоплению наибольшего количества разноплановых доказательств, а также определению дальнейших направлений расследования [5, с. 246–248].

После приезда на место обнаружения схрона руководитель следственно-оперативной группы, основываясь на консультативную информацию специалистов, должен определить зону осмотра территории, обозначить ее границы и принять меры по удалению с территории посторонних лиц при наличии таковых. Площадь места происшествия нередко может достигать нескольких квадратных километров, так как зависит от рельефа местности (склон, расщелина, пик холма и т.д.) и других факторов.

Раскрывая функции специалиста-криминалиста в указанных условиях проведения следственного действия, следует указать, что помимо основной его задачи – качественное применение современных методов и средств обнаружения, фиксации и изъятия следов и иных объектов, существует и второстепенная – соблюдение мер личной и коллективной безопасности.

Спектр следовой картины на месте обнаружения схрона достаточно не типичен, широк и многообразен, поэтому кроме традиционных следов могут быть обнаружены иные следы, связанные с подготовкой схрона, а также с жизнедеятельностью человека в условиях горно-ле-

систой местности, которые при фиксации и последующем качественном изъятии могут иметь судебное-доказательственное значение [1, с. 138–140].

В зависимости от целевого предназначения схрона каждая из емкостей может содержать в себе определенный набор предметов одной категории. Так, например, в одной емкости может находиться кухонная утварь, остатки пищи, портативные приборы для разогрева и приготовления пищи, продукты питания с долговременным сроком хранения, в другой – оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства (в том числе заводского производства и самодельного изготовления), детонаторы, карты и схемы местности, теплая и сменная одежда, литература, средства связи, SIM-карты, аккумуляторные батареи, средства для чистки и смазки оружия, фрагменты ткани с надписями, перевязочные средства (в том числе со следами биологического происхождения), CD-диски и т.д.

В зависимости от составленного плана действий, специалист-криминалист готовит необходимые технические средства и вспомогательные материалы с учетом специфичности вышеуказанной следовой картины. Цель осмотра места происшествия заключается не только в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления, но и главным образом в умении сделать на основании их достоверные выводы о преступнике (его психофизических свойствах) и воспользоваться ими в целях раскрытия и расследования преступной деятельности лица.

При проведении анкетирования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений выяснилось, что максимальная комплексность изъятия следов на месте происшествия на сегодняшний день порядка четырех и более следовых групп:

- первая группа «Биологическая». В эту группу входят следы крови, слюны, спермы;
- вторая группа «Дактилоскопическая». В нее входят следы пальцев и ладоней рук;
- третья группа «Баллистическая». В нее входят следы применения огнестрельного оружия, само оружие и его составные части, патроны, гильзы, пули, ленты, пыжи, порох, дробь и картечь и т.д.;
- четвертая группа «Взрывотехническая». К этой группе следует отнести взрывчатые вещества, взрывные устройства промышленного и самодельного изготовления, средства взрывания, элементы и составные части взрывных устройств, капсулы-детонаторы, средства инициирования взрыва и т.д.

Однако около 45 % всех осмотров составляют осмотры, проведенные без участия специалиста, в результате которых изымается лишь 1–2 следовые группы, а именно «Баллистическая» и «Дактилоскопическая» (оружие и следы рук), что негативным образом влияет на полноту расследуемого происшествия. При этом создается полный или частичный информационный вакуум, что затрудняет работу органов предварительного следствия.

В настоящее время применяемая система показателей, оценивающая экспертно-криминалистическое направление деятельности, содержит в себе такие компоненты, как криминалистическое обеспечение осмотров мест происшествий; эффективность работы по раскрытию преступлений; экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Величина коэффициента количества охвата и количество самих учетов, содержащих в себе информацию об одном объекте, будет определять эффективность результата поиска. При этом установление совпадения по одному из указанных учетов уже будет являться положительным результатом. Поэтому для надежной фиксации и качественного изъятия всего комплекса следов, имеющихся на месте обнаружения схрона, следует использовать всю совокупность современных технико-криминалистических средств и методов, особое внимание уделив направлению «Исследование ДНК», и с учетом предъявляемых требований произвести изъятие биологических следов.

Специалисту-криминалисту необходимо детально проработать вопрос заблаговременного комплектования криминалистического чемодана дополнительным разноплановым по размеру, виду и составу упаковочным и обвязочным материалом. Объясняется это следу-

ющим: во-первых, отсутствует возможность на месте происшествия оперативно пополнить комплект упаковочных материалов; во-вторых, сами объекты, подлежащие изъятию, отличаются по размерным (газовый баллон, полимерные емкости), количественным, а также качественным характеристикам.

Одним из показателей качества проведенного следственного действия является полноценное детальное отражение в протоколе осмотра места происшествия места расположения, всесторонних характеристик, общих и частных признаков объектов и следов. В связи с этим, учитывая многообразие возможных следов при осмотре места хранения (следы-предметы, следы рук, обуви), специалисту-криминалисту необходимо, во-первых, действовать, соблюдая меры по недопущению уничтожения или повреждения имеющихся на предмете следов; во-вторых, уделить внимание каждому обнаруженному объекту, а именно, в процессе описания детально указать все его характеристики [4, с. 299–300].

Подводя итог, сделаем вывод о том, что надлежащая профессиональная подготовленность участников осмотра, совершенствование систем фиксации и применение современных технико-криминалистических средств и методов являются залогом успешного производства осмотра.

Литература

1. Гаужаева В. А., Бураева Л. А., Карданов Р. Р. Сущность и роль криминалистической техники, как раздела криминалистики в борьбе с преступностью: история и современность // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4.
2. Грибунов О. П., Трубкина О. В., Третьякова Е. И. Тактические особенности проведения следственного осмотра: учеб. пособие. Иркутск, 2016.
3. Егоров Н. Н. Криминалистические аспекты собирания доказательств // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 1 (34).
4. Ищенко Е. П. Современная российская криминалистика: учебник. М., 2005.
5. Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА, 2001.

УДК 343.72:343.985

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Андрей Юрьевич Сыпачев, доцент кафедры Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: brig094@mail.ru

В статье рассматриваются наиболее распространенные виды мошенничеств в сфере информационно-телекоммуникационных сетей и их особенности. Автором указываются причины недостаточно высокой эффективности деятельности подразделений уголовного розыска органов внутренних дел по раскрытию указанного вида преступлений и предлагается алгоритм действий сотрудников подразделений уголовного розыска органов внутренних дел при раскрытии мошенничеств с использованием средств сотовой связи.

Ключевые слова: коммуникационные технологии; сотовая связь; мошенничество; уголовный розыск; раскрытие преступлений.

SELECTED ASPECTS OF THE DISCLOSURE OF FRAUDITIES IN THE SPHERE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Andrey Yurievich Sypachev, department associate professor of the Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article discusses the most common types of fraud in the field of information and telecommunication networks and their features. The author specifies the reasons for the insufficiently high efficiency of the criminal investigation units of the internal affairs bodies in disclosing this type of crime and proposes an algorithm for actions by employees of the criminal investigation departments of the internal affairs agencies in disclosing fraud using cellular communications.

Keywords: communication technologies; cellular communication; fraud; criminal investigation; crime detection.

В настоящее время преступность в Российской Федерации характеризуется тем, что она в полной мере использует достижения технического прогресса. Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных сетей стала одним из наиболее опасных видов преступных посягательств, наносящих гражданам значительный материальный ущерб.

Одним из наиболее опасных и распространенных ее видов является мошенничество, которое квалифицируется по ст. 159.6 УК РФ как мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Криминогенная обстановка на территории нашей страны, связанная с хищениями денежных средств с банковских карт и счетов граждан с использованием средств коммуникации, в том числе в сети Интернет, свидетельствует о росте числа возбужденных уголовных дел указанной категории. Поэтому можно констатировать тот факт, что мошенничество, совершаемое с использованием сотовой связи, в последнее время пользуется наибольшей распространенностью [1, с. 33].

В большинстве случаев указанный вид преступлений носит межрегиональный характер (например, преступники находятся в одном регионе, совершают преступления во втором, або-

нентские номера зарегистрированы на лиц из третьего региона, в четвертом обналачиваются похищенные денежные средства, а в пятом регионе находятся потерпевшие).

Также необходимо отметить, что злоумышленники в настоящее время применяют и различные способы конспирации (например, банковские карты регистрируются на подставных лиц и иностранных граждан; используются обезличенные SIM-карты; при регистрации электронных сервисов не указываются персональные данные владельца; постоянная смена абонентских номеров и средств связи и т.д.) [7, с. 98].

Практически каждое четвертое преступление совершается лицами в возрасте до 25 лет, и это закономерно, так как данная категория лиц активно пользуется мобильными телефонами с различными операционными системами, планшетными компьютерами и поэтому хорошо ориентируется в информационных технологиях и различных компьютерных программах [6, с. 25].

Все вышеизложенное в очередной раз поднимает вопрос об эффективности российской правоприменительной системы в противодействии преступлениям в сфере коммуникационных технологий. В данной статье мы рассмотрим отдельные аспекты раскрытия хищений чужого имущества или приобретения прав на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием сотовой связи.

Отметим, что к наиболее распространенным способам совершения указанного мошенничества относится следующее:

1. Преступник, набирая различные абонентские номера, попадает на мобильный телефон потерпевшего, которому представляется сотрудником какой-либо организации и сообщает о выигрыше (например, крупной денежной суммы, автомобиля, бытовой техники, туристической поездки). Далее преступник сообщает о необходимости оплаты налога за выигранный приз либо его доставки в адрес проживания и т.п., после чего указывает абонентский номер мобильного телефона (либо номер счета в банке), на который необходимо сделать перевод денежных средств.

2. Преступник, набирая различные абонентские номера, попадает на мобильный телефон потерпевшего, которому представляется сотрудником правоохранительных органов либо частного охранного предприятия и сообщает заведомо ложные сведения о том, что какой-либо родственник потерпевшего попал в дорожно-транспортное происшествие либо совершил противоправные действия и т.п., поэтому срочно нужны денежные средства якобы на оплату компенсации виновности и уклонения от преследования со стороны правоохранительных органов (например, необходимо заплатить пострадавшему, чтобы тот не заявлял о случившемся, и т.п.) [2, с. 163].

Затем злоумышленник инструктирует потерпевшего о способе передачи денежных средств (например, перевод через ближайший к потерпевшему банкомат на определенный абонентский номер мобильного телефона (номер счета в банке) либо передача через посредника, в качестве которого могут выступать, например, водители такси или соучастники и их связи). Задержание посредника, как правило, не позволяет установить организаторов мошенничества, поскольку связь между ними действительно отсутствует.

3. Преступник отправляет SMS-сообщение или звонит на мобильные телефоны потерпевших, которым представляется работником банка или сотовой компании и сообщает информацию о том, что банковская карта или счет мобильного телефона заблокирован в результате преступного посягательства, после чего предлагает набрать комбинацию цифр (при этом, как правило, для того чтобы не вызывать подозрение, диктуют по две цифры) на банкомате или сотовом телефоне для разблокировки, в результате чего денежные средства перечисляются на счет преступника или его соучастника.

4. Преступник осуществляет поиск персональных данных потерпевших совместно с представителями организации, осуществляющей торговлю через интернет-магазины, либо

работниками финансово-кредитных и иных организаций (в том числе организаторами виртуальных платежных систем), осуществлявших денежные транзакции при совершении покупок в интернет-магазинах.

5. Преступник осуществляет неправомерный доступ к пользовательским данным в социальных сетях (например, «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Twitter, «Мой мир» и др.), посредством которых осуществлялся обмен информацией между покупателем и продавцом в интернет-магазинах [4, с. 132]. После этого злоумышленник звонит на полученный неправомерным способом абонентский номер мобильного телефона, представляясь сотрудником какой-либо организации, и сообщает о том, что ими в результате судебного разбирательства выиграна определенная денежная сумма у интернет-магазина за распространение недоброкачественного товара, которым наряду с другими клиентами пользуется и потерпевший. Озвучивается, что в списке лиц, которым причитаются денежные средства, возмещенные интернет-магазином, имеется и фамилия потерпевшего и для получения выплаты необходимо оплатить подоходный налог в размере 13 % от стоимости причитающейся денежной суммы. Преступник обращает внимание потерпевшего на то, что компания, представителем которой он является, уже оплатила эту сумму, а потерпевшему нужно лишь возместить ей расходы. В связи с этим указывает абонентский номер мобильного телефона (либо номер счета в банке), на который необходимо сделать перевод денежных средств.

На наш взгляд, особенность раскрытия данного вида преступлений заключается в том, что на все последующие противоправные действия, в том числе и сокрытие похищенных денежных средств, большое влияние оказывает период времени, прошедший с момента совершения данного преступления.

На основании вышеизложенного нами предлагается следующий алгоритм действий сотрудников подразделений уголовного розыска органов внутренних дел при раскрытии мошенничеств с использованием средств сотовой связи:

1. При проведении опроса потерпевшего по факту совершения в отношении его мошенничества с использованием средств сотовой связи необходимо выяснить следующие обстоятельства:

- 1.1. Время поступления телефонного звонка потерпевшему.
- 1.2. Услугами какого оператора связи пользуется потерпевший?
- 1.3. Кем представился преступник, о чем говорил, что предлагал сделать, с чего начал свой разговор, какую причину звонка назвал, передавал ли трубку иным лицам?
- 1.4. Сколько раз звонил преступник потерпевшему, использовал один или несколько абонентских номеров?
- 1.5. Какую сумму денежных средств и за какие услуги просил передать преступник?
- 1.6. Какую сумму была передана лицу, совершающему мошеннические действия (если переданная сумма была больше или меньше той, которую просил передать преступник, то почему)?
- 1.7. Откуда у потерпевшего данная сумма денежных средств, кто знал об их наличии?
- 1.8. Какой способ передачи денежных средств был осуществлен потерпевшим?
- 1.9. Звонил ли потерпевший повторно преступнику; если да, то, о чем говорил с ним, предлагал ли преступник передать ему еще денежные средства; если да, то за какие услуги, сделал ли это потерпевший; если нет, то почему?
- 1.10. Сможет ли потерпевший опознать преступника по голосу?
- 1.11. Кто присутствовал при разговоре между потерпевшим и преступником либо осведомлен о совершенном противоправном деянии?

2. Также необходимо опросить лиц, присутствовавших при совершении преступления, знающих о его совершении со слов потерпевшего, с целью подтверждения факта преступления и получения дополнительной информации об обстоятельствах его совершения.

3. Если денежные средства переданы с нарочным, то необходимо:

3.1. При возможности составления потерпевшим субъективного портрета направить его в экспертное подразделение для составления фотокомпозиционного (либо рисованного) портрета преступника.

3.2. Предъявить фото-, видеотеки лиц, склонных к совершению мошеннических действий.

3.3. Принять меры к розыску автомашины, на которой приезжали за денежными средствами, а также к установлению личности гражданина, которому передавались денежные средства.

4. В том случае, если денежные средства были переданы водителю такси, то необходимо:

4.1. Направить запросы в таксомоторные компании в целях установления водителя, забировавшего денежные средства у потерпевшего.

4.2. После установления личности водителя такси опросить его с постановкой следующих вопросов:

4.2.1. С какого номера ему звонили (предмет беседы с абонентом, называл ли он себя как-нибудь)?

4.2.2. Через какой терминал оплаты перевел денежные средства и на какие абонентские номера, а если передал иному лицу, то кому, где, его приметы?

4.2.3. Какую сумму денежных средств за данные действия он получил?

4.2.4. Сможет ли узнать преступника или опознать его по голосу?

5. Если денежные средства положены на счет определенного номера сотового телефона, то необходимо направить запрос оператору сотовой связи в целях установления личности владельца данного абонентского номера.

6. В случае нахождения установленного гражданина и наличия информации о том, что данной SIM-картой он фактически не пользуется, следует незамедлительно опросить данного гражданина о следующих обстоятельствах:

6.1. Когда, где и при каких обстоятельствах приобрел SIM-карту, используемую преступником?

6.2. Где в настоящее время находится данная SIM-карта?

6.3. Если передал какому-либо лицу – когда, где, при каких обстоятельствах, имеются ли установочные данные гражданина, которому была передана SIM-карта, если нет, то почему?

При этом от данного гражданина также можно получить интересующую информацию об истории и детализации SIM-карты:

– если необходимо документальное оформление полученных результатов для последующего приобщения их к уголовному делу – путем направления его в соответствующую компанию сотовой связи с документами, удостоверяющими личность и истребования в последующем от него полученных там сведений;

– если необходима первичная информация, которая будет в дальнейшем использоваться оперативными сотрудниками, – посредством посещения личного кабинета абонента на официальной странице оператора сотовой связи в сети Интернет.

При наличии информации о том, что фактически SIM-картой пользуется зарегистрированный владелец, находящийся на территории конкретного региона, целесообразно провести в отношении его комплекс оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий в целях документирования его преступной деятельности.

В случае регистрации установленного лица за пределами территории конкретного региона, необходимо направить задание в орган внутренних дел по месту регистрации гражданина с просьбой опросить его по вышеуказанным вопросам.

7. Подготовить материалы для дальнейшего ходатайства перед судом о получении разрешения на проведение оперативно-розыскного мероприятия «Снятие информации с технических каналов связи» для получения информации с абонентских номеров, при помощи которых

совершено преступление. Также необходимо решить вопрос о проведении оперативно-технических мероприятий в отношении лиц, подозреваемых в мошеннических действиях [5, с. 146].

8. Направить запрос в организации, осуществляющие денежные переводы.

9. Установленных лиц проверить по имеющимся учетам в Главном информационно-аналитическом центре МВД России и учетам информационных центров других регионов РФ.

10. Направить поручение о производстве отдельных следственных и оперативно-розыскных мероприятий с целью отработки на причастность к совершенному преступлению и допроса установленных лиц.

11. Направить задание на проведение мероприятий в исправительном учреждении Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по установлению личности лица, совершающего мошеннические действия.

Необходимо отметить, что проведение мероприятий в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации в целях установления лиц, совершивших (совершающих) мошеннические действия, обладает рядом особенностей.

Так, при наличии образцов голоса подозреваемого целесообразно в первую очередь ознакомить с ними оперативных и режимных сотрудников исправительного учреждения. В случае установления искомых лиц, при их опросе (допросе) следует получить образцы голоса для последующего использования при проведении фоноскопической экспертизы. Если в результате опроса работников исправительного учреждения такие лица не установлены, то целесообразно, по возможности, провести опрос с получением образцов голоса тех заключенных, которые потенциально могли совершить мошеннические действия.

12. В целях установления дополнительных свидетелей и очевидцев преступных действий фигурантов, с учетом специфики взаимоотношений контингента исправительного учреждения и обеспечения возможности дальнейшего их использования в гласном судебном процессе, таких лиц следует допрашивать (опрашивать) в соответствии с ч. 9 ст. 166, ч. 1 ст. 277, ч. 5 ст. 278 УПК РФ [3, с. 102].

13. После выполнения вышеописанных мероприятий наметить последующие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия согласно материалам, собранным в рамках уголовного дела и полученной информации.

В заключение следует отметить, что, на наш взгляд, причинами недостаточно высокой эффективности деятельности подразделений уголовного розыска органов внутренних дел по раскрытию указанного вида преступлений являются:

- нежелание или несвоевременность обращения потерпевших от мошеннических действий в органы внутренних дел о совершенном преступлении;
- преимущественно «бесконтактный» способ получения злоумышленниками денежных средств от потерпевших;
- использование злоумышленниками в своих преступных целях большого числа абонентских номеров сотовых телефонов и их быстрая смена при сокрытии следов преступления (например, при совершении преступлений используются абонентские номера сотовых телефонов, зарегистрированных на подставных лиц, которые после заключения договора с сотовой компанией на оказание услуг передают SIM-карту неизвестным лицам);
- недостаточные знания сотрудников органов внутренних дел механизма образования виртуальных следов при использовании средств сотовой связи;
- нахождение преступников в местах лишения свободы в разных с потерпевшими регионах Российской Федерации, вследствие чего доказать виновность злоумышленников становится возможным только при проведении комплексных мероприятий на территориях, где расположены данные исправительные учреждения, совместно с подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации;

– ненадлежащая правовая регламентация и, как следствие, недостаточный уровень взаимодействия между территориальными подразделениями органов внутренних дел и Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации в рамках раскрытия и расследования преступлений, особенно в части обмена оперативно значимой информацией;

– отсутствие четкой правовой регламентации по взаимодействию между оперативными, следственными подразделениями органов внутренних дел и операторами связи при раскрытии и расследовании мошенничеств данной категории;

– излишняя заорганизованность в вопросах получения органами внутренних дел оперативно значимой информации от иных ведомств и организаций.

Литература

1. Галатенко В. А. Основы информационной безопасности: курс лекций. М.: Национальный открытый университет «ИНТУИТ», 2016.
2. Клименко А. К. Актуальные проблемы практики расследования мошенничеств с использованием средств связи // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36).
3. Козьминых С. И. Организация защиты информации в российской полиции: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017.
4. Краковский Ю. М. Защита информации: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2017.
5. Мерецкий Н. Е. Некоторые особенности хищений денежных средств со счетов граждан при использовании услуги «Мобильный банк» // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3 (40).
6. Организация подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий (с использованием правовых позиций Конституционного Суда России): метод. пособие / под ред. А. Е. Четчина. М.: ДГСК МВД России, 2014.
7. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие / В. В. Алексеев [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

УДК 343.985.7

ОСНОВЫ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ «ЗАКЛЮЧЕНИЕ С ПОДОЗРЕВАЕМЫМ (ОБВИНЯЕМЫМ) ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ» ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ

Елена Ильинична Попова, доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент;

Тимур Юльевич Асалханов, аспирант

(Бурятский государственный университет)

E-mail: popovaelena03@yandex.ru

t_asalxanoff@mail.ru

Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве призван оптимизировать борьбу с наиболее опасными проявлениями преступной деятельности, в том числе с убийствами. Использование норм гл. 40.1 УПК РФ при расследовании уголовных дел этой категории не может быть эффективным без подготовки и реализации тактической операции «Заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве». Структурно такая тактическая операция должна включать 4 основных этапа: 1) принятие решения о ее проведении; 2) подготовка; 3) непосредственное проведение комплекса действий по ее реализации; 4) процессуальное оформление результатов. Раскрывается содержание каждого из этих этапов, предлагаются криминалистические рекомендации по реализации названной тактической операции по уголовным делам об убийствах.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; следователь; обвиняемый; тактическое решение; тактическая операция.

FUNDAMENTALS OF A TACTICAL OPERATION «THE CONCLUSION WITH THE SUSPECT (ACCUSED) PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION» IN CRIMINAL HOMICIDE CASES

Elena Ilyinichna Popova, department associate professor, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Timur Yulievich Asalkhanov, post graduate

(Buryat State University)

A special procedure for the adoption of a judicial decision at the conclusion of a pre-trial agreement on cooperation is designed to optimize the fight against the most dangerous manifestations of criminal activity, including murder. The use of the rules of Chapter 40.1 of the Code of criminal procedure in the investigation of criminal cases of this category cannot be effective without the preparation and implementation of the tactical operation «Conclusion of a pre-trial cooperation agreement with the suspect (accused)». Structurally, such a tactical operation should include 4 main stages: 1) the decision to hold it; 2) preparation; 3) the direct implementation of a set of actions for its implementation; 4) the procedural design of the results. The authors reveals the content of each of these stages, offers forensic recommendations for the implementation of the named tactical operation in criminal cases of murder.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation; investigator; accused; tactical decision; tactical operation.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве призван оптимизировать борьбу с наиболее опасными проявлениями преступной деятельности («заказными» убийствами,

фактами бандитизма, наркопреступлениями, коррупционными проявлениями и т.п.)^{*}. В настоящее время законодательная база, устанавливающая порядок производства по уголовным делам, при заключении названного соглашения в целом сформирована [4, с. 29–32; 13, с. 499–501; 14, с. 90–95]. Однако одно лишь только следование, пусть и доскональное, нормам закона не может гарантировать успех в расследовании преступлений, особенно тех, которые совершаются представителями криминальных субкультур, профессиональными преступниками, в составе организованных преступных групп и т.п. В связи с этим абсолютно верны слова О. Я. Баева о том, что «... даже соблюдение всех процессуальных норм и предписаний без наполнения их криминалистическим содержанием – еще не расследование, не исследование преступлений» [2, с. 24].

Анализ литературы, посвященной рассматриваемой проблематике, изучение следственной практики дают основания для утверждения о том, что использование норм, составляющих институт досудебного соглашения о сотрудничестве, не может быть эффективным без подготовки и реализации тактической операции «Заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве». В связи с этим совершенно справедливо высказался А. В. Дулов: «Как нельзя отрицать, что любой предмет на производстве создается в результате реализации технологического процесса, так нельзя отрицать и то, что расследование уголовного дела завершается после проведения ряда тактических операций» [6, с. 11]. Решение разнообразных задач тактического характера в каждом конкретном случае предполагает осуществление самостоятельной тактической операции [10, с. 124].

Тактическая операция, по мнению В. И. Шиканова, – это система согласованных действий (следственных, оперативно-розыскных и др.), которые осуществляют, соблюдая режим законности, правомочные должностные лица органов следствия и специальных служб органов внутренних дел для решения сравнительно автономных тактических задач, подчиненных общим целям расследования преступления [17, с. 17].

А. В. Дулов определял тактическую операцию как совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий [6, с. 44].

Ряд ученых не различают понятия «тактическая комбинация» и «тактическая операция» [3, с. 674; 8, с. 318]. Однако тактические комбинации по своему объему и содержанию менее значительны и более ограничены по сравнению с тактической операцией [9, с. 178–181]. Именно тактические операции и криминалистические приемы относятся к криминалистическим мерам преодоления противодействия уголовному преследованию [1, с. 148].

Следует отметить, что криминалисты ранее обращали внимание на необходимость реализации тактических операций по уголовным делам. Так, например, О. Я. Баев указывал на целесообразность проведения тактической операции «Досудебное соглашение о сотрудничестве», в рамках которой следователь должен, как минимум: 1) принять решение о необходимости заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и о возможности заключения по делу соглашения с конкретным подозреваемым, обвиняемым; 2) получить от подозреваемого, обвиняемого «признательные» показания о соучастниках; 3) проверить показания лица, с которым решается вопрос о заключении названного соглашения; 4) принять меры безопасности в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение, его родных и близких; 5) определить предмет соглашения и момент его заключения [2, с. 24]. Представляется, что

^{*} О введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/3035226/#3035226#ixzz38qVt5JVI> (дата обращения: 01.02.2019).

О. Я. Баев понимает обозначенную им тактическую операцию в достаточно широком смысле, полагая, что она должна охватывать весь процесс расследования преступления, совершение которого вменяется подозреваемому (обвиняемому), с которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве.

В свою очередь, Р. С. Хамидуллин предлагает реализовывать тактическую операцию «Привлечение подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве», целью которой является создание условий для добровольного сотрудничества обозначенного участника уголовного судопроизводства с правоохранительными органами посредством заключения досудебного соглашения [16, с. 149–156]. Как видим, Р. С. Хамидуллин выделяет тактическую операцию, которая является частным случаем той, что предложена О. Я. Баевым. На наш взгляд, это оправдано. Вместе с тем полагаем, что терминологически более правильно вести речь не о тактической операции «Привлечение подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве», а о тактической операции «Заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве».

Поддерживая точку зрения о том, что совокупность действий, составляющих тактическую операцию, должна быть обусловлена последовательностью их проведения, характером и возможностью решения общего задания [7, с. 100], полагаем, что обозначенная нами тактическая операция структурно должна включать следующие этапы:

1. Этап принятия решения о проведении тактической операции. На данном этапе следователь анализирует имеющуюся у него информацию, полученную в ходе действий процессуального характера и оперативно-розыскной деятельности, оценивает судебную перспективу по уголовному делу, характер и степень противодействия (имеющегося на данном этапе и предполагаемого в дальнейшем) уголовному преследованию.

Следует учитывать, что заключение досудебного соглашения со всеми соучастниками (известными на данном этапе) вряд ли будет целесообразным. При определении лица (из числа известных соучастников, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства на данном этапе), с которым возможно заключить досудебное соглашение, рекомендуем руководствоваться некоторыми критериями, предложенными О. Я. Баевым:

- фигурант должен обладать большим, чем другие из них, объемом искомой информации;
- по имеющимся сведениям (доказательства, оперативно-розыскные данные), субъект обладает информацией, которая позволит, помимо содействия по расследуемому делу, выявить латентные преступления и (или) успешно расследовать уголовные дела о ранее остававшихся нераскрытыми других преступлениях, в том числе не только аналогичных расследуемому делу;
- есть основания полагать, что подозреваемый (обвиняемый) в случае заключения досудебного соглашения не будет оказывать активного противодействия расследованию и судебному разбирательству [2, с. 173].

Обращаем внимание, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве недопустимо с лицом, обвиняемым в убийстве, если он намерен оказывать содействие следствию лишь путем сообщения сведений о его собственном участии в преступной деятельности (ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ). В то же время вопрос о заключении соглашения может быть решен положительно, если подозреваемый/обвиняемый хотя и совершил убийство единолично, но готов содействовать следствию в раскрытии и расследовании иных эпизодов преступной деятельности, совершенных совместно с другими лицами, способствовать изобличению и уголовному преследованию соучастников других преступлений, в розыске имущества, добытого в результате преступления.

Следователю рекомендуется принять решение о целесообразности реализации обозначенной нами тактической операции в случае, если он обоснованно убежден в виновности лица, подозреваемого/обвиняемого в совершении убийства, и полагает, что вся полнота до-

казательств виновности такого лица и (или) его соучастников, а также иные обстоятельства, входящие в предмет доказывания, могут быть получены преимущественно путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Вместе с тем следует признать негативной практикой, когда следователь принимает решение о заключении соглашения с лицом, подвергающимся уголовному преследованию, по причине нежелания расследовать убийство (сопутствующие преступные посягательства) в условиях неопределенности, отсутствия содействия представителей стороны защиты, когда необходимо приложить гораздо больших усилий для доказывания обстоятельств совершения преступления, чем при отсутствии досудебного соглашения.

2. Этап подготовки тактической операции предполагает ее моделирование. При этом следователь оценивает вероятные тактические риски, связанные с ее проведением, прогнозирует результаты операции и вероятную позицию представителей стороны защиты, иных участников судопроизводства. На этом же этапе целесообразно составить общий и, по возможности, детальный планы тактической операции «Заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве», определить содержание и очередность предстоящих для осуществления в ее рамках действий процессуального и непроцессуального характера (например, запланировать последовательность встреч с субъектами, в отношении которых будет проводиться тактическая операция, содержание бесед с ними).

Подчеркнем, что запланированные мероприятия и их содержание в дальнейшем могут и должны корректироваться с учетом конкретной следственной ситуации. Такие коррективы напрямую зависят от складывающейся на том или ином этапе расследования следственной ситуации, которая нередко характеризуется динамичностью. Одной из типичных ситуаций, способных оказать существенное влияние на запланированные следователем действия, обусловлена тем, что подозреваемый/обвиняемый в убийстве начинает оказывать противодействие, например, путем сообщения недостоверных или не до конца правдивых сведений, умалчивает об известных ему обстоятельствах преступной деятельности. Часто подобного рода поведение обуславливается тем, что лицо, подвергающееся уголовному преследованию, опасается за свою (своих близких) жизнь. В этом случае тактически верно до принятия вероятного решения о расторжении досудебного соглашения выяснить у подозреваемого/обвиняемого причину противодействия. Вероятно, сложившуюся ситуацию можно будет разрешить применением мер безопасности к этому субъекту (его близким, имуществу), в связи с чем понадобится внесение корректировок в план тактической операции.

Кроме того, может возникнуть типичная ситуация, характеризующаяся как мнимобесконфликтная. «Подозреваемый и обвиняемый создают подобную ситуацию с целью обмануть следователя, чтобы он потерял бдительность и тактическую активность, не искал объективные доказательства, подтверждающие их признательные показания, от которых они в судебном заседании намерены были отказаться» [9, с. 292–293]. Лицо, подвергающееся уголовному преследованию, часто стремится улучшить свое положение путем сокрытия реальных обстоятельств своего участия в совершении убийства, иной преступной деятельности. В связи с этим следователю нельзя забывать, что лицо, подвергающееся уголовному преследованию, смотрит на факты со своей стороны, пытаясь уйти от ответственности, смягчить ее или доказать свою невиновность. Соответственно, он видит факты под этим углом зрения и обращает внимание остальных на то, что важно для него [12, с. 224]. Выявление подобного рода мнимобесконфликтных ситуаций также может вызвать необходимость корректировки плана тактической операции, а в ряде случаев – отказ от ее дальнейшего проведения (прежде всего тогда, когда подозреваемый/обвиняемый в убийстве продолжает оказывать противодействие уголовному преследованию).

3. Этап непосредственного проведения комплекса действий при осуществлении тактической операции. Основная тактическая задача, которую предстоит решить следователю на данном этапе, заключается в создании условий для принятия стороной защиты и прежде

всего самим подозреваемым/обвиняемым в убийстве добровольного решения о необходимости заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Тактические приемы, направленные на решение обозначенной задачи, должны определяться с учетом личности лица, подвергающегося уголовному преследованию, обстоятельств преступления, совершение которого ему вменяется, формы участия защитника, его квалификации. Могут приниматься во внимание и иные значимые обстоятельства, которыми характеризуется конкретная следственная ситуация.

Приведем пример. Гражданин М. подозревался в совершении серии убийств и вымогательств в составе организованной группы. Первоначально стороной защиты была выбрана тактика отрицания причастности М. к совершению преступлений. В ходе одной из встреч защитника и следователя последний показал защитнику фрагмент бревна, вырезанного из стены дома. На этом фрагменте отчетливо были видны нарисованная мишень и следы пристрела огнестрельного оружия. При этом следователь как бы ненароком поинтересовался, известно ли защитнику, для чего использовалась стена дома, и сообщил, что фрагмент бревна изъят недалеко от места убийства. В дальнейшем защитник в следственном изоляторе во время обсуждения ситуации с М. озвучил ставшие известные ему обстоятельства. Услышав о фрагменте бревна с нарисованной мишенью со следами пристрелки, а также месте его изъятия, М. высказал пожелание о сотрудничестве со следствием, а также сообщил защитнику, что следы от пуль на обозначенном фрагменте бревна оставлены именно им, что он проверял пистолет перед убийством троих лиц. Далее М. высказал мысль о том, что раз следствие располагает обозначенными доказательствами его причастности к совершению убийств, то, скорее всего, установлены все обстоятельства преступления. Обсудив сложившуюся ситуацию, подозреваемый и защитник приняли решение ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, следователь и прокурор его удовлетворили.

Осмысление приведенных выше обстоятельств дает основание полагать, что следователь намеренно показал защитнику фрагмент бревна, назвал условия его изъятия с той целью, чтобы через него подтолкнуть М. к принятию решения о сотрудничестве с органами уголовного преследования и заключению досудебного соглашения. Таким образом, в результате правильной тактики следователя с подозреваемым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, что помогло в раскрытии убийств 17 человек.

В приведенном примере избранная следователем тактика позволила «подтолкнуть» сторону защиты к принятию решения, желаемого для органов уголовного преследования. Вместе с тем в интересах следствия следователь может прямо предложить подозреваемому/обвиняемому рассмотреть возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, разъяснить соответствующие нормы закона. При этом могут быть обозначены преимущества сотрудничества со следствием, в числе которых могут быть названы, как минимум, следующие:

- назначение судом более мягкого наказания, чем то, что может быть назначено лицу, с которым не заключено досудебное соглашение (ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ, ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ);
- обязательное участие защитника (ч. 1 ст. 315, ч. 2 ст. 316, ч. 1 ст. 317.1 и др. УПК РФ);
- невзыскание процессуальных издержек (ч. 10 ст. 316, ст. 317.7 УПК РФ);
- более быстрое, чем без применения норм гл. 40.1 УПК РФ, расследование и судебное разбирательство в особом порядке.

4. Этап процессуального оформления результатов тактической операции. Основными документами, отражающими результаты анализируемой тактической операции, являются:

- ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в котором подозреваемый (обвиняемый) в убийстве указывает, какие действия обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2. ст. 317.1 УПК РФ);

– материалы уголовного дела, в которых отражены характер и степень содействия в расследовании убийства (иных преступных посягательств), содержание соответствующих действий со стороны лица, обвиняемого в убийстве (иных преступлениях): протоколы допроса лица, подвергающегося уголовному преследованию, протоколы проверки показаний на месте, очной ставки и т.д.;

– представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В нем должны найти отражение обстоятельства, обозначенные в ст. 317.5 УПК РФ: полнота и правдивость сведений, сообщенных обвиняемым в убийстве, характер и пределы его содействия следствию, роль в изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления и пр.

Следует отметить, что содержание этапов тактической операции «Заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве», вполне вероятно, будет отличаться в зависимости от вида, категории, числа преступлений.

Кроме того, полагаем, что в случае заключения с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, может возникнуть необходимость в реализации и иных тактических операций, например, «Обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве», «Проверка показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве» [5, с. 151–184; 11, с. 80–95; 15, с. 140–166] и др.

Литература

1. Бабаева Э. У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию: монография. М.: Юрлитинформ, 2010.
2. Баев О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.
4. Вальшина И. Р. Некоторые проблемные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве и пути их решения // Евразийская адвокатура. 2014. № 5.
5. Гармаев Ю. П., Попова Е. И. Применение следователем норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013.
6. Дузов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Изд-во БГУ, 1979.
7. Кошелева И., Михальчук А. Тактическая операция «Изучение личности несовершеннолетнего обвиняемого» // Уголовное право. 2009. № 3.
8. Криминалистика: учебник / под ред. А. Г. Филиппова. М.: Юрайт, 2011.
9. Криминалистика: учебник / под ред. Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. М.: ТК Велби; Проспект, 2008.
10. Образцов В. А., Протасевич А. А. О теории тактических операций и ее связях с другими структурными элементами науки криминалистики // Оптимизация расследования преступлений: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982.
11. Попова Е. И. Расследование с использованием норм об особом порядке (гл. 40 УПК РФ): монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
12. Профессиональные навыки юриста: опыт практического обучения / Воскобитова Л. А. [и др.]. М.: Дело, 2001.
13. Рожкова В. А. Некоторые проблемы правового регулирования заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и пути их решения // Молодой ученый. 2016. № 26. URL: <https://moluch.ru/archive/130/36138/>.
14. Степаненко Д. А., Днепровская М. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. 2013. № 4.
15. Хамидуллин Р. С. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм особого порядка уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
16. Хамидуллин Р. С. Понятие и содержание тактической операции «Привлечение подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41).
17. Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1983.

УДК 343.72

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ ПРИ КУПЛЕ-ПРОДАЖЕ АВТОТРАНСПОРТА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД ПО РАСКРЫТИЮ ДАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Яков Павлович Велиев, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: vel0486@mail.ru

В статье рассматриваются наиболее распространенные способы совершения мошенничеств при оформлении сделок купли-продажи автотранспорта, приводится краткий анализ механизма совершения этих преступных деяний, а также алгоритм первоначальных действий сотрудников ОВД по раскрытию данных преступлений. С учетом особенностей данного вида преступной деятельности, изученной практики материалов предварительных проверок и расследованных уголовных дел в сфере купли-продажи автотранспорта, автором предложена классификация способов совершения рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: мошенничество; автотранспорт; способ совершения мошенничества; сделки; купля-продажа автотранспорта.

WAYS TO COMMIT FRAUD IN THE SALE AND PURCHASE OF VEHICLES AND THE INITIAL ACTIONS OF POLICE OFFICERS TO SOLVE THESE CRIMES

Yakov Pavlovich Veliev, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article deals with the most common methods of fraud in the design of transactions of purchase and sale of vehicles, provides a brief analysis of the mechanism of these criminal acts, as well as the algorithm of the initial actions of police officers, to disclose these crimes. Taking into account features of this type of criminal activity, the studied practice of materials of preliminary checks and the investigated criminal cases in the sphere of purchase and sale of motor transport, the author offers classification of ways of Commission of the considered crimes.

Keywords: fraud; vehicles; method of fraud; transactions; purchase and sale of vehicles.

В последние годы преступниками применяются новые способы мошенничества, что создает в ходе их выявления и расследования дополнительные трудности, особенно если совершению противоправного деяния предшествовала тщательная подготовка. Продолжающийся рост мошеннических посягательств заставляет отнести борьбу с ними к приоритетным направлениям деятельности правоохранительных органов.

По данным ГИАЦ МВД России, с 2014 г. происходит увеличение регистрации мошеннических посягательств. В 2014 г. зарегистрировано 160 214 мошенничеств, что составило 7,3 % от общего числа зарегистрированных преступлений, в 2015 г. – 200 598 (8,3 %), в 2016 г. – 208 926 (9,7 %), в 2017 г. – 222 772 (10,8 %), в 2018 г. – 215 036 (10,8 %) *.

Одним из видов совершаемых мошенничеств являются преступления в сфере купли и продажи автотранспорта. В Российской Федерации, как и в других развитых странах, транспорт является одной из крупнейших базовых отраслей хозяйства, важнейшей составной частью производственной и социальной инфраструктуры. Количество автомобилей, поставленных на государственную регистрацию в подразделениях ГИБДД России, составляет 50,6 млн еди-

* Статистические данные ГИАЦ МВД РФ. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 02.02.2019).

ниц. Почти 84 % от этого числа приходится на легковые автомобили (42,4 млн экземпляров). Легкой коммерческой технике принадлежит 8 % от общего объема парка (4,1 млн машин), грузовых автомобилей зарегистрировано 3,7 млн единиц (7 %). Около 1 % автомобильного парка занимают автобусы (чуть более 0,4 млн единиц).

Согласно статистике, продажа автомобилей на российском рынке в 2016 г. достигла отметки в 1,4 млн машин, в 2017 г. – 1,5 млн автомобилей, в 2018 г. – 1,8 млн единиц*.

В связи с увеличением на потребительском рынке доли купли-продажи автомобилей растет и уровень преступных посягательств (мошеннических действий) в данной сфере.

При выявлении и последующем расследовании мошенничеств большое значение имеют знания их оперативно-розыскных и криминалистических характеристик.

Основные структурные элементы криминалистической характеристики мошенничества, по мнению Н. П. Яблокова, «... наиболее ярко проявляются в непосредственном предмете преступного посягательства, способе, механизме и обстановке их совершения, типологических чертах личности похитителей и преступной группы, а иногда и в особенностях наступивших преступных последствий» [5, с. 564]. Он считает, что наиболее ярко криминалистические особенности мошенничества проявляются в способах его совершения [4, с. 323].

Как отмечает Р. С. Белкин, способ преступления издавна и вполне обоснованно находится в центре внимания ученых, занимающихся проблемами частной методики [2, с. 223].

Так, Н. Ф. Михайлов под способом совершения преступления понимает ту характеристику, форму, в которой выразились общественно опасные действия, те приемы, порядок и последовательность, которые использовались преступником при совершении преступления [7, с. 7].

О. Р. Якубович рассматривает способ совершения преступления как признак объективной стороны состава преступления, представляющий собой образ действия, прием или взаимообусловленную систему приемов телодвижений, направленных на достижение результата, осуществляемых в определенном порядке во время совершения преступления [9, с. 26].

По мнению М. В. Шкеле, способ совершения преступления представляет определенную форму выражения преступного действия или бездействия, основываясь на уяснении соотношения философских категорий содержания и формы [8, с. 36].

Г. Г. Зуйков дал следующее определение криминалистического способа совершения преступления: «... это детерминированная условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности система взаимосвязанных действий (деятельность) по подготовке, совершению и сокрытию преступления, связанных с использованием орудий и средств, условий места и времени, соответствующих цели совершаемых действий» [3, с. 84].

Иными словами, способ совершения преступления как научная категория включает в свою структуру три элемента: подготовку преступления; непосредственное совершение; сокрытие. Конкретное преступление не обязательно содержит все три элемента, в связи с этим способы преступления разделяют на полноструктурные, т.е. включающие в себя все три названных элемента, и неполноструктурные, включающие в себя один или два из них [1, с. 100].

На основе анализа изученных уголовных дел и дел оперативного учета можно предложить следующую классификацию способов совершения мошенничеств при купле-продаже автотранспорта:

1. Мошенничество, связанное с продажей запасных частей автомобилей – «распилов»**, под видом автомобилей, ввезенных на территорию Российской Федерации с уплаченными та-

* Статистические данные аналитического агентства «АВТОСТАТ». URL: <https://www.autostat.ru/> (дата обращения: 02.03.2019).

** «Распил» – это автомобиль, который распиливается в иностранном государстве на две части и ввозится в Россию. В Таможенном управлении он оформляется не как автомобиль, а как запасные части, то есть уплачивается меньший налог на ввоз. В России данные две части свариваются в единый автомобиль, который нельзя поставить на учет в ГИБДД, так как таможенными органами не выдается паспорт транспортного средства (ПТС), а выдается государственная таможенная декларация. По сути, это не автомобиль, а всего лишь запасные части.

моженными налогами и сборами и зарегистрированных в территориальном подразделении ГИБДД МВД России.

2. Мошенничество, связанное с куплей-продажей иностранных автомобилей, ввезенных на территорию Российской Федерации без уплаты таможенных налогов и сборов.

3. Мошенничество при купле-продаже похищенных автомобилей.

4. Мошенничество при оформлении сделок купли-продажи автомобилей, которые находятся в обременении у третьих лиц.

5. Продажа автомобиля, находящегося в залоге у банка.

6. Мошенничество при оформлении сделок фиктивными автосалонами.

По данным Федеральной таможенной службы, с 2016 г. отмечается рост приобретенных кузовов (включая кабины) автотранспортных средств в иностранных государствах, ввезенных через Государственную границу Российской Федерации (в 2016 г. – 120 642 ед., в 2017 г. – 161 195 ед., в 2018 г. – 221 113 ед.).

Продажа запасных частей автомобилей (распилов) под видом автомобилей, ввезенных на территорию Российской Федерации с уплаченными таможенными налогами и сборами и зарегистрированных в территориальном подразделении ГИБДД МВД России, осуществляется с использованием поддельного паспорта транспортного средства и регистрационных знаков. Стоимость «распила», как правило, в два раза дешевле стоимости автомобиля, ввезенного под полную таможенную пошлину. «Распил» отличается от оригинального автомобиля только номером кузова, то есть является двойником реального автомобиля. Данный способ мошенничества распространен на территории Дальневосточного федерального округа. Данный вид преступления совершается организованными преступными группами, что усложняет выявление и документирование их преступной деятельности. Покупатель обнаруживает обман только тогда, когда купленный автомобиль ставит на учет в ГИБДД, что затрудняет раскрытие данного вида преступлений по горячим следам. Мошенники при продаже данных автомобилей тщательно подготавливаются:

– выбирается распространенная марка автомобиля с целью дальнейшей быстрой реализации, затем «распил» автомобиля выбранной марки заказывается через интернет-сайты либо приобретается через иные объявления, где указывается, что автомобиль является «распилом» и есть только государственная таможенная декларация на запасные части «распила». В сети Интернет существует достаточно много сайтов индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, оказывающих услуги по доставке автозапчастей, в том числе и составных частей кузова автомобиля. Чтобы оформить документы по прохождению таможенного контроля, существуют юридические лица, которые оформляют данные документы. После получения составных частей автомобиля (распила), в передней или задней частях автомобиля производится сварка, осуществляемая в специальных автосервисах. В последующем номер кузова автомобиля перебивается на номер официально состоящего на учете в ГИБДД автомобиля;

– изготавливаются поддельные документы на автомобиль (паспорт технического средства, свидетельство о регистрации технического средства) и на лицо (паспорт гражданина РФ), являющееся владельцем автотранспорта. Изготовление подложных документов осуществляется самими преступными группами или с помощью других лиц, которые специализируются на подделке документов. Для изготовления ПТС преступники находят информацию об аналогичном автомобиле той же марки, его государственный регистрационный знак, серию ПТС, дату растаможивания автомобиля, дату постановки автомобиля на регистрационный учет. Таким образом, потенциальный покупатель при проверке автомобиля по базам ГИБДД не сможет установить, что продаваемый «распил» не существует как растаможенный автомобиль. С целью отыскания оригинального автомобиля мошенники через сайты сети Интернет находят объявление о продаже автомобиля необходимой марки, схожего по цвету, году выпуска. Созваниваются с продавцом под видом покупателя, узнают у него серию ПТС, дату его

выдачи, дату, когда автомобиль был растаможен, государственный регистрационный знак, дату постановки на учет автомобиля. В ПТС вписываются реквизиты собственника автомобиля, который официально находится на учете в ГИБДД. Появляется автомобиль-двойник. В последующем в ПТС вносятся анкетные данные несуществующего лица, от чьего имени будет продаваться автомобиль. Составляется договор купли-продажи от собственника автомобиля и вымышленного лица, которое вписывается в документ для предъявления будущему покупателю. Также изготавливаются поддельные государственные регистрационные автомобильные номера. Здесь следует отметить, что существует много коммерческих организаций по изготовлению государственных регистрационных номеров, где по правилам необходимо предъявить документы на автомобиль. Строгого контроля над деятельностью данных коммерческих организацией нет. Также подделывается паспорт гражданина РФ путем вклеивания фотографии мошенника в действующий паспорт гражданина РФ. Преступник показывает ранее составленный договор купли-продажи, с него составляют новый договор купли-продажи между покупателем и продавцом в лице мошенника;

– продажа сваренных составных частей кузова автомобиля с перебитыми номерами кузова (распилы) и подложными регистрационными государственными номерами и документами. Мошенники с преступным умыслом, направленным на хищение чужого имущества, размещают на интернет-сайтах объявление о продаже запасных частей автомобиля. При этом формулировка объявления предполагает продажу купленных запасных частей под видом целого автомобиля. Указываются номера телефонов, которые зарегистрированы, как правило, на вымышленных людей. Также приобретается новый сотовый телефон, который используется для совершения данного обмана, после совершения преступления сотовый телефон и SIM-карта выбрасываются. Объявления размещают, находясь в компьютерном клубе, для того чтобы сотрудники полиции не смогли по IP-адресу установить, кому принадлежит компьютер, с помощью которого было выложено объявление. Также объявления могут выложить с помощью сотового телефона, который используется для принятия звонков от покупателей и после сделки купли-продажи выбрасывается;

– продажа автомобилей. Мошенники пытаются продать автомобили в те дни, когда не работает межрайонное регистрационно-экзаменационное отделение ГИБДД, чтобы покупатель не смог проверить документы на автомобиль. Покупатель, увидев объявление о продаже автомобиля с регистрационным знаком, связывается по указанному в объявлении номеру с мошенниками. Представившись собственником продаваемого автомобиля, действуя согласно отведенной роли в совершении преступления, в ходе телефонного разговора и последующей личной встречи мошенник вводит покупателя в заблуждение, что продаваемые запасные части автомобиля являются автомобилем, ввезенным на территорию Российской Федерации с уплаченными таможенными налогами и сборами и зарегистрированным в территориальном подразделении ГИБДД МВД России, что имеющийся к нему паспорт транспортного средства является подлинным. Как правило, покупатели не сравнивают номер кузова с номером, вписанным в ПТС. При оформлении договора купли-продажи также используются подставные лица. После оформления сделки покупатель при постановке на учет в ГИБДД обнаруживает, что автомобиль является «распилом». Поддельные документы ПТС изымаются сотрудниками ГИБДД и передаются в органы дознания для возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 326, 327 УК РФ. Кузов «распила» остается у потерпевшего как запасная часть автомобиля.

Купля-продажа иностранных автомобилей, ввезенных на территорию Российской Федерации без уплаты таможенных налогов и сборов.

Мошеннические действия при купле-продаже данных автомобилей аналогичны действиям при продаже «распилов». Подделываются документы автомобиля (ПТС, свидетельство о регистрации ТС), регистрационный знак, вносятся изменения в кузов автомобиля. Документы могут подделываться на территории другого государства. Указанные автомобили

могут быть похищены на территории иностранного государства. При выявлении данных автомобилей большое практическое значение имеет информация по каналам НЦБ Интерпола.

Так, в 2018 г. российскими правоохранительными органами обнаружено 290 автомашин, разыскиваемых по каналам Интерпола. Наибольшее количество разыскиваемых транспортных средств выявлено в Республике Крым (40), Ростовской области (45), Москве (32), Краснодарском крае (24), Санкт-Петербурге и Ленинградской области (20). Каналы Интерпола активно используются для идентификации транспортных средств с измененными агрегатными номерами по учетам заводов-изготовителей (в том числе в рамках сопровождения уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных ст. 158, 166, 194, 326, 327 УК РФ). Всего на территории РФ в 2018 г. идентифицировано более 1 120 транспортных средств, из них 385 находились в федеральном, 25 – в международном розыске, установлено 34 автомобиля-двойника. Более 90 автотранспортных средств возвращены законным собственникам.

В последние годы одним из распространенных видов автотранспорта, ввозимого с территории иностранных государств без уплаты таможенных налогов и сборов, являются автобусы различной категории и класса. Автобусы ввозятся также как «распилы». Впоследствии они могут регистрироваться в ГИБДД по поддельным документам автомобиля, ввезенного на территорию Российской Федерации с уплаченными таможенными налогами и сборами, или могут эксплуатироваться по документам автобусов, уже зарегистрированных в территориальном органе ГИБДД. Появляется двойник автобуса, который не прошел соответствующий контроль со стороны уполномоченных органов, тем самым создается угроза жизни и здоровью пассажиров, уголовная ответственность за которую предусмотрена ст. 238 УК РФ.

Такие автобусы обманным путем продаются коммерческим перевозчикам как автомобили, ввезенные на территорию Российской Федерации с уплаченными таможенными налогами и сборами. Как правило, обнаруживаются автобусы с перебитыми агрегатами кузова при тщательной проверке сотрудниками полиции автопарка коммерческих перевозчиков либо при совершении дорожно-транспортных происшествий. Так, при проверке в 2017–2018 гг. в Хабаровском крае коммерческих перевозчиков было обнаружено 79 автобусов с перебитыми номерами кузова, возбуждены уголовные дела по ст. 326 УК РФ.

Купля-продажа похищенных автомобилей. Данный способ совершения мошенничества применяется организованными преступными группами, где имеется четкое распределение ролей. Одна часть группы занимается непосредственно кражами автомобилей, другая часть – продажей. Как правило, автомобили угоняются в одном регионе, продаются в другом с поддельными документами автомобиля (ПТС, свидетельство о регистрации ТС), регистрационным знаком, с перебитыми номерами агрегатов кузова автомобиля. Так, автомобили похищаются в центральной части РФ, продаются – в южных регионах. Также осуществляется продажа автотранспорта, украденного за пределами РФ, с поддельными документами и перебитыми номерами кузова. Покупатель обнаруживает, что ему продали краденый автомобиль, лишь при регистрации его в ГИБДД.

При продаже похищенного автомобиля изменяется идентификационный номер транспортного средства. Наиболее распространенными способами подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства являются:

- замена всей маркируемой панели (детали) кузова автотранспортного средства на оригинальную панель другого автомобиля;
- внесение изменений в часть маркируемой панели;
- установка пластины (накладки) со знаками вторичной идентификационной маркировки.

Схема продажи похищенного автотранспорта состоит из тех же элементов, как и при продаже автомобилей-«распилов».

Продажа или обмен автомобилей, которые находятся в обременении у третьих лиц. Покупатель, как правило, не сразу узнает о том, что приобретенный им автомобиль находится в юридической собственности у третьих лиц (физического лица, банка, иного юридического

лица), даже после регистрации в ГИБДД. Это связано с тем, что в ГИБДД поступает информация на запрет оформления сделки купли-продажи автотранспорта после решения суда или вынесения постановления ведомственных органов (следствия ОВД, органа дознания ОВД, Следственного управления СК РФ и др.).

Одним из видов такого способа мошенничества является продажа автомобиля по генеральной доверенности, которую можно в дальнейшем аннулировать. Генеральная доверенность может быть поддельной. Данные преступления, как правило, не носят системного характера. Трудности раскрытия данного преступления состоят в доказывании умысла преступника, поскольку может быть затронута гражданско-правовая сфера.

Продажа автомобиля, находящегося в залоге у банка, осуществляется непосредственно самим владельцем либо его представителем. Автомобили могут приобретаться по программе автокредитования по подложным документам другого лица, и после одобрения кредита банком, автомобиль реализуется в течение месяца, до первого срока выплаты. Затем банк начинает обращаться к новому владельцу с требованием о выплате кредита. Иногда люди добровольно отдают свои документы для получения кредита на автомобиль за определенную сумму денежных средств при сбыте автомобиля. Потерпевший, купивший у преступников кредитный автомобиль по подложному ПТС либо по дубликату ПТС (настоящий находится в банке до погашения задолженности), лишается автомобиля. Транспортное средство изымается в пользу банка. В последующем потерпевший обращается в правоохранительные органы с заявлением о мошенничестве.

Также можно выделить следующие способы перепродажи автомобиля, приобретенного в кредит:

- машина ставится на учет в ГИБДД и тут же снимается с учета, осуществляется продажа по генеральной доверенности или по копии паспорта бывшего владельца. Здесь следует отметить, что в автосалонах или на авторынках распространена практика перепродажи автомобиля по копии паспорта бывшего владельца, где не нужны доверенность или присутствие собственника. Перекупщики представляются лицами, имеющими к владельцу непосредственное отношение и действующими по его указанию;

- в ПТС вписывается новый собственник, часто с помощью сотрудника автосалона, после этого автомобиль ставится на учет в ГИБДД и тут же снимается с него для дальнейшей продажи третьему лицу;

- после постановки на учет ПТС сдается в банк, выдавший кредит на покупку автомобиля, и заемщик идет в ГИБДД, где пишет заявление об утере ПТС, и ему выдается копия, он снимает машину с учета и продает.

Оформление сделки купли-продажи автотранспорта в фиктивных автосалонах по продаже автотранспорта. Преступники арендуют здание, публикуют хорошую рекламу автосалона, создается клиентская база, первое время могут осуществляться реальные сделки купли-продажи автомобилей, клиенты будут получать заказанные ими автомобили, но после набираются заказы и автосалон перестает работать, обманув покупателей. Данный способ совершается организованными преступными группами.

Описав вышеизложенные способы мошенничества, необходимо сказать об алгоритме первоначальных действий сотрудников органов внутренних дел, направленных на раскрытие вышеуказанных преступлений. Успех раскрытия мошенничества зависит от незамедлительного проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий в сочетании с неотложными следственными действиями, с применением криминалистических, оперативных и иных специальных средств, а также от степени эффективности и взаимодействия следственных органов и оперативных подразделений.

На первоначальном этапе раскрытия данного преступления сотрудникам органов внутренних дел следует:

– подробно выяснить у заявителя обстоятельства совершения в отношении его противоправных деяний: как именно заявитель нашел объявление о продаже автотранспорта (через интернет-сайт, в газете, на автомобильном рынке и т.д.); способ связи с преступником (электронная, мобильная); установить место, время, способ завладения имуществом (денежными средствами), приметы преступников, как они общались между собой, может ли заявитель опознать продавца автотранспорта, лиц, находившихся с ним (составить их фоторобот); кто составлял договор купли-продажи автотранспорта;

– установить местонахождение предметов и документов (ПТС, свидетельство о регистрации технического средства), переданных преступником потерпевшему. Если они находятся у потерпевшего, то произвести их выемку. При обращении потерпевшего для регистрации автотранспорта в ГИБДД, подложные документы изымаются сотрудниками ГИБДД и передаются по подследственности в орган дознания для возбуждения уголовного дела по ст. 326 УК РФ;

– провести осмотр места происшествия в целях обнаружения следов пребывания преступников в данном месте (наличие видеонаблюдения на парковках, по возможному пути следования автотранспорта). При изучении уголовных дел, связанных с мошенничеством при купле-продаже автотранспорта, было установлено, что иногда автомобили перед продажей находятся недалеко от места встречи потерпевшего с преступником. В связи с этим, необходимо отработать автостоянки, парковки, находящиеся возле места совершения преступления [6];

– установить свидетелей и очевидцев преступления;

– проинформировать о преступлении и приметах преступников соседние территориальные органы;

– осуществить оперативное информирование всех служб об известных обстоятельствах совершения мошенничества.

Возможно создание специализированной оперативно-следственной группы.

Следующий этап – проведение оперативно-розыскных и следственных мероприятий в рамках возбужденного уголовного дела. Оперативными сотрудниками в целях систематизации, закрепления фактических данных, а также проведения оперативно-технических, оперативно-поисковых мероприятий может быть заведено дело оперативного учета. В рамках возбужденного уголовного дела необходимо провести следующие мероприятия:

– назначить криминалистические экспертизы: технико-криминалистическую экспертизу документов для установления способа их изготовления или подделки; автотехническую экспертизу транспортного средства с целью установления изменения идентификационного номера кузова, шасси; трасологическую экспертизу в целях решения вопроса о пригодности обнаруженных следов для идентификации, а также о свойствах объекта, их оставившего; дактилоскопическую экспертизу государственного регистрационного знака, с обратной стороны которого могут быть оставлены следы пальцев рук преступников;

– проанализировать схожие уголовные дела с целью установления общих признаков совершения преступления, использования при подделке документов (ПТС, свидетельство о регистрации технического средства) одинаковых оттисков печатей, примет преступников, юридических или физических лиц, оформляющих договор купли-продажи, способов установления контакта с потерпевшим, модели и марки автомобилей и т.д.;

– при установлении идентификационного номера кузова автомобиля иностранной марки направить запрос в Федеральную таможенную службу РФ с целью установления юридического или физического лица, получившего данный кузов. При необходимости использовать каналы ИЦБ Интерпола для идентификации транспортных средств с измененными агрегатными номерами по учетам заводов-изготовителей;

– провести мониторинг сети Интернет с целью обнаружения объявления в архиве сайта по продаже транспортного средства. Также при мониторинге необходимо установить схожие объявления по продаже автотранспорта;

– направить поручение (запрос) на проведение оперативно-технических мероприятий с целью установления IP-адреса технического средства, с которого было выложено объявление по продаже автомобиля.

При установлении лиц, совершающих мошеннические действия при купле-продаже автотранспорта, в рамках дела оперативного учета необходимо проведение оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий. Данные мероприятия направлены на документирование противоправной деятельности преступников, установление всех соучастников преступления, мест хранения автотранспорта, подложных документов на транспортное средство, помещений, где осуществляется изготовление подложных документов и изменение идентификационных номеров кузова автомобиля.

В дальнейшем результаты оперативно-розыскной деятельности передаются в следственные подразделения согласно Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

В заключение следует отметить, что вышеизложенные способы совершения мошеннических действий при купле-продаже автотранспорта не являются исчерпывающими. Возможно появление новых и исчезновение старых способов, что зависит, в частности, от изменений в законодательстве Российской Федерации, связанном с импортом автотранспорта, с различными экономическими факторами.

Изучение способов совершения преступления необходимо сотрудникам оперативных подразделений и следственных органов, чтобы правильно выстраивать оперативно-розыскные и криминалистические версии с целью раскрытия преступлений. Зная способы совершения мошенничеств при купле-продаже автотранспорта, сотрудники оперативных подразделений смогут:

- спланировать алгоритм действий, направленных на выявление и документирование данного вида преступлений в рамках дел оперативного учета;
- установить и проанализировать аналогичные преступления, совершенные ранее или на другой территории;
- при возбуждении уголовного дела провести первоначальные оперативно-розыскные и оперативно-технические мероприятия, направленные на сбор необходимой оперативно значимой информации, с целью дальнейшего установления личности преступника.

В дальнейшем, на основе изучения вышеизложенных способов, возможна разработка методики выявления и раскрытия преступлений, совершаемых в сфере оформления сделки купли-продажи автотранспорта.

Литература

1. Белецкий С. М. Способы совершения преступления как элементы криминалистической характеристики мошенничества на рынке жилья // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД России, 2005.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая характеристика преступления – реальность или иллюзия? // Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Инфра-М-НОРМА, 2001.
3. Зуйков Г. Г. Поиск преступников по признакам совершения преступлений: учеб. пособие. М.: Высшая школа МВД СССР, 1970.
4. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.
5. Криминалистика: учебник / под ред. Н. П. Яблокова. М.: БЕК, 1995.
6. Мерецкий Н. Е., Шурухнов Н. Г. Криминалистика: определение, схемы, практические рекомендации: учеб. пособие. Хабаровск: ДВГУПС, 2016.
7. Михайлов Н. Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
8. Шкеле М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
9. Якубович О. Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: монография / под ред. А. С. Михлина. М.: ВНИИ МВД России, 2005.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.412.92

О РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНАМИ ПРАВА ДОСТУПА К ОБЪЕКТАМ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Валерия Владимировна Кудряшова, преподаватель Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия

E-mail: lera_patrakova@mail.ru

Статья посвящена исследованию отдельных вопросов реализации конституционного права граждан на доступ к объектам культурного наследия. Право доступа к объектам культурного наследия рассматривается как гражданско-правовой институт с позиции необходимости обеспечения баланса частноправовых и публично-правовых начал. Автором формулируется проблема непоследовательной законодательной регламентации права на доступ к культурным объектам и предлагаются формулы, направленные на совершенствование действующего законодательства.

Ключевые слова: объекты гражданских прав; объекты культурного наследия; право доступа к объектам культурного наследия.

ON EXERCISE OF THE CIVIL RIGHT OF ACCESS TO CULTURAL HERITAGE SITES

Valeria Vladimirovna Kudryashova, lecturer of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice

The paper is devoted to the study of certain issues of how the citizens' constitutional right is exercised in respect of cultural heritage sites. The right of access to cultural heritage sites is considered as a civil doctrine from the perspective of a necessity to strike a balance between the civil and the public. The author states inconsistent legal regulation of the right of access to cultural sites as a problem and proposes formulations aimed at improvement of existing legislation.

Keywords: objects of civil rights; cultural heritage sites; access to cultural heritage sites.

Объекты культурного наследия в системе объектов гражданских прав обладают значительной спецификой. Являясь, с одной стороны, вещью, а с другой – имея признанную государством в публично-правовом порядке значимость, они исторически сочетают в себе как

частноправовые, так и публично-правовые начала, что вынуждает законодателя устанавливать отдельные изъятия из общего регулирования для того, чтобы достигнуть подчас противоположные цели их сохранения и популяризации.

Противоречивость, а иногда и откровенные перегибы в государственной политике приводят к тому, что данная сфера общественных отношений нуждается в системном анализе и переработке.

В качестве предварительного тезиса следует признать необходимость установления приоритета частного правового регулирования в связи с наличием в нем необходимых конструкций, позволяющих обеспечить как сохранность культурных объектов, так и реализацию прав граждан в рассматриваемой сфере. Так, культурные права граждан устанавливаются Конституцией Российской Федерации, однако особенности их реализации являются предметом гражданско-правового регулирования.

Частью 2 ст. 44 Конституции РФ гражданам предоставлено право на доступ к культурным ценностям. Культурными ценностями являются нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты (ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре*) (далее – Основы законодательства). К числу культурных ценностей относятся и объекты культурного наследия.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 21.02.2019) (далее – Закон об объектах культурного наследия) к ним относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Сопоставительное толкование заставляет усомниться в юридической корректности термина «объекты культурного наследия». Поскольку Закон об объектах культурного наследия является специальным, основное понятие должно четко устанавливать связь с общим термином (культурные ценности) и специфику (юридические границы) специального термина. С этой позиции обнаруживается отсутствие юридически определенной взаимосвязи культурных ценностей и объектов культурного наследия.

Выводы о том, какие объекты могут быть отнесены к числу объектов культурного наследия, распространяется ли на них положения ст. 44 Конституции РФ, могут быть сделаны лишь на основе системного толкования положений Закона об объектах культурного наследия.

По смыслу преамбулы указанного закона объекты культурного наследия являются культурными ценностями, следовательно, к ним применима реализация конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям. Легальная классификация (ст. 3 Закона об объектах культурного наследия), правила установления границ объектов (ст. 3.1 Закона об объектах культурного наследия), требования к осуществлению деятельности в границах

---

* Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утверждены Верховным Советом РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ред. от 05.12.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

территории объекта (ст. 5.1 Закона об объектах культурного наследия) позволяют относить к объектам культурного наследия исключительно недвижимые вещи.

Исходя из этого, и вопрос о вещных правах на объекты культурного наследия необходимо рассматривать с позиции положений гражданского законодательства о вещных правах на недвижимость.

Безусловно, основным вещным правом на объекты культурного наследия является право собственности, регулированию которого посвящено большое количество нормативных правовых актов, вместе с тем, в отношении объектов культурного наследия могут быть установлены и ограниченные вещные права.

В отличие от права собственности ограниченное вещное право представляет собой право на чужую вещь, уже присвоенную другим лицом – собственником [2].

В классической цивилистической доктрине к ограниченным вещным правам относят сервитуты, право хозяйственного ведения, оперативного управления, право постоянного бессрочного пользования и другие. Однако такое конституционное право, как право на доступ к объекту (например, к объекту недвижимости), не рассматривается в качестве ограниченного вещного права.

В силу специфики и особой важности объектов культурного наследия вопрос о порядке обеспечения доступа граждан к ним представляется актуальным. Очевидно, что охрана объектов культурного наследия не может сводиться к их изоляции от граждан. Возможно, это действительно помогло бы лучше их сохранить, но тогда цель культурного развития общества была бы нивелирована. Такой тезис находит подтверждение в преамбуле Закона об объектах культурного наследия, где отношения в области использования объектов на равных объединены с отношениями сохранения, популяризации и государственной охраны, а первой целью регулирования названа реализация конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям.

Во всем цивилизованном мире признано, что доступ к объектам культурного наследия – одно из культурных прав граждан. Конечно, структура и содержание законодательства разных стран о доступе к объектам культуры не являются идентичными, однако общим следует считать возложение на собственника обязанности обеспечить доступ к объекту культурного наследия всем желающим.

Именно доступ рассматривается как ключевая категория в регламентации отношений, связанных с объектами культурного наследия.

Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия [1], являющаяся базовым актом в сфере культурного наследия для большинства государств мира, закрепляет необходимость популяризации объектов культурного наследия в целях прогресса и распространения знаний. Положения Конвенции находят дальнейшее закрепление в законодательстве стран-участниц. Так, в Англии для собственников исторических зданий, сооружений, если они обеспечивают доступ туда публики, полагаются государственные дотации.

Французское законодательство об объектах культурного наследия в качестве существенного условия договоров отчуждения исторических памятников устанавливает обязанность нового собственника гарантировать не только сохранность памятника, но и свободный (бесплатный или платный) доступ публики для осмотра*.

В целях популяризации зданий, представляющих ценность с исторической, архитектурной или культурной точек зрения, в 1976 г. Конгресс США принял Закон «О комплексном

---

* Об исторических памятниках: закон Франции от 31 декабря 1913 г. URL: http://www.voopik.ru/doc/practice/international-law/01_france.pdf

использовании общественных зданий» *, который в числе прочего возлагает на администратора публичных служб обязанность обеспечивать доступ широкой публики в такие здания.

Законом земли Гессен 1974 г. «О защите памятников культуры» ** устанавливается, что доступ к памятникам культуры должен быть по возможности наиболее широким для общественности, если таковой доступ вообще возможен. Орган по охране памятников должен договариваться с собственниками памятников о свободном к ним доступе.

Несмотря на то, что доступ признается одной из основных целей использования объектов культуры, Закон об объектах культурного наследия содержит отдельные, часто юридически некорректные положения, обеспечивающие «интересы настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации». По содержанию только три статьи: 7, 47.4 и 47.5 – из более восьмидесяти прямо посвящены праву доступа граждан к объектам культурного наследия, специальная глава (всего 14 глав) в Законе об объектах культурного наследия отсутствует.

Негативной чертой действующего законодательства в сфере культурного наследия является также отсутствие определения понятия «доступ» и его видов, что на практике приводит к непониманию границ предоставленного Конституцией Российской Федерации права. Следует признать, что такие виды доступа, как визуальный осмотр, фотографирование, посещение объекта (или отдельных его помещений), различаются и требуют разной законодательной регламентации.

Такое положение вряд ли можно считать нормальным, порядок реализации права доступа не может быть установлен без определения содержания самого права. Важно при этом учитывать, что доступ к объекту культурного наследия является единственным правом в сфере культурного наследия, гарантированным Конституцией Российской Федерации, что предполагает детальное регулирование процедуры его реализации.

Слово «доступ» означает возможность проникновения куда-нибудь или приближения к чему-либо. Для объекта культурного наследия (недвижимая вещь) наружный осмотр или проникновение внутрь следует точно различать в интересах правовой регламентации. Принимая во внимание виды объектов культурного наследия (ст. 3 Закона об объектах культурного наследия), допустимо говорить о визуальном доступе, интерактивном доступе, доступе на территорию объекта, доступе внутрь помещения. Визуальный доступ может включать общий или близкий (детальный) осмотр, возможность качественной фотосъемки.

Очевидны наличие существенного пробела в Законе об объектах культурного наследия и необходимость законодательного определения содержания и видов доступа.

Доступ граждан к объекту культурного наследия осуществляется в порядке ст. 47.4 Закона об объектах культурного наследия, которой установлено, что такое право реализуется в интересах доступа к культурным ценностям, популяризации объекта культурного наследия, использования его при осуществлении научной, культурно-просветительной, образовательной, туристской, экскурсионной и (или) религиозной деятельности. При этом, исходя из системного анализа положений законодательства, собственник обязан обеспечить доступ к объекту культурного наследия только в пределах предмета его охраны (то есть, если интерьер объекта не относится к предмету охраны, то собственник не обязан обеспечивать доступ к его внутренним помещениям).

В соответствии со ст. 18 Закона об объектах культурного наследия предметом охраны объекта культурного наследия является описание особенностей объекта, являющихся основаниями для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению. То есть объ-

---

* Законы США в области сохранения культурного наследия. URL: <https://ria.ru/20081010/152913502.html>

** Act on the Protection of Cultural Monuments of the Land of Hesse from 23 sep. 1974 // URL: http://www.kulturgutschutz-deutschland.de/.../HE_DSchG.pdf?__blob=publicationFile

ектом охраны может быть или только внешний вид объекта, или и внешний вид, и внутреннее убранство.

По смыслу Закона об объектах культурного наследия, если интерьер объекта не относится к предмету охраны, то собственник не обязан обеспечивать доступ к его внутренним помещениям.

Основное и, по сути, единственное положение ст. 47.4 Закона об объектах культурного наследия сводится к тому, что условия доступа к объекту культурного наследия, включенному в реестр (периодичность, длительность и иные характеристики доступа), устанавливаются соответствующим органом охраны объектов культурного наследия.

В развитие указанной нормы Законом об объектах культурного наследия определено, что требования к обеспечению доступа к объекту культурного наследия закрепляются в охранном обязательстве собственника.

Формой охранного обязательства, утвержденной приказом Минкультуры России от 1 июля 2015 г. № 1887 «О реализации отдельных положений статьи 47.6 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры)»^{*}, предусмотрено включение в охранное обязательство раздела 4, посвященного условиям доступа к объекту культурного наследия. В соответствии с п. 21 формы условия доступа к объекту культурного наследия, включенному в реестр (периодичность, длительность и иные характеристики доступа), устанавливаются соответствующим органом охраны объектов культурного наследия с учетом мнения собственника или иного законного владельца такого объекта, а также с учетом вида объекта культурного наследия, включенного в реестр, категории его историко-культурного значения, предмета охраны, физического состояния объекта культурного наследия, требований к его сохранению, характера современного использования данного объекта культурного наследия, включенного в реестр.

Таким образом, предполагается, что орган охраны объекта культурного наследия в охранном обязательстве установит обязательные требования, регулирующие условия доступа граждан к объекту культурного наследия.

Однако на практике утвержденные охранные обязательства дословно повторяют приведенный в форме текст и не содержат конкретных условий о характеристиках доступа (например, приказ Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 1 ноября 2017 г. № 244-спр «Об утверждении охранного обязательства объекта культурного наследия»^{**}).

В то же время, забывая о необходимости более детального регулирования права доступа граждан к объектам культурного наследия, законодатель определяет условия и порядок доступа к иным культурным ценностям – музейным предметам и коллекциям.

В соответствии со ст. 35 Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018) музеи организывают и обеспечивают доступ граждан к музейным предметам и музейным коллекциям в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Положением о Музейном фонде и иными нормативными актами федерального органа исполнительной власти в сфере культуры. Порядок и условия доступа к музейным предметам и музейным коллекциям доводятся музеями до сведения граждан.

Министерством культуры Российской Федерации разработан проект приказа «Об утверждении Положения об организации доступа граждан к музейным предметам и музейным коллекциям, находящимся в музеях», в котором детально отражены способы и виды доступа к объектам культурного наследия, обязанности музеев по обеспечению реализации соответствующего права граждан.

---

* URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2015.

** URL: <http://irkobl.ru/authorities/kadr/npa.php>

Кроме того, при регулировании указанной сферы общественных отношений законодатель не принимает во внимание тот факт, что у собственника объекта есть свои гражданско-правовые интересы, и возлагает на него обязательства только в публично-правовом порядке, что приводит к необоснованному нарушению прав собственника.

Вместе с тем именно достижение и соблюдение баланса частноправовых и публично-правовых начал является залогом эффективного и продуктивного сохранения и защиты уникальных объектов культурного наследия. На необходимость приоритетного учета особенностей сочетания публичных и частных интересов и его роль в обеспечении стабильности государственной политики указывает и В. Н. Шмаков [4, с. 108].

Таким образом, отсутствуют необходимые нормы права, позволяющие установить отдельные характеристики доступа к объекту культурного наследия (его разновидности, периодичность, длительность), а также эффективные законодательные механизмы, позволяющие обеспечить исполнение собственником культурных объектов обязанности по обеспечению доступа к ним (отсутствуют и меры стимулирования собственника, и механизм ответственности за неисполнение возложенной обязанности).

Учитывая, что в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации объекты культурного наследия являются объектами гражданских прав, вещами, ограниченными в обороте, вопрос о необходимости обеспечения доступа к ним подлежит рассмотрению через призму гражданско-правового регулирования.

Необходимость обеспечить доступ к объекту культурного наследия означает, что собственник независимо от собственного желания обязан разрешить любому лицу осмотреть принадлежащий ему объект.

Дополнительные обязательства (обязанности) лица, которые накладывают на него ограничения, возникающие в связи с наличием у него или получением им определенных прав и возможностей, являются обременением.

Следовательно, предоставление всем гражданам права на доступ к объектам культурного наследия является обременением прав собственника данного объекта и влечет возникновение у граждан ограниченных вещных прав на него.

Статьей 47.1 Закона об объектах культурного наследия данное право поименовано в качестве ограничения (обременения) права собственности, другого вещного права на объект культурного наследия. Однако действующим законодательством оно не рассматривается в качестве самостоятельного вещного права, принадлежащего лицу, желающему осуществить доступ к культурному объекту. То есть в настоящее время законодательный подход сводится к тому, что на собственника культурного объекта возлагается обязанность обеспечить доступ к такому объекту любому желающему, другими словами, доступ рассматривается как обременение права собственности наряду с бременем содержания и риском случайной гибели. И если бремя содержания и риск случайной гибели как обременения в достаточной степени урегулированы и не вызывают неразрешимых на практике вопросов, то обязанность обеспечить доступ сводится лишь к провозглашению ее существования. При этом действующее законодательство в сфере культурного наследия отказывается признавать, что помимо обязанности обеспечить доступ к объекту существует и корреспондирующее ей право – конституционное право на доступ к объекту, которое тоже нуждается в регламентации. Хотя действующее законодательство не рассматривает право доступа в качестве ограниченного вещного права, представляется, что данный подход является неверным. Между правом доступа и ограниченным вещным правом можно провести аналогию. Наиболее перспективным для исследования и сравнения в данном случае является институт публичного сервитута. На такую возможность задолго до принятия Закона об объектах культурного наследия указывал А. П. Сергеев, говоря о том, что «данные права являются во многом родственными сервитутным» [3, с. 12].

Сервитут в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представляет собой право ограниченного пользования чужим земельным участком. Вместе с тем допускается, что сервитутом могут обременяться здания, сооружения и другое недвижимое имущество.

Земельным кодексом Российской Федерации закреплена возможность установления публичного сервитута на основании решения органа государственной власти или местного самоуправления в случаях, если это необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения.

Осознавая ущемление интересов собственника, законодатель в ст. 23 ЗК РФ закрепил важное правило, в соответствии с которым собственник земельного участка, обремененного сервитутом, вправе требовать соразмерную плату от лиц, в интересах которых установлен сервитут, если иное не предусмотрено федеральными законами. Кроме того, собственник также вправе требовать от органа государственной власти или органа местного самоуправления, установивших публичный сервитут, соразмерную плату.

Конечно, применение в неизменном виде правил публичного сервитута к отношениям по установлению права доступа к объектам культурного наследия невозможно хотя бы потому, что у лиц, реализующих свое право доступа, не возникает права пользования данным объектом.

Следует признать, что установление возможности для собственника получать плату за обременение принадлежащей ему вещи является прогрессивным направлением правового регулирования.

Вместе с тем предложения ученых в рассматриваемой сфере сводятся исключительно к установлению правовых оснований доступа к объекту культурного наследия, в то время как в правовом государстве на первый план в правотворчестве должны выходить именно права и законные интересы граждан, а не интересы государства.

Таким образом, право доступа следует рассматривать не как еще одну обязанность собственника объекта культурного наследия, а как право всех остальных граждан увидеть этот объект. Смещение правового регулирования в эту сторону создаст возможность как защитить интересы собственника объекта культурного наследия, так и установить четкие границы и порядок реализации права.

Именно защищенность граждан в отношениях, практически полностью регулируемых государством, их поддержка являются наиболее важными составляющими правового государства.

Кроме того, смещение государственной политики в плоскость установления порядка реализации гражданами права на доступ к объектам культурного наследия позволит урегулировать и корреспондирующую ему обязанность собственника обеспечить такой доступ, которая должна рассматриваться не как гражданско-правовое обременение, а как аналог наделения его публичными полномочиями. Следовательно, должен применяться и один из базовых принципов делегирования полномочий – передача полномочий допускается только при условии их финансирования.

В связи с изложенным представляется, что к отношениям по обеспечению доступа граждан к объекту культурного наследия должно применяться правило земельного законодательства о том, что собственник вправе требовать от органа государственной власти или органа местного самоуправления, установивших публичный сервитут, соразмерную плату. Нельзя при этом забывать, что законодательное закрепление любой финансовой поддержки гражданам не может быть полным и безоговорочным и установление выплат собственнику за обременение его права будет нарушать принципы адресности и нуждаемости, кроме того, крайне затруднительным будет определение размера причитающихся выплат. Вместо этого, например, возможно предусмотреть для собственников объектов культурного наследия определенные налоговые льготы по налогу на имущество. Это не станет чересчур обременительным для

бюджета и в то же время позволит создать действенный механизм компенсации собственнику ограничений, установленных в одностороннем порядке актом органа государственной власти.

Большое значение также имеет возможность приостановления доступа к объекту культурного наследия. Согласно ст. 47.5 Закона об объектах культурного наследия, в интересах сохранения объекта культурного наследия, включенного в реестр (его части), доступ к объекту культурного наследия может быть приостановлен на время проведения работ по сохранению объекта культурного наследия или в связи с ухудшением его физического состояния. Приостановление доступа к объекту культурного наследия (его части) и возобновление доступа к нему осуществляются по решению соответствующего органа охраны объектов культурного наследия.

При этом Законом об объектах культурного наследия не урегулированы основания и сроки приостановления доступа, что противоречит ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Из этого следует два важных вывода. Во-первых, решение уполномоченного органа не может являться достаточным основанием для ограничения (приостановления) конституционного права человека. И, во-вторых, проведение работ по сохранению объекта культурного наследия не может являться основанием для приостановления права граждан на доступ к нему.

Таким образом, право на доступ к объектам культурного наследия следует рассматривать не только как законодательное требование, ограничивающее право собственности, но и как самостоятельное вещное право, что позволит внедрить действенные правовые механизмы защиты собственников таких объектов. С этой целью необходимо внести изменения в ст. 216 ГК РФ, дополнив п. 1 абзацем следующего содержания: *«Законами могут быть установлены иные виды вещных прав лиц, не являющихся собственниками»*.

Кроме того, гл. IX Закона об объектах культурного наследия следует дополнить ст. 51.1 «Вещные права лиц, не являющихся собственниками объектов культурного наследия», в которой в числе прочего указать, что право доступа к объекту культурного наследия является вещным правом.

Предлагаемые изменения приведут к тому, что право на доступ, будучи ограниченным вещным правом, может быть защищено вещно-правовыми способами, установленными гражданским законодательством.

Очевидно, изменения повлекут и необходимость урегулирования отношений, связанных с правом доступа к тем объектам культурного наследия, которые находятся в государственной собственности и в которых расположены органы государственной власти и иные государственные органы, доступ к которым может быть ограничен из соображений секретности и необходимости защиты государственной тайны.

Учитывая, что доступ к объекту культурного наследия является гарантированным Конституцией Российской Федерации, основные положения о доступе должны быть закреплены в Законе об объектах культурного наследия. Принимая во внимание большое количество необходимых к принятию положений, целесообразно дополнить Закон об объектах культурного наследия новой главой «Доступ к объектам культурного наследия», в которой в числе прочего указать понятие доступа, виды доступа, особенности правового режима, основания и сроки приостановления доступа к объекту культурного наследия.

В целях развития и конкретизации положений Закона об объектах культурного наследия следует также разработать приказ Министерства культуры России «Об организации доступа граждан к объектам культурного наследия», в котором определить:

- 1) виды доступа к объекту культурного наследия в зависимости от категории и предмета охраны объекта культурного наследия;
- 2) обязанности публично-правовых образований по обеспечению доступа к объектам культурного наследия;
- 3) порядок информирования граждан о способах и времени доступа к объекту культурного наследия;
- 4) особенности реализации права на доступ к объектам культурного наследия, являющимся жилыми домами;
- 5) особенности реализации права на доступ к объектам культурного наследия, являющимся особо охраняемыми объектами.

Реализация вышеуказанных предложений позволит законодательно закрепить право доступа к объекту культурного наследия в качестве ограниченного вещного права, установить действующий механизм защиты граждан, которым по необоснованной причине отказано в доступе к объекту культурного наследия, а также сформировать эффективный механизм поддержки собственников объектов культурного наследия.

Литература

1. Об охране всемирного культурного и природного наследия: конвенция ЮНЕСКО от 16 ноября 1972 г. // Сборник международных договоров СССР. 1990. Вып. XLIV. С. 496–506.
2. Российское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. I / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2016.
3. Сергеев А. П. Гражданско-правовая охрана историко-культурных ценностей в СССР. Л.: Мир, 1990.
4. Шмаков В. Н. К вопросу о соотношении публичных и частных интересов в условиях конфликта на государственной службе: теоретико-правовые аспекты // Власть закона. 2017. № 3 (31).

УДК 347.1

РЕЖИМ ТОВАРОВ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В АСПЕКТЕ КОНВЕРГЕНЦИИ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Михаил Геннадьевич Щербаков, аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета

E-mail: pravovednalog777@mail.ru

Статья посвящена режиму товаров двойного назначения. Автором дается определение и классификация режима товаров двойного назначения. Обосновывается, что режим товаров двойного назначения представляет собой международный комплексный частно-правовой режим, регулирующий оборот товаров, ограниченных в обороте. Проводится анализ структуры режима товаров двойного назначения в аспекте конвергенции частного и публичного права. Обосновывается наличие в системе режима товаров двойного назначения публично-правовой и частноправовой составляющих, находящихся между собой в тесной взаимосвязи. Автор связывает публично-правовую составляющую режима товаров двойного назначения с системой мер экспортного контроля, регулирующей вертикальные отношения в сфере оборота товаров двойного назначения; кроме того, выделяет гражданско-правовую составляющую, связанную с регулированием горизонтальных правоотношений между участниками внешнеторговой деятельности. Делается вывод о том, что национальный режим товаров двойного назначения представляет собой подсистему международного режима товаров двойного назначения, который в настоящее время не получил должного развития. Предлагается расширить сферу использования системы внутреннего контроля, основанной на диспозитивных методах регулирования (комплаенс).

Ключевые слова: режим товаров двойного назначения; экспортный контроль; товары и технологии двойного назначения; конвергенция частного и публичного права.

REGIME OF DUAL-USE GOODS IN TERMS OF THE CONVERGENCE OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

Mikhail Gennadievich Shcherbakov, post graduate of the Kazan (Volga region) Federal University

The article is devoted to the regime of dual-use goods. The author provides a definition and classification of the regime of dual-use goods. It is substantiated that the regime of dual-use goods is an international comprehensive private-law regime governing the circulation of goods limited in circulation. The analysis of the structure of the regime of dual-use goods in the aspect of the convergence of private and public law. The presence in the system of the regime of dual-use goods of public law and private law components, which are closely interconnected, is substantiated. The author links the public-law component of the dual-use goods regime with the system of export control measures that regulates vertical relations in the sphere of the circulation of dual-use goods. In addition, the author identifies the civil law component associated with the regulation of horizontal legal relations between the participants of foreign trade activities. The author concludes that the national regime of dual-use goods is a subsystem of the international regime of dual goods, which currently has not received proper development. In addition, the author proposes to expand the scope of the use of the internal control system based on optional regulatory methods (compliance).

Keywords: dual-use mode; export controls; dual-use goods and technologies; convergence of private and public law.

В современном мире инновации играют определяющую роль, формируя новый технологический уклад – Индустрию 4.0. Вместе с тем новый технологический уклад обуславливает как новую структуру глобальной безопасности, так и новый тип экономических отношений, связанный с обменом товарами и технологиями, в том числе двойного назначения.

Мировой рынок технологий представляет собой систему экономических отношений в сфере обмена научно-техническими знаниями, которые могут быть представлены как в овеществленном, так и в не овеществленном виде.

В настоящее время мировую технологическую пирамиду можно представить следующим образом. Лидирующие позиции занимают США, Япония и несколько европейских государств – ФРГ, Франция, Великобритания, Швейцария, Нидерланды. Дальше располагаются страны, имеющие высокий потенциал в развитии технической составляющей. К ним относятся Китай, Индия, новые индустриальные страны (Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Таиланд, Малайзия, Филиппины), несколько европейских стран (Швеция, Чехия, Италия, Ирландия, Испания, Бельгия, Австрия и др.). На третьем уровне находится десяток неопределившихся стран (Аргентина, Чили, Перу, Колумбия, Турция и др.), к которым также относится Россия. Доля России на международном рынке технологий составляет 2,35 %, тогда как доля США – 28 %, ЕС – 26 %, Японии – 9,3 %, Китая – 8,2 %*.

Современные технологические инновации в большей части представляют собой товары двойного назначения, т.е. товары, которые могут быть использованы как в гражданских, так и военных целях. Например, к товарам двойного назначения относятся суперкомпьютеры, композитные материалы, лазеры, радары, микроэлектронные системы, средства навигации и т.п. Таким образом, двойное назначение данных товаров и технологий обуславливает необходимость контроля за их применением. Между тем проблематика оборота товаров двойного назначения как объектов торгового (гражданского) оборота, особые свойства которых требуют установления в отношении их особого режима, связанного с ограничением их оборотоспособности, по разным причинам не получила в современной науке гражданского права основательного анализа.

Исторически режим товаров двойного назначения, обусловленный необходимостью осуществления экспортного контроля, возник в 50-е гг. XX в. как результат «холодной войны». В 1949 г. был основан Координационный комитет по экспортному контролю, в компетенцию которого входило составление перечней «стратегических» товаров и технологий, не подлежащих экспорту в страны «восточного блока», установление ограничений по использованию товаров и технологий, а также разработка стратегии «контролируемого технологического отставания». В связи с этим изначально режим товаров двойного назначения, необходимый для сдерживания развития вероятного противника, основывался исключительно на системе мер экспортного контроля. Между тем с окончанием «холодной войны», а также с развитием мирового рынка технологий возникла необходимость установления порядка регулирования оборота товаров двойного назначения. Изменились и цели режима таких товаров, и методы регулирования.

В настоящее время режим товаров двойного назначения направлен не только на контроль за передачей обычных вооружений и товаров и технологий «двойного применения», но и на создание условий для интеграции национальных экономик в мировое пространство. В связи с этим режим товаров двойного назначения трансформировался из исключительно публично-правового режима в комплексный правовой режим, обусловленный необходимостью включения товаров двойного назначения в торговый (гражданский) оборот.

Таким образом, режим товаров двойного назначения можно дифференцировать как межотраслевой комплексный правовой режим, осложненный иностранным элементом, представляющий собой упорядоченную систему взаимосвязанных императивных и диспозитивных методов правового регулирования в сфере внешнеэкономической деятельности в целях

* Рейтинг стран мира по индексу инноваций // Экспертно-аналитический портал «Центр гуманитарных технологий». URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info> (дата обращения: 08.02.2019).

обеспечения безопасности государства и создания условий для интеграции национальной экономики в мировую экономику.

Комплексный характер режима товаров двойного назначения предполагает наличие сложной иерархической структуры режима, которая включает в себя публично-правовую и частно-правовую (гражданско-правовую) составляющие. Кроме того, частноправовая (гражданско-правовая) составляющая режима присоединяет международную частноправовую составляющую.

Несомненно, ведущую роль в режиме товаров двойного назначения играет публично-правовая составляющая, что обусловлено публичными целями режима, которая представляет собой систему мер экспортного контроля. В основе международной системы экспортного контроля лежат международные соглашения (Вассенаарские договоренности) *, которые призваны укрепить международную безопасность, обеспечить стабильность международных отношений, повысить транспарентность и степень ответственности при передаче товаров двойного назначения, а также не допустить накопление избыточного военного потенциала.

Национальный уровень системы экспортного контроля обуславливается созданием системы мер экспортного контроля внутри стран – участников международного режима. Так, например, в Российской Федерации система экспортного контроля базируется на Конституции РФ и Федеральном законе от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле».

Ключевым элементом режима товаров двойного назначения является контрольный список товаров. Включение тех или иных товаров в контролируемый список связано с их техническими характеристиками. В связи с особыми свойствами товаров двойного назначения устанавливается ограничение их оборотоспособности.

Необходимо отметить, что международный уровень системы экспортного контроля носит рамочный характер и конкретизируется в национальном законодательстве. Например, система экспортного контроля США призвана гарантировать стратегические интересы страны в целях достижения стратегического технологического лидерства США в международной торговле. Примечательно, что в настоящее время меры экспортного контроля часто используются разными странами для обеспечения неконкурентных преимуществ на мировом рынке технологий. Кроме того, санкции и ограничения, установленные США и ЕС, фактически отстранили Российскую Федерацию от мирового рынка товаров двойного назначения.

Таким образом, международная публично-правовая составляющая режима товаров двойного назначения представляет собой несовершенную, во многом архаичную конструкцию, использующую запретительные методы правового регулирования. Кроме того, непрозрачность мер экспортного контроля позволяет странам свободно трактовать причины тех или иных ограничений.

Необходимо подчеркнуть, что основной задачей режима товаров двойного назначения является обеспечение глобальной безопасности, стабильности и развития международного рынка по обмену товаров и технологий двойного назначения. Стратегически членство государств в международных режимах экспортного контроля необходимо для интеграции экономик в систему международных экономических связей, установления равноправного и взаимовыгодного технологического обмена со многими промышленно развитыми странами. Кроме того, это дает возможность непосредственно влиять на формирование международных норм поведения на мировых рынках высоких технологий, исходя из национальных интересов [3].

Режим товаров двойного назначения определяется не только необходимостью защиты общественных интересов, но и созданием условий эффективного использования участниками предпринимательской деятельности своих средств (капиталов), а также созданием прозрачной системы управления предпринимательскими рисками в ходе оборота товаров двойного назначения. В связи с этим особую роль стала играть гражданско-правовая составляющая режима товаров двойного назначения, которая призвана урегулировать горизонтальные отношения

---

* Wassenaar Arrangement. URL: www.wassenaar.org/faq/index.html (дата обращения: 07.04.2018).

субъектов внешнеэкономической деятельности, а также устранить необоснованные, архаичные административные ограничения оборота товаров двойного назначения, обеспечить гибкость риск-ориентированного подхода, децентрализацию системы экспортного контроля.

А. В. Погодин отмечал, что каждая практика, особенно инновационная, и та, модернизация которой инициирована государством, объективно (да и субъективно с точки зрения социально ответственного человека, социальной группы) нуждается и требует хотя бы минимальной упорядоченности, структурно-функциональной стабильности и максимальной защиты от произвола кого бы то ни было [2]. А. В. Панкова определила систему экспортного контроля как политически обусловленный, многосторонний и событийно управляемый механизм воздействия на внешнеторговые отношения [3].

Таким образом, гражданско-правовые меры регулирования, в отсутствие эффективного публично-правового механизма регулирования оборота товаров двойного назначения, призваны компенсировать дисбаланс регулирования, а также решить основные проблемы режима товаров двойного назначения. К основным проблемам режима товаров двойного назначения можно отнести отсутствие единых стандартов формирования контрольных списков, реальных полномочий международного органа в сфере контроля за оборотом товаров и технологий двойного назначения, а также отставание правового регулирования от развития технологий.

Вместе с тем необходимо помнить, что режим товаров двойного назначения представляет собой разновидность гражданско-правового режима, регулирующего торговый (гражданско-правовой) оборот товаров, ограниченных в обороте. В связи с этим важную роль в режиме товаров двойного назначения играет частноправовая (гражданско-правовая) составляющая, обусловленная диспозитивным характером регулирования общественных отношений. Кроме того, наличие в правоотношениях иностранного субъекта обуславливает присутствие в режиме товаров двойного назначения международной частноправовой составляющей. В связи с этим источником регулирования режима товаров двойного назначения является внешнеторговый контракт, в котором отражаются условия целевого использования товаров, возможность проверки такого использования, условия проведения идентификации товара, а также условие исполнения контракта исключительно после получения разрешения (лицензии). Особое место занимают локальные нормативные акты внутренней программы по контролю и управлению рисками в сфере оборота товаров двойного назначения. Например, комплаенс, будучи децентрализованной системой контроля и управления рисками, возникающими из-за несоблюдения законодательства, позволит обеспечить прозрачные и понятные правила регулирования оборота товаров двойного назначения, а также устранить избыточный государственный контроль. В связи с этим в США в настоящее время проходит реформа системы экспортного контроля, целью которой является создание единого автоматизированного механизма контроля за вывозом товаров за рубеж, единого экспортного ведомства, единого контрольного списка. Кроме того, продолжается развитие внутренних программ экспортного контроля*.

Между тем необходимо отметить, что режим товаров двойного назначения – относительно «молодая» правовая конструкция, которая подвержена влиянию политических и экономических факторов. Кроме того, создание реально действующих международных правил оборота товаров двойного назначения, а также единого наднационального органа, регулирующего оборот товаров двойного назначения, – непростая задача, требующая согласования порой противоположных позиций стран – участников международных отношений. Вместе с тем это объективный процесс, который позволит создать единый и прозрачный международный механизм регулирования оборота товаров двойного назначения, а следовательно, цивилизованный международный рынок товаров и технологий двойного назначения. По мнению У. Уолфорта, стремление одной стороны использовать намерение сотрудничать с другой стороной только

* About Export Control Reform (ECR) // Export.gov. URL: <http://2016.export.gov/ecr/index.asp> (дата обращения: 14.03.2019).

в своих интересах может привести к разрушительным последствиям [4, с. 7–18]. В связи с этим стремление США обеспечить свое конкурентное преимущество в ущерб международным целям всеобщей безопасности может привести к дисбалансу всей международной системы экспортного контроля, что может оказать негативное воздействие на темпы развития международного рынка товаров и технологий двойного назначения, а также на международную безопасность.

Вместе с тем следует отметить, что существенным недостатком национального режима товаров двойного назначения, оказывающим негативное влияние на их оборот, является отсутствие четких и понятных критериев оценки степени опасности сделок с контролируруемыми товарами в конкретной ситуации. Так, включение того или иного товара в контрольный список не является достаточным основанием ограничения его оборотоспособности. Судья Конституционного Суда Российской Федерации К. В. Арановский в особом мнении отметил, что защита конституционных ценностей возможна как таковая лишь в паре с опасностью, т.е. упреждение угроз и рисков на перспективу либо в ретроактивном исполнении. Если угроза и опасность не самоочевидны, их нужно установить и доказать в судепроизводстве, причем в реально существующих опасностях, в действительных источниках риска [1].

Кроме того, бессистемность подзаконных актов в сфере экспортного контроля вносит неопределенность в процесс регулирования оборота товаров двойного назначения. Так, например, подзаконными актами выделяются такие объекты контроля, как технологии. Между тем технологии не являются самостоятельными объектами гражданских прав. В связи с этим предлагается на национальном уровне проведение ревизии и унификации законодательства в сфере экспортного контроля в целях устранения необоснованных и архаичных административных барьеров. Использование децентрализованной системы внутреннего контроля, комплекс программ позволит перейти от разрешительного к уведомительному порядку контроля за оборотом товаров двойного назначения, а значит существенно повысить оборотоспособность товаров двойного назначения.

Вместе с тем развитие децентрализованных программ экспортного контроля невозможно без использования современных инновационных технологических методов, которые позволяют отказаться от архаичных запретительных мер контроля. К числу современных методов можно отнести создание единой национальной цифровой платформы, использующей современные инновационные технологии – smart-контракт, blockchain, AI, big data, AR и т.д.

В заключение необходимо сделать вывод о том, что режим товаров двойного назначения имеет частноправовую природу. Система правового режима товаров двойного назначения имеет арсенал частноправовых и публично-правовых методов, обусловленных конвергенцией частного и публичного права. Кроме того, развитие регулирования оборота товаров двойного назначения обусловлено созданием единых международных правил, унификацией, гармонизацией национального законодательства, а также децентрализацией регулирования посредством развития внутренней программы экспортного контроля на предприятиях, а также горизонтальных связей между участниками внешнеэкономической деятельности на основе современных инновационных технологий.

Литература

1. По делу о проверке конституционности статьи 191 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е. Г. Финкельштейна: постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 г. № 4-П. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision374685.pdf>.
2. Погодин А. В. Элементы теории правореализации. Исследование практики взаимодействия частных и публичных субъектов, права, социокультурной среды. Academic Publishing, 2012.
3. Приоритеты зарубежных НИОКР двойного назначения / отв. ред. А. В. Панкова, С. Ю. Казенов. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
4. Уолфорт У. История международных отношений объясняется структурной анархией // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1(64).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

Текст представленной работы должен содержать: введение (вводную часть), основную часть и заключение (заключительная часть). Объем каждой из частей и их соотношение определяются автором, исходя из особенностей статьи.

Вводная часть работы, как правило, служит для обоснования автором целесообразности и/или актуальности темы (научной разработки, проблемы, вопроса или задачи). В ней же формулируется основной замысел или причина, побудившая автора к проведению углубленного исследования темы и поиску решения проблемного вопроса (ситуации).

Основная часть служит для раскрытия содержательных и/или доказательных аспектов рассматриваемой темы (проблемы, вопроса или задачи) исследования. Здесь необходимо подробно изложить суть проблемы, провести ее анализ, обосновать решения и конкретные приемы (способы, методы), предлагаемые автором, отразить результаты, полученные путем анализа и синтеза, а также привести достаточные основания и доказательства, подтверждающие их достоверность.

В заключении (заключительной части) автором формулируются обобщенные выводы, основные рекомендации или предложения; приводятся иные итоги проведенного исследования; прогнозы и/или перспективы развития темы, а также возможности и сферы их использования; могут указываться направления дальнейших исследований и разработок автора.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: <https://media.mvd.ru/files/application/1584044>) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70%. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30% по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники. При этом список библиографических ссылок вначале содержит перечень использованных официальных документов, расположенных по юридической силе, затем – перечень печатных источников (книги, статьи в журналах и газетах и т. д.), а в конце списка литературы приводятся ссылки на интернет-ресурсы. В пределах каждой такой подгруппы библиографические записи сортируются по алфавиту. Пристатейный нумерованный список литературы следует оформлять в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России,

редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник ДВЮИ МВД России».